

Глава 6

1. Как смеет кто у вас, имея дело с другим, судиться у нечестивых, а не у святых? 2. Разве не знаете, что святые будут судить мир? Если же вами будет судим мир, то неужели вы не достойны судить маловажные дела? 3. Разве не знаете, что мы будем судить ангелов, не тем ли более дела житейские? 4. А вы, когда имеете житейские тяжбы,ставляете своими судьями ничего не значащих в церкви. 5. К стыду вашему говорю: неужели нет между вами ни одного разумного, который мог бы рассудить между братьями своими? 6. Но брат с братом судится, и притом перед неверными. 7. И то уже весьма унижительно для вас, что вы имеете тяжбы между собою. Для чего бы вам лучше не оставаться обиженными? для чего бы вам лучше не терпеть лишения? 8. Но вы сами обижаете и отнимаете, и притом у братьев.

(1. Смеет кто у вас, имея дело с другим, судиться у нечестивых, а не у святых? 2. Разве не знаете, что святые будут судить мир? Если же в вас будет судим мир, то вы не достойны судить маловажные дела? 3. Разве не знаете, что мы будем судить ангелов, не тем ли более дела житейские? 4. Итак, если имеете житейские тяжбы,ставляйте своими судьями презираемых в церкви. 5. К стыду вашему говорю: неужели нет между вами ни одного разумного, который мог бы рассудить между братьями своими? 6. Но брат с братом судится, и притом перед неверными. 7. И то уже является для вас проступком, что вы имеете тяжбы между собою. Для чего бы вам лучше не терпеть обиду? 8. Но вы сами обижаете и отнимаете, и притом у братьев.)

Здесь апостол порицает другой порок коринфян: чрезмерную страсть к судебным тяжбам, рождающуюся от алчности. В этом порицании две части. Первая: когда коринфяне состязались друг с другом перед судом неверующих, они тем самым бесславили Евангелие и подвергали его насмешкам. Вторая: в то время как христиане должны терпеть обиды, коринфяне скорее готовы были нанести обиду сами, нежели терпеть какие-либо неудобства. Таким образом, первая часть упрека особо относится к коринфянам, а вторая – ко всем вообще.

1) *Как смеет кто у вас (Смеет кто у вас).* Вот первое положение: если кто судится с братом, спор должны разрешать благочестивые, а не нечестивые судьи. Если же спросят о причине, то, как уже было сказано, она состоит в том, что в противном случае Евангелие бесчестится, и имя Христово выставляется на поругание нечестивым. Ведь они по внушению сатаны всегда жадно хватаются за любой повод оклеветать учение благочестия. Верующие же, делая нечестивых своими союзниками в тяжбах, кажется, нарочно дают им повод для злословия. Можно привести и другую причину: мы наносим братьям оскорбление, по своей воле подчиняя их суду неверующих.

Но здесь можно возразить: коль скоро прямая прерогатива гражданских властей – определять права каждого и расследовать тяжбы, почему же неверующие, заседающие в магистрате, не имеют подобной власти? А если имеют, почему нам запрещают защищать свои права перед их судом? Отвечаю: Павел осуждает здесь не тех, кто по необходимости судится перед неверующими (например, таких, кого силой влекут на суд), но тех, кто добровольно ведет на суд братьев и мучает их там руками нечестивых, хотя ему можно было воспользоваться и другим средством. Итак, зло – по собственной воле начинать с братьями тяжбы перед судом неверующих, но если тебе уже назначен день, вовсе не зло – явиться на суд и защищать там свое дело.

2) *Разве не знаете, что святые.* Довод от меньшего к большему. Ибо Павел желает показать, что церкви наносится обида, когда внутренние тяжбы выносятся на суд неверующих, словно среди благочестивых нет никого способного рассудить других. И он рассуждает так: коль скоро Бог удостоил святых чести и сделал их судьями всего мира, не подобает отстранять их от рассмотрения мелких дел, словно они к этому не готовы. Отсюда следует: коринфяне оскорбили самих себя, передав неверующим свою же собственную данную

от Бога честь. Сказанное же здесь о суде над миром следует соотнести с речением Христовым: вы воссядете, когда придет Сын Человеческий, и т.д. Ибо Сыну так передана вся власть судить, что к соучастию в подобной чести Он привлечет святых, словно Своих помощников. Иначе они *будут судить мир* в том же смысле, как начинают судить его теперь. Ибо их благочестие, вера, страх Господень, добрая совесть, целомудренная жизнь отнимают у нечестивых всяческие извинения. Как и о Ное сказано (Евр.11:7), что он своей верой осудил всех людей своей эпохи. Но первое толкование больше подходит намерению апостола: ведь если слово «суд» понимать здесь не в прямом смысле, его довод не будет иметь никакой силы. Однако этот довод и так представляется не слишком весомым. Павел как бы говорит: святые наделены небесной мудростью, безмерно превосходящей все человеческие учения; поэтому о звездах они должны судить лучше самих астрологов.

Но с этим никто не согласится, и возражение здесь вполне очевидно: благочестие и духовное учение не несут с собой знания человеческих наук. Отвечаю: между другими искусствами и опытностью в судейских делах различие в том, что первые приобретаются остротой разума и усердием, познаются от учителей, а указанная опытность заключается в справедливости и доброй совести. Но скажут: обученные юриспруденции будут судить лучше и надежнее, чем какой-нибудь верующий невежда, иначе обучение праву было бы излишним. Отвечаю: здесь не исключаются совещания с юристами. Если решение какого-нибудь запутанного вопроса зависит от знания законов, апостол не запрещает христианам обращаться к юристам. Павел упрекает коринфян лишь за то, что они выносили свои тяжбы на суд неверующих, словно в их церкви не было никого способного судить. И учит их тому, сколь более превосходный суд вручил Бог Своему народу.

Фраза «в вас», на мой взгляд, означает здесь «среди вас». Ибо всякий раз, как верующие собираются вместе под надзором Христовым, в их собрании уже присутствует некий образ будущего суда, имеющего состояться в последний день. Итак, Павел учит, что мир судится в церкви, где воздвигнуто судилище Христово, посредством которого Он осуществляет Свою власть.

3) *Разве не знаете, что мы будем судить ангелов?* Этот отрывок толкуется по-разному. Златоуст сообщает, что некоторые относили сказанное к священникам, но подобное толкование слишком натянуто. Другие относили фразу к небесным ангелам в том смысле, что даже ангелы подлежат суду Слова Божия, и мы при необходимости будем судить их посредством этого Слова. Как сказано в Гал.1:8: если ангел с неба возвестит вам иное Евангелие, да будет анафема. И на первый взгляд подобное толкование вполне соответствует контексту: ведь если все, кого Бог просветил Своим Словом, наделены такой властью, что судят по этому Слову не только людей, но и ангелов, сколь большее они имеют право разбирать маловажные тяжбы. Но коль скоро Павел говорит здесь о будущем, как бы имея в виду последний день, и слова его указывают на суд в прямом смысле слова, на мой взгляд, вполне достаточно разуместь здесь отступивших ангелов. Ведь довод апостола будет вполне состоятелен, если понять его так: мы будем судить демонов, вначале созданных весьма благородными, которые и теперь, после лишения их власти, являются бессмертными тварями и стоят над тленным миром. И что же? Разве мы не можем судить также и то, что ниже нас самих?

4) *Когда (если) имеете житейские тяжбы.* Надо всегда иметь в виду, о каких разбирательствах говорит апостол. Ведь общественные тяжбы находятся вне нашей власти, и их нельзя по нашей воле выносить на рассмотрение другого суда. Рассмотрение же личных тяжб можно передавать другим судьям и без согласия гражданских властей. Итак, поскольку передача дела в этом случае ничем не умаляет права магистрата, апостол справедливо заповедует христианам воздерживаться от мирского суда, то есть от суда неверующих. И дабы коринфяне не жаловались, что их лишают лучшего средства к разрешению тяжб, апостол велит избирать судей из среды верующих, которые бы спокойно и справедливо рассматривали различные дела. И дабы коринфяне не заявили, что у них нет

подходящих судей, апостол учит, что даже низшие могут занимать подобную должность. И Павел не принижает достоинство гражданских властей, заповедуя вручать их служение презируемым людям. Ведь сказанное апостолом надо понимать в смысле упреждения. Павел как бы говорит: даже самый последний и презренный среди вас лучше исполнит это служение, чем нечестивые судьи, к которым вы прибегаете; так что прибегать к ним нет никакой необходимости.

К этому толкованию весьма близко подходит Златоуст, хотя он добавляет и кое-что еще. Он думает, будто апостол хотел сказать следующее: даже если среди коринфян не обнаружится ни одного человека, достаточно благоразумного и способного судить, все же им надо избрать судей из своей среды, какими бы они ни были. Что касается Амвросия, то он в этом вопросе, как говорят, находится между небом и землей. Мне же кажется, что я правильно выразил мысль апостола. Она состоит в том, что в отношении способности судить он самых последних верующих предпочитает неверующим.

Некоторые видят в сказанном совершенно другой смысл. Глагол *καθίζετε* они понимают в настоящем времени, а презируемыми в церкви считают мирских людей. Но это толкование более утонченно, нежели обоснованно. Ведь подобная апелляция к неверующим звучала бы весьма холодно. Кроме того, фраза «если имеете» не сильно подходит порицанию. В этом случае больше подошла бы фраза «когда имеете». Ибо условие ослабило бы силу упрека. Посему я больше склонен понимать так, что здесь нам предписывается врачевство от зла.

Впрочем, из какой-то фразы Августина явствует, что древние плохо понимали этот отрывок. Ибо в книге «О монашеском труде», упоминая о своих занятиях, он утверждает, что самой тягостной для него была необходимость посвящать часть дня мирским делам. Однако же он терпеливо переносил подобную ношу, потому что ее возложил на него апостол. Из этого места и еще какого-то послания явствует, что епископы имели обыкновение посвящать определенное время разрешению споров между верующими; как будто апостол имел здесь в виду именно их. Поскольку же дела всегда со временем становятся хуже, из этого заблуждения сложилась юрисдикция, которую епископские чиновники присвоили себе в денежных тяжбах. Итак, в этом древнем обычае есть два достойных упрека момента. Епископы занимались чуждыми их служению делами, и оскорбляли Бога, утверждая, что отходят от своего призвания по Его заповеди и власти. Но это, возможно, было еще терпимым злом. Защищать же и извинять на этом основании скверный обычай, воцарившийся в папстве, совершенно недопустимо.

5) *К стыду вашему говорю*. Смысл таков: если другие доводы вас никак не затрагивают, по крайней мере, подумайте о том, сколь это постыдно, что среди вас нет ни одного, кто мог бы по-дружески разрешить дело между братьями; и эту прерогативу вы уступаете неверующим. Этот отрывок не противоречит вышеприведенным словам, где апостол утверждал, что упоминает о пороках коринфян не для того, чтобы их пристыдить. Ведь, порицая их таким образом, он скорее отваживает их от порока и помогает им стать достойнее. Итак, Павел не хочет, чтобы коринфяне столь дурно думали о своем собрании и отдавали неверующим то, чем обделяли собственных братьев.

7) *И то уже весьма унижительно (является для вас проступком)*. Вторая часть содержит в себе общее учение. Апостол упрекает коринфян не только в том, что они подвергают Евангелие осмеянию и бесславию. Он называет пороком уже то, что они ведут друг с другом тяжбы. Однако следует отметить особенность использованного им слова, ибо *ἡττημα* по-гречески означает немощь души, когда она становится легко ранимой и нетерпимой к обидам. Затем это слово перенесли и на остальные пороки, ибо все они рождаются из немощи и нерешительности. Итак, Павел осуждает в коринфянах то, что, состязаясь в судах, они заставляют друг друга скорбеть. И указывает на причину: коринфяне не умеют переносить оскорбления. Действительно, поскольку Господь заповедует нам не побеждаться

злом, но преодолевать несправедливость благодеяниями, те, кто не может владеть собой и переносить обиды, несомненно грешат нетерпением. И если признаком этого нетерпения являются судебные тяжбы между верующими, отсюда следует, что они – порочны.

Но кажется, что таким образом запрещаются все вообще частные тяжбы. Судящиеся друг с другом несомненно грешат, следовательно никому не позволено защищать свои права перед гражданскими властями. Некоторые отвечают на это возражение так: апостол говорит, что там, где имеются тяжбы, присутствует несомненный порок, поскольку одна из судящихся сторон с необходимостью неправа. Однако подобная увертка ничуть им не помогает. Ведь Павел утверждает, что люди грешат не только тогда, когда причиняют обиду, но и когда не переносят ее с терпением. Я же отвечу проще и скажу так: поскольку ранее тот же апостол разрешил иметь судей, он тем самым достаточно ясно показал, что христианам позволительно с умеренностью и не нарушая правила любви отстаивать свои права. Отсюда легко вывести, что апостол высказался столь жестко, учитывая конкретные обстоятельства. Действительно, везде, где тяжбы происходят часто, или где обе стороны упорно и неуступчиво судятся друг с другом, становится очевидным, что души спорящих охвачены неумеренной и злой похотью и не склонны к справедливости и терпению по заповеди Христовой. Скажу более прямо: причина, по которой Павел осуждает тяжбы, состоит в том, что мы должны великодушно переносить обиды.

А теперь посмотрим, можно ли судиться с кем-либо, сохраняя терпение. Если это так, то тяжбы являются злом не всегда, но *ἐπὶ τὸ πολὺ*, то есть, как правило. Признаю, что коль скоро нравы людей испорчены, нетерпение или недостаток терпимости – почти неотъемлемое свойство всех тяжб. Но это не мешает различать между самой вещью и ее порочным привходящим свойством. Посему, будем помнить: Павел не потому осуждает тяжбы, что защищать правое дело с помощью гражданской власти само по себе зло, но потому, что с тяжбами почти всегда связаны такие порочные чувства, как неумеренность, жажда мести, враждебность, упорство и т.п.

Удивительно, что церковные писатели не рассмотрели этот вопрос более подробно. Августин больше других уделил ему внимание и ближе подошел к правильному решению. Но и он, как бы правильно ни учил, в чем-то не вполне ясен. Те же, кто хочет учить яснее, говорят, что следует различать между общественным и частным отмщением. Поскольку гражданские власти наделены от Бога правом мщения, те, кто просит у них помощи, не присваивают мщение себе, но прибегают к Богу как единственному мстителю. Это звучит разумно и уместно, но следует идти дальше. Ведь, если мщение нельзя просить даже у Самого Бога, так же не позволительно прибегать к мщению гражданских властей.

Итак, соглашусь, что христианину запрещено всякое мщение. Он не может осуществлять его ни сам, ни через гражданские власти, не может даже о нем просить. Значит, если христианин хочет защищать свои права в суде без оскорбления Бога, он, прежде всего, должен остерегаться приносить на суд какую-либо похоть мщения, какое-либо порочное стремление души, гневливость, и вообще какой-либо яд.

Если же кто-то возразит и скажет: крайне редко бывает, чтобы кто-то вел тяжбу, будучи свободным от всякого дурного желания, – я соглашусь с ним и признаю, что редко можно встретить ведущего тяжбу добряка. Но по многим причинам полезно показать, что тяжба сама по себе – не зло, что ее лишь портят разные злоупотребления. Во-первых, это полезно для того, чтобы не казалось, что Бог напрасно установил суд. Во-вторых, чтобы благочестивые знали, что именно им позволено, и не делали что-либо против совести. Ибо многие, однажды преступив эту грань, доходят до открытого презрения Бога. В-третьих, люди должны усвоить: надо соблюдать умеренность и не осквернять своими пороками разрешенное Богом средство защиты. И наконец, чтобы дерзость нечестивых сдерживалась нашим чистым и искренним рвением; что не может иметь место в случае, если нам не позволено подвергать их законному наказанию.

8) *Но вы сами обижаете.* Отсюда явствует, почему апостол так сурово ополчился на коринфян. Среди них царила столь порочная страсть к собственничеству, что они даже обижали из-за этого друг друга. Несколько ранее, подчеркивая огромность этого зла, апостол говорил, что не умеющие переносить обиды по сути не христиане. Значит, здесь присутствует усиление смысла путем сравнения. Ибо, если не терпеть обиды – зло, сколь хуже наносить их самому?

И притом у братьев. Это еще более отягощает проступок коринфян. Ведь если грешат уже те, кто отнимает у чужих, воистину чудовищно, когда брат грабит и обманывает брата. Все же мы, именующие одного Отца на небесах, несомненно братья. И Павел не хочет сказать, будто вероломно поступать с чужими – не такое уж большое преступление; он просто показывает, до какой степени были ослеплены коринфяне, если для них даже священное братство не имело никакого значения.

9. Или не знаете, что неправедные Царства Божия не наследуют? Не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники, 10. ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники – Царства Божия не наследуют. 11. И такими были некоторые из вас; но омылись, но освятились, но оправдались именем Господа нашего Иисуса Христа и Духом Бога нашего.

(9. Или не знаете, что неправедные Царства Божия не наследуют? Не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники, 10. ни воры, ни алчные, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники – Царства Божия не наследуют. 11. И такими вы были; но омылись, но освятились, но оправдались именем Господа нашего Иисуса и Духом Бога нашего.)

9) *Или не знаете.* Под неправедностью разумею здесь то, что противоположно конкретному виду праведности. Следовательно, неправедные, то есть те, кто несправедливо обходится с братьями, кто обирает или обманывает других, наконец, те, кто преследует собственный интерес, причиняя вред другим, Царства Божия не наследуют. То же, что неправедными, например: прелюбодеями, ворами, алчными, злоречивыми, здесь зовутся люди, не кающиеся в своих пороках, но упорно в них пребывающие, известно столь хорошо, что не нуждается в напоминании. И сам апостол выражает впоследствии эту мысль, говоря, что коринфяне некогда такими были. Итак, нечестивые наследуют Царство Божие, но лишь в том случае, если прежде обратятся¹ к Господу в истинном покаянии, и таким образом перестанут быть нечестивыми. И хотя обращение не является основанием для прощения, мы все же знаем, что с Богом примиряются только покаявшиеся. Впрочем, вопрос апостола содержит в себе эмфазу. Ведь он, по его собственным словам, говорит лишь то, что знают сами коринфяне, и что вполне известно всем благочестивым.

Не обманывайтесь. Заимствовав повод от одного конкретного случая, апостол говорит теперь о многих разновидностях порока. Думаю, что он перечисляет те пороки, которыми страдали коринфяне. Тремя словами он обозначает половые похоти, кои, по свидетельству всех историков, царили тогда не только в Коринфе, но и всюду получили широкое распространение. Ибо этот город (как говорилось в другом месте) изобиловал товарами и был знаменитым центром торговли, куда навевывались многие иноземные купцы. За богатством же по пятам следует разврат, бесстыдство и всяческая невоздержанность. К тому же, этот сам по себе склонный к похоти народ разжигался и другими видами пороков.

Вполне известно, чем *блудники* отличаются от прелюбодеев. Под *малакиями* же я понимаю тех, кто, хотя и не развратничал открыто, все же выдавал свое бесстыдство манерой речи, женоподобным поведением, одеждой и прочими утехами. Четвертый вид половой похоти – самый тяжелый, а именно – то знаменитое непотребство, которое было весьма распространено в Греции.

¹ И после обращения оправданные

Несправедливых же и обидчиков апостол означает тремя словами. *Ворами* он называет тех, кто обманом или тайными уловками обирает братьев. *Хищниками* же – тех, кто путем насилия посягает на чужую собственность или, подобно гарпиям, отовсюду хватает и пожирает чужое. И, дабы придать своей речи более широкий смысл, апостол затем присоединяет к ним алчных людей. Под *пьяницами* разумеет также тех, кто не знает умеренности в еде. Злоречивых же апостол отмечает особо, ибо этот город, вероятно, был полон болтовни и распрей. В итоге, Павел, главным образом, упомянул те пороки, которым, как он видел, был подвержен город Коринф.

И чтобы его речь стала более весомой, апостол говорит: *не обманывайтесь*.² Этим словом он учит коринфян не льстить себе пустой необоснованной надеждой. Ведь люди, обычно преуменьшая свои грехи, привыкают тем самым презирать Бога. Итак, нет ничего более ядовитого, чем те удовольствия, которые утверждают людей в их грехах. Поэтому не как пения сирен, а как смертоносного укуса сатаны будем избегать речей нечестивцев, обращающих в шутку суд Божий и порицания, обращенные к грешникам. Наконец, следует отметить уместность глагола *κληρονομεῖν*. Он показывает, что Царство Небесное – наследие сынов, и поэтому приходит к нам по благодаянию усыновления.

11) *И такими были (вы были)*. Некоторые добавляют ограничительную фразу: «такими были некоторые из вас», поскольку в греческом тексте добавлено слово *τινές*, но мне представляется, что апостол говорит здесь о людях в целом. Думаю, что вышеназванное слово здесь излишне из-за распространенного обычая греков, которые во многих случаях употребляют его ради украшения, а не ради ограничения смысла. Однако не надо понимать так, будто апостол всех стришет под одну гребенку или все вышеназванные пороки приписывает каждому в отдельности. Он только хочет сказать, что никто не свободен от этих видов зла, доколе его не возродит Дух. Следует помнить, что в человеческой природе заключены семена всяческих зол, но в каждом проявляются и процветают свои пороки, поскольку Господь желает показать порочность плоти через ее же собственные плоды.

Так и Павел в первой главе Послания к Римлянам перечисляет многие разновидности пороков и преступлений, рождающихся от незнания Бога и той неблагодарности, в которой он ранее обвинил всех неверующих. Не потому, что каждый неверующий заражен всеми этими пороками, но потому, что им подвержены все, и никто от них не чист. Ведь тот, кто не прелюбодей, все равно грешит, но как-то по-иному. Так и в третьей главе Послания к Римлянам апостол относит ко всем сынам Адама свидетельство о том, что горло их – отверстая могила, что ноги их быстры на пролитие крови, что язык их – лжив и полон яда. Не потому, что все жестоки и проливают кровь, все вероломны и злоречивы, но потому что прежде, чем нас обновит Бог, один склонен к жестокости, другой – к вероломству, третий – к похоти, четвертый – к обману. Так что нет никого, в ком бы ни был явлен образчик всеобщей порочности. И мы, все до одного, по тайному внутреннему расположению души подвержены любому недугу, разве что Господь запирает его внутри, не позволяя проявиться вовне. Итак, смысл простой: до благодати возрождения одни из коринфян были алчными, другие – прелюбодеями, третьи – хищниками, четвертые – малакиями, пятые – злоречивыми; теперь же, избавившись через Христа, они перестали быть таковыми.

Цель же апостола заключалась в том, чтобы смирить коринфян, напомнив им об их прежнем состоянии, и, кроме того, заставить их больше ценить явленную им благодать Божию. Ибо, чем лучше мы познаем наше несчастье, от которого избавлены по благодаянию Божией, тем яснее видна нам Его великая благодать. Похвала же благодати – источник ободрения, поскольку мы должны остерегаться сделать напрасным столь ценное для нас благодаяние Божие. Апостол как бы говорит: достаточно и того, что Бог извлек вас из той грязи, в которой вы некогда увязли. Подобно этому и Петр (1Пет.4:3) говорит: достаточно прошлого времени для удовлетворения языческих похотей.

² Не заблуждайтесь

Но омылись. Апостол использует три слова для выражения одной мысли, дабы еще больше утратить коринфян и не дать им вернуться к своей прежней жизни. Итак, хотя эти три слова означают одно и то же, в самом их различии сокрыта большая сила: ибо здесь подразумевается противопоставление между омовением и грязью, освящением и осквернением, оправданием и виной. Дабы коринфяне, однажды оправдавшись, не навлекали на себя новой вины; освятившись, не оскверняли себя снова; омывшись, не безобразили себя новой нечистотой, но скорее усердствовали в чистоте, пребывали в истинной святости, гнушались своей бывшей грязью. И отсюда мы узнаем, с какой целью Бог примиряет нас с Собой через незаслуженное отпущение грехов.

Сказанное же мною о том, что одна и та же вещь обозначается тремя словами, надо понимать не так, будто значение этих слов совершенно одно и то же. Ведь, собственно говоря, Бог оправдывает нас, когда избавляет от вины, не вменяя нам грехи, а очищает, когда упраздняет память об этих грехах. Таким образом, эти два действия отличаются лишь тем, что одно из них прямое, а второе – опосредованное. Причем метафора присутствует в слове «омылись», поскольку кровь Христова уподобляется воде. Освящает же нас Бог, обновляя Своим Духом нашу порочную природу, и таким образом освящение относится к возрождению. Но в этом отрывке апостол лишь преследовал цель многими словами возвеличить благодать Божию, избавившую нас от рабства греху, дабы мы поняли, сколь усердно нам надлежит удалиться от всего³, что навлекает на нас гнев и мщение Божие.

Именем Господа (нашего) Иисуса, и т.д. Апостол уместно и довольно изящно проводит различие между служениями Христовыми. Ведь кровь Христова – это причина нашего очищения. От Его смерти и воскресения к нам пришли оправдание и освящение. Но поскольку очищение, произошедшее через Христа, и обретение праведности полезны лишь тем, кто стал причастником этих благ силою Святого Духа, апостол справедливо соединяет со Христом Святой Дух. Итак, Христос для нас – источник всяческих благ, от Него мы получаем все. Но Сам Христос со всеми Своими благами сообщается нам через Святого Духа. Ведь мы принимаем Христа верою, и через веру к нам прилагается Его многообразная благодать. Творцом же веры является Святой Дух.

12. Все мне позволительно, но не все полезно; все мне позволительно, но ничто не должно обладать мною. 13. Пища для чрева, и чрево для пищи; но Бог уничтожит и то, и другое. Тело же не для блуда, но для Господа, и Господь для тела. 14. Бог воскресил Господа, воскресит и нас силою Своею. 15. Разве не знаете, что тела ваши суть члены Христовы? Итак отниму ли члены у Христа, чтобы сделать их членами блудницы? Да не будет! 16. Или не знаете, что совокупляющийся с блудницею становится одно тело с нею? Ибо сказано: два будут одна плоть. 17. А соединяющийся с Господом есть один дух с Господом. 18. Бегайте блуда; всякий грех, какой делает человек, есть вне тела, а блудник грешит против собственного тела. 19. Не знаете ли, что тела ваши суть храм живущего в вас Святаго Духа, Которого имеете вы от Бога, и вы не свои. 20. Ибо вы куплены дорогою ценою. Посему прославляйте Бога и в телах ваших и в душах ваших, которые суть Божии.

(12. Над всем у меня есть власть, но не все полезно; над всем у меня есть власть, но да не буду я под властью чего-либо. 13. Пища для чрева, и чрево для пищи; но Бог уничтожит и то, и другое. Тело же не для блуда, но для Господа, и Господь для тела. 14. Бог воскресил Господа, воскресит и нас силою Своею. 15. Разве не знаете, что тела ваши суть члены Христовы? Итак отниму ли члены у Христа, чтобы сделать их членами блудницы? Да не будет! 16. Или не знаете, что прилепляющийся к блуднице становится одно тело? Ибо будут, говорит, двое в одну плоть. 17. А прилепляющийся к Господу есть один дух. 18. Бегайте блуда; всякий грех, какой делает человек, есть вне тела, а блудник грешит против собственного тела. 19. Не знаете ли, что тела ваши суть храм живущего в вас Святаго

³ Того

Духа, Которого имеете вы от Бога, и вы не свои. 20. Ибо вы куплены за цену. Прославляйте уже Бога и в теле вашем и в духе вашем, которые суть Божии.)

12) *Все мне позволительно (Над всем у меня есть власть).* Толкователи сильно потеют, стараясь связать сказанное в этом отрывке воедино. Ведь кое-где апостол, кажется, отклоняется от своей цели. Я же, опустив все прочие толкования, скажу лишь то, что, на мой взгляд, подходит больше всего. Вероятно, что коринфские верующие в то время многое сохранили из своей прежней вседозволенности, и нравы их напоминали нравы прочих жителей города. Там же, где безнаказанно царствуют пороки, закон подменяется обычаем. Затем, люди для собственного оправдания изыскивают никчемные предлоги. Так под предлогом христианской свободы они практически все себе позволяли. Коринфяне жили в чрезмерной роскоши, а к ней (как обычно бывает) была примешана гордыня. И поскольку роскошь есть нечто внешнее, они не думали, что грешат. Больше того, как явствует из слов Павла, коринфяне злоупотребляли свободой до такой степени, что распространили ее даже на блуд. Итак, апостол, используя наилучший предлог, после того, как сказал о пороках, опровергает превратные извинения, коими коринфяне оправдывали себя в отношении внешних грехов.

Несомненно, что он говорит о внешних вещах, которые Бог оставил на усмотрение верующих. Слово же «все» либо косвенно порицает неумеренную дозволенность, либо превозносит безмерную щедрость Божию, наилучшую учительницу умеренности. Ибо явный признак невоздержанности – не ограничивать себя по собственной воле и не устанавливать для себя пределы при столь больших возможностях. В первом предложении апостол приводит два ограничивающих свободу исключения. Затем он учит, что свобода эта не распространяется на блуд. Слова «над всем у меня есть власть» должны пониматься как сказанные от лица коринфян, *κατ' ἀνθυποφώραν*. Апостол как бы говорит: знаю обычные ваши возражения, когда вы хотите избежать порицания за внешние пороки. Вы воображаете, что все вам позволено без какой-либо избирательности или умеренности.

Но не все полезно. Это – первое исключение, коим апостол ограничивает употребление христианской свободы, дабы она не переросла во вседозволенность. Оно состоит в том, чтобы учитывать соображения назидания. Смысл таков: не достаточно, что нам позволено то или другое для свободного использования, надо думать и о том, что именно полезно братьям, благу которых нам надлежит служить. Ибо, как подробнее скажет апостол после, и как уже было сказано в Рим.14:17, каждый внутренне свободен перед Богом с тем условием, чтобы все ограничивали употребление свободы ради взаимной пользы.

Но ничто не должно обладать мною (но да не буду я под властью чего-либо). Это – второе ограничение: нам дано господство над всеми вещами таким образом, что мы не должны поработать себя какой-либо вещи. Так поступают те, кто не может властвовать над своим вождением. Ибо слово *τινός* я понимаю в среднем роде и отношу не к людям, а к самим вещам в следующем смысле: мы – господа над всем, лишь бы мы не злоупотребляли этим господством и, поработившись самым несчастным рабством, не привязали себя из-за неумеренности и беспорядочных вождений к внешним вещам, которые должны нам покоряться. Действительно, именно к этому и приводит чрезмерная брюзгливость тех, кто не хочет в чем-либо уступать братьям. В конце концов, такие люди сами уловляются силами нужды.

13) *Пища для чрева, и чрево для пищи.* Здесь апостол учит тому, как надо пользоваться внешними вещами. Они используются для удовлетворения нужд настоящей жизни, быстро проходящей подобно тени. Как скажет апостол в главе 7:29: этим миром надо пользоваться так, словно мы им не пользуемся. И отсюда мы также узнаем, что христианину не следует бороться за что-либо внешнее. Итак, если речь идет о вещах, подверженных тлению, то благочестивая душа не должна о них переживать. Ибо одно дело – свобода, а дру-

гое – злоупотребление свободой. И этому положению соответствует другое: Царство Божие – не пища и питье.

Тело же не для блуда. Установив два исключения, апостол добавляет теперь, что нашу свободу также нельзя простираť на блуд. В то время блуд был настолько распространенным злом, что даже казался неким образом дозволительным. Что можно усмотреть также из постановления апостолов, где среди прочих безразличных дел они запрещают язычникам блуд. Ибо апостолы, несомненно, сделали это потому, что блуд тогда считался почти дозволенной вещью. Итак, Павел говорит: у блуда не то же основание, что у пищи. Ибо Бог не предназначил тело для блуда, как пищу для чрева. И апостол подтверждает это путем сравнения противоположностей. Ведь тело посвящено Христу. Но невозможно соединять Христа с блудом. Добавленная фраза «и Господь для тела» также достаточно весома. Коль скоро Бог Отец соединил с нами Своего Сына, сколь преступно отрывать свое тело от этого священного единства и присоединять его к тому, что недостойно Христа!

14) *Бог воскресил Господа, воскресит и нас силою Своею.* Ссылаясь на положение Христа, апостол доказывает, насколько христианину чуждо блудодеяние. Ибо что общего имеет Христос со сквернами мира, будучи принят в небесную славу? Хотя в словах апостола содержатся две мысли: недостойно и не подобает осквернять блудом наше тело, посвященное Христу, коль скоро Христос Сам воскресен из мертвых, дабы обладать небесной славой; а также: постыдно марать наше тело земной нечистотой, поскольку оно вместе со Христом будет причастником блаженного бессмертия и небесной славы. Похожее утверждение содержится в Кол.3:1: если мы воскресли со Христом, и т.д. Разве что здесь идет речь только о последнем воскресении, а там также о первом, то есть, о благодати Святого Духа, обновляющей нас к новой жизни. Поскольку же воскресение почти невероятно для человеческого разума, Писание, упоминая о нем, отсылает нас к силе Божией для укрепления нашей веры.

15) *Разве не знаете, что тела ваши суть члены.* Истолкование предыдущего положения, или, если угодно, его дальнейшая отделка. Ибо фраза «тело для Господа» из-за своей краткости могла бы вызвать некоторую неясность. Посему, как бы изъясняя ее, апостол говорит: Христос так соединен с нами, и мы с Ним, что составляем вместе единое тело. Посему, если я соединюсь с блудницей, то, насколько это в моих силах, разрываю Христа на части. Ибо не в моих силах привлечь Его в общение с такой скверной. Поскольку же подобного дела следует гнушаться, апостол использует обычную в нелепых случаях фразу: «Да не будет».

Отметь, что наше духовное единство со Христом касается не только души, но относится и к телу, дабы мы стали плотью от Его плоти и т.д. Иначе, если бы наше соединение на было таким, то есть незыблемым и всецелым, напрасной была бы надежда на воскресение.

16) *Или не знаете, что совокупляющийся с блудницею (прилепляющийся к блуднице).* Апостол еще выразительнее говорит о том, какое оскорбление наносят Христу те, кто совокупляется с блудницей. Ибо такой человек становится с ней единым телом и, значит, отрывает часть Христова тела. Это свидетельство заимствовано из Быт.2:24. Но неясно, в каком смысле апостол его использует. Если он цитирует его для доказательства того, что двое блудящих друг с другом слепляются в одну плоть, то отходит от подлинного смысла, подвергая его искажению. Ибо Моисей говорит здесь не о постыдном и запрещенном сожителстве мужчины и женщины, а о супружеском союзе, который благословил Бог. По его учению эти узы столь тесны и неразрывны, что побеждают даже связь между отцом и сыном. А это никак не может относиться к блуду. Это соображение некогда подвигло меня к мысли о том, будто это свидетельство приведено для подтверждения не предыдущего положения, а положения более отдаленного. То есть, по словам Моисея, супружеские узы делают мужа и жену одной плотью; а тот, кто прилепляется к Господу, становится с Ним не только одной плотью, но и одним духом. Таким образом, вся речь апостола была бы

направлена на возвеличение силы и достоинства духовного супружества между нами и Христом.

Однако если кому-то это толкование покажется натянутым, приведу другое: поскольку блуд есть искажение божественного установления, он имеет с последним некоторое сходство. И то, что говорится об этом установлении, можно неким образом приладить и к блуду. Не для того, чтобы его похвалить, а для того, чтобы лучше выразить тяжесть этого порока. Итак, цитата из Моисея: «двое будут в одну плоть» – истинна и в прямом смысле относится к супругам, но ее можно отнести и к блудникам, совокупляющимся в скверном и нечистом единстве, дабы грязь одного из них перешла на другого. Ибо нет ничего нелепого в том, что блуд имеет нечто общее со священным браком, будучи как бы его порчей. Но блуд подлежит проклятию, брак же – благословению, как и соотносятся друг с другом противоположности в антитезисе. Хотя я предпочел бы отнести сказанное, прежде всего, к браку, а уже потом, в злоупотребительном смысле, к блуду. То есть, Бог для того возвещает, что муж и жена – одна плоть, чтобы никто из них не соединялся с чужою плотью. Так что прелюбодей и прелюбодейка также становятся одной плотью, образуя из себя проклятый союз. Действительно, это толкование проще и лучше соответствует контексту.

17) *А соединяющийся с Господом (прилепляющийся к Господу)*. Апостол добавляет эту фразу, чтобы показать, что наше единство со Христом теснее единства мужа с женою. Поэтому первое много превосходит второе и должно соблюдаться в наивысшей чистоте и верности. Ведь если соединившийся с женой не должен прилепляться к блуднице, тем более это не подобает верующим, которые составляют со Христом не только одну плоть, но и один дух. Таким образом, здесь присутствует сравнение меньшего с большим.

18) *Бегайте блуда; всякий грех*. Ранее сказав о досточтимости брака, апостол, указывая на гнусность и постыдность блуда, учит теперь, насколько надлежит нам его избегать. Он отягощает вину за этот проступок посредством следующего сравнения: данный грех, один из всех, оскверняет само тело. Поскольку же тело пятнают и кража, и человекоубийство, и пьянство, из-за чего сказано: руки ваши осквернены кровью (Ис.1:15), вы предоставляли члены ваши греху, как оружие неправедности (Рим.6:19), и т.п., – некоторые, чтобы избежать нелепости, толкуют фразу «собственное тело», как наше соединение со Христом. Однако мне такое толкование кажется более утонченным, нежели обоснованным. Кроме того, даже такая уловка им не поможет. Ведь то же самое, что и о блуде, будет сказано об идолопоклонстве. Ибо простирающийся перед идолом также грешит против союза со Христом. Поэтому я толкую сказанное следующим образом: апостол не отрицает, что и другие пороки бесчестят наше тело, навлекая на него скверну, но утверждает лишь, что от них оно оскверняется не столь значительно, как от блуда. Рука сквернится от кражи или от убийства, язык – от злоречия или ложной клятвы, все тело – от пьянства, но блуд оставляет на теле такое пятно, какое не оставляют все прочие грехи. Они названы происходящими вне тела в смысле сравнительном, то есть, как меньшее по сравнению с большим, а не потому, что совершенно не затрагивают тело, если рассматривать их сами по себе.

19) *Разве не знаете (Не знаете ли), что тела ваши*. Дабы отвести нас от подобной нечистоты, апостол, помимо прочего, использует два довода: наши тела суть храм Святого Духа; и мы не принадлежим себе, поскольку Господь приобрел нас Себе во владение. Слово «храм» здесь выделено особо: коль скоро дух Божий не может пребывать в оскверненном месте, мы можем предоставить Ему жилище, только посвятив самих себя в храм. Что за великая честь, коей удостоил нас Бог, желая обитать в нас! Тем более нам надо опасаться того, чтобы⁴ Он не отошел от нас, оскорбленный нашим святотатством.

И вы не свои. Второй довод: мы не вправе жить по собственному суждению. Апостол доказывает это из того, что Господь, заплатив цену нашего искупления, приобрел нас для

⁴ Чтобы мы не потревожили Его

Самого Себя. Похожее место есть в Рим.14:9. Христос умер и воскрес для того, чтобы владеть и живыми и мертвыми. Далее, слово «цена» можно понимать двояко: или в прямом смысле, когда, например, мы говорим о цене чего-либо, давая понять, что оно досталось не даром; или как наречие τιμίως, то есть «многоценно», как обычно говорится о вещах, имеющих большую цену. И второе толкование нравится мне больше. Так говорит и Петр: вы искуплены не золотом, не серебром, но драгоценной кровью непорочного агнца (1Пет.1:18). Итог таков: искупление налагает на нас обязанности и сдерживает уздой послушания нашу распутную плоть.

20) *Прославляйте (уже) Бога.* Из заключения явствует, что в отношении внешних дел коринфяне присвоили себе слишком большую вольность, которую было необходимо обуздать и ограничить. И ограничение это состоит в учении апостола о том, что тело подчинено Богу не меньше, чем душа. Посему справедливо, чтобы и то, и другое служило Его славе. Апостол как бы говорит: подобно тому, как душа верующего должна быть чиста перед Богом, так и внешние дела должны ей соответствовать; ведь у Бога есть власть и над тем, и над другим, как у Того, Кто искупил и то, и другое. С этой же целью апостол недавно утверждал, что не только наши души, но и тела суть храм Святого Духа, дабы мы знали, что правильно служим Духу лишь тогда, когда полностью и совершенно подчиняем себя Ему, и Он управляет Своим Словом также нашими внешними делами.

Глава 7

1. А о чем вы писали ко мне, то хорошо человеку не касаться женщины. 2. Но, во избежание блуда, каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа.

(1. А о чем вы писали ко мне, то хорошо мужчине не касаться женщины. 2. Но из-за блуда, каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа.)

Поскольку ранее апостол говорил о блуде, теперь он переходит к браку – врачевству, данному нам для избежания блуда. Ясно, что, несмотря на большое нестроение, в коринфской церкви к Павлу сохранялось некое почтение, из-за которого коринфяне обращались к нему при возникновении разных сомнений. Не вполне понятно, какие именно вопросы их занимали. Разве что об этом можно догадаться из ответа апостола. Но хорошо известно, что с самого возникновения Церкви в нее по обольщению сатаны проникло следующее суеверие: большая часть верующих из-за глупого восхищения безбрачием стали презирать священный брак. И многие бегали от него, как от чего-то скверного. Возможно, это зло проникло также и в среду коринфян. По крайней мере, в этой среде были одухотворенные в дурном смысле люди, которые, чрезмерно превознося безбрачие, стремились отвадить от брака души благочестивых. Хотя, апостол, говоря о многом другом, дает понять, что и спрашивали его о многом. Главное же теперь – послушать его учение о каждом предмете в отдельности.

1) *Хорошо человеку (мужчине).* Ответ апостола состоит из двух частей. Вначале он учит, что было бы хорошо, если бы все воздерживались от жен, будь такое возможно. Затем добавляет уточнение: коль скоро немощь плоти многим этого не позволяет, им не стоит пренебрегать врачевством, которое для них установил Господь. Далее, следует отметить: что именно имеет в виду апостол под словом «хорошо», говоря, что хорошо воздерживаться от брака, дабы мы, рассуждая от противного, не пришли к выводу, что брак – это зло. Именно это и произошло с Иеронимом не столько, на мой взгляд, из-за его невежества, сколько из-за любопытства. Ведь этот муж, отличаясь великими достоинствами, страдал от одного порока: в споре он вел себя крайне несдержанно и не всегда обращал внимание на истину. Так вот Иероним сделал следующий вывод: хорошо не касаться женщины, следовательно, плохо ее касаться. Но Павел понимает здесь слово «хорошо» не в смысле противопоставления злу или пороку. Он лишь указывает на то, что полезно вследствие стольких скорбей, тягот и забот, выпадающих на долю супругов. Кроме того, всегда надо иметь в виду добавленное апостолом ограничение. Итак, из слов Павла можно вывести лишь то,

что полезно и удобно человеку не связываться с женою, если он может без нее обойтись. Поясним это на примере: кто-то может сказать: хорошо было бы человеку не есть, не пить и не спать. В этом случае он не будет порицать еду, питье и сон как что-то порочное. Но поскольку у духа отнимается столько же, сколько дается всему вышеперечисленному, смысл таков, что мы были бы счастливее, если бы, избавившись от этих отвлекающих вещей, могли бы полностью предаться размышлению о духовных предметах. Итак, коль скоро в браке присутствуют помехи, сковывающие человека, по этой причине ему было бы хорошо оставаться безбрачным.

Но здесь возникает другой вопрос: эти слова Павла, кажется, противоречат речению Господа, сказавшего, что человеку не хорошо быть без жены. И то, что Господь называет злом, Павел преподает как добро. Отвечаю: то, что жена – помощница для мужа, данная ему ради счастливой жизни, происходит от установления Господня. Ибо Бог от начала установил так, что муж, лишенный жены, является как бы уполовиненным человеком, чувствующим, что он лишен необходимой и главной помощи. Жена же является как бы дополнением мужа. Но затем пришел грех, исказивший это установление Божие. Ибо на место благословения заступило тяжкое наказание, сделавшее брак причиной и поводом для многих бедствий. Посему все злое и неудобное в супружестве происходит от искажения установления Божия. Хотя, несмотря на это, остаются и некие остатки первого благословения. Так что много несчастнее безбрачная, нежели брачная жизнь. Но поскольку супругов ожидают многочисленные неудобства, апостол справедливо учит, что человеку было бы хорошо воздерживаться. Таким образом, он не отрицает тяготы, связанные с браком, но одновременно не дает места и порочающим брак мирским поговоркам. Например, что жена – это необходимое зло. И: женщина – один из главных видов зла. Все подобные выражения вышли из кузницы дьявола и направлены лишь на то, чтобы опозорить святое божественное установление и отвадить людей от брака, как от какой-то смертельной порчи и болезни.

Итог таков: мы должны различать между чистым установлением Божиим и наказанием за грех. Согласно этому различению, иметь соединенную с ним жену вначале было благом для мужа без какого-либо исключения. И даже теперь это остается благом, но из-за проклятия Божия к сладости примешана горечь. Однако, как будет вскоре сказано, для не имеющих дара воздержания брак остается необходимым и спасительным врачевством.

2) *Но, во избежание блуда (но из-за блуда)*. Теперь апостол предписывает людям, подверженным пороку невоздержания, прибегать к врачевству брака. Ибо, хотя это положение и кажется всеобщим, его надо ограничивать теми, кто чувствует в себе настоятельную нужду в браке. А в этом деле каждый может быть сам для себя свидетелем. Итак, какие бы трудности ни были связаны с браком, всякий не способный противостоять соблазнам плоти должен знать, что брак для него – заповедь Господня.

Но спрашивается: является ли необходимость избегать блуд единственной причиной для заключения брака? Отвечаю: слова Павла не несут подобного смысла. Ведь тем, кому дано воздерживаться от брака, он оставляет свободу, другим же велит через брак помочь своей немощи. Итог таков: здесь речь идет не о том, по каким причинам установлен брак, но о том, для кого он необходим. Ведь, если посмотреть на первое установление, то брак не мог быть врачевством от болезни, которой еще не было. Он был установлен для произведения потомства. После падения же добавилось и второе его употребление.

Данный отрывок также отвергает *полυγαμίαν*. Ведь апостол требует, чтобы каждая женщина имела собственного мужа, утверждая взаимные обязанности супругов. Итак, те, кто однажды поклялся жене в верности, не должны от нее отделяться, что, безусловно, происходит при повторном заключении брака.

3. Муж оказывай жене должное благорасположение; подобно и жена мужу. 4. Жена не властна над своим телом, но муж; равно и муж не властен над своим телом, но жена. 5.

Не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию, на время, для упражнения в посте и молитве, а потом опять будьте вместе, чтобы не искушал вас сатана невоздержанием вашим.

(3. Муж оказывай жене должное благоволение; подобно и жена мужу. 4. Жена не властна над своим телом, но муж; равно и муж не властен над своим телом, но жена. 5. Не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию, на время, для упражнения в посте и молитве, а потом опять соединяйтесь, чтобы не искушал вас сатана невоздержанием вашим.)

3) *Муж оказывай жене.* Теперь апостол заповедует, по каким законам следует жить в браке, и учит, каковы обязанности мужа и жены. Во-первых, он излагает общее учение о взаимной благорасположенности, дабы муж любил свою жену, а жена – мужа. Но я не знаю, правильно ли некоторые истолковали должную благорасположенность как супружеский долг. Их подвигли на это сразу же следующие слова: муж не властен над своим телом, и т.д. Но больше подходит контексту, если сказать, что это – вывод из предыдущего положения. Итак, муж и жена обязаны выказывать друг другу взаимное благоволение, и отсюда следует, что ни он, ни она не властны над своим телом.

Но можно спросить: почему апостол делает супругов равными и не требует от женщины послушания и подчинения? Отвечаю: у него не было намерения говорить обо всех обязанностях супругов. Речь шла о взаимном обязательстве, относящемся к брачному ложу. Значит, в других отношениях муж и жена отличаются и по обязанностям, и по правам, в отношении же брачного ложа их положение одинаково и состоит в сохранении супружеской верности. На этом основании снова осуждается *πολυγαμία*. Ведь неизменный закон супружества состоит в том, что муж отрекается от власти над своим телом и передает ее жене. Но в этом случае как же он будет свободен соединиться с другой женщиной?

5) *Не уклоняйтесь друг от друга.* Мирские люди сказали бы, что Павел, рассуждая подобным образом о сожительстве мужа и жены, выражается не вполне стыдливо. А это никак не достойно авторитета апостола. Однако если рассмотреть причины, толкнувшие его на этот шаг, то сказанное им представится совершенно необходимым. Во-первых, апостол знал, какую роль играет в обмане благочестивых душ притворное святошество, с которым имеем дело и мы. Ибо сатана под видом праведности внушает нам мысль о том, что мы оскверняем от сожительства с женою, понуждая нас оставить свое призвание и думать о другом образе жизни. Кроме того, апостол знал, сколь сильно склонен каждый к себялюбию и угождению собственным вожделениям. Отсюда бывает так, что муж, удовлетворив свою страсть, не только небрежет, но и гнушается своею женою. Редки люди, в которых порою не возникает подобного отвращения к женам. По этим причинам апостол настолько и обеспокоен взаимными супружескими обязательствами. Он как бы говорит: если супругам когда-либо придет мысль выбрать безбрачие, поскольку оно более свято, или если похоть будет подталкивать их к блуду, пусть они помнят о том, что связаны взаимными узами. Муж – только половина своего тела, равным образом и жена. Итак, в отношении своего тела у них нет свободного выбора; их скорее должно удерживать следующее соображение: коль скоро один из супругов нуждается в помощи другого, Господь соединил их так, чтобы они помогали друг другу; поэтому каждый восполняет нужду другого и никто не принадлежит самому себе.

Разве по согласию. Апостол требует взаимного согласия, прежде всего, потому, что речь идет о воздержании не одного, но двух человек. Сразу же за этим он добавит и два других ограничения. Первое: уклонение должно быть *на время*. Действительно, коль скоро не во власти супругов воздерживаться постоянно, они не должны пытаться сделать что-либо сверх своих сил, дабы не попасть в сети сатаны. Второе ограничение: они должны воздерживаться от супружеского соития не потому, что воздержание – само по себе хорошо и

свято, или является некой формой богопочитания, но для того, чтобы иметь время для более достойных дел.

Но хотя Павел и выразился весьма осторожно, в этом деле все же победил сатана, подтолкнув многих к незаконному разводу из-за превратного желания безбрачия. И муж, оставив жену, бежит в пустыню, дабы в монашестве больше угождать Богу, а жена против воли мужа облекается броским покрывалом безбрачия. При этом они не думают о том, что, нарушая клятву верности, данную другой стороне, расторгают завет Господень и, разрывая узы брака, стряхивают с себя Господне ярмо.

Этот порок в определенной степени был исправлен древними канонами, запрещавшими мужу под предлогом воздержания оставлять жену против ее воли, и жене – отказывать мужу в использовании ее тела. Однако каноны эти согрешили в том, что разрешили обоим одновременно давать обет пожизненного воздержания. Как будто людям позволено решать что-либо вопреки Духу Божию. Ведь Павел подчеркнуто заповедует супругам не уклоняться друг от друга, разве что на время. Епископы же разрешили им навечно отказаться от употребления супружества. Кто не увидит здесь явного противоречия? Итак, пусть никто не удивляется тому, что в этом вопросе мы свободно отошли от мнения древних. Ведь очевидно, что ранее и сами они отошли от ясного Слова Божиего.

Для упражнения в посте и молитве. Следует отметить, что Павел говорит здесь не о каком угодно посте и не о какой угодно молитве. Трезвенность и умеренность, которые должны постоянно пребывать в христианах, также являются видами поста. Да и молитва должна быть не только ежедневной, но и постоянной. Но апостол говорит здесь о таком посте, который есть торжественное свидетельство покаяния для смягчения гнева Божия, или о таком, с помощью которого верующие, приступая к какому-либо серьезному делу, готовят себя к молитве. Молитву же апостол имеет в виду такую, которая требует самых глубоких душевных чувств. Ибо порою бывает так, что, оставив все остальные дела, нам надлежит предаться молитве и посту. Например, когда нам грозит какая-либо беда, или гнев Божий, или возникают помехи в трудном деле, или надо сделать что-то очень важное, допустим: поставить в церкви пастора. Апостол же вполне справедливо объединяет молитву и пост, ибо пост есть приготовление к молитве. Как и Христос соединяет их, сказав: этот род бесов не изгоняется, кроме как постом и молитвой.

Итак, фраза Павла «для упражнения» означает, что супруги, не отвлекаясь ни на что другое, должны быть заняты только этим делом. Если же кто-то возразит и скажет, что брачное ложе де мешает молитве и поэтому является чем-то злым, ответ довольно прост. В этом отношении оно ничуть не хуже еды и питья, которые также мешают посту. Но верующие должны благоразумно судить о том, какое время отводить посту и какое – еде и питию. И к этому же благоразумию относится суждение о том, когда сожительствовать со своими супругами и когда – воздерживаться от сожительства при наличии иного призвания.

А потом опять будьте вместе (соединяйтесь), чтобы не искушал вас сатана. Здесь апостол указывает на причину, которую упустили из виду древние, необдуманно и ошибочно одобряя обет постоянного воздержания. Они рассуждали так: если для супругов благо на время и по взаимному согласию предаваться добровольному воздержанию, значит еще лучше, если они обяжут себе воздерживаться вечно. Но они не обратили внимания на то, какая с этим связана опасность. Ибо, когда мы делаем что-то сверх наших слабых сил, сатане дается повод подавлять нас искушениями. Но кто-то скажет: сатане следует противостоять. А что если для этого противостояния нет ни оружия, ни щита? Нам скажут, что о них надо просить у Господа. Но мы напрасно будем молить Господа помочь нам в необдуманном предприятии. Посему обратим особое внимание на фразу «невоздержанием вашим». Ведь мы подвержены искушениям сатаны из-за немощи нашей плоти. И если мы хотим преодолеть и подавить эту немощь, необходимо применять средство, которое Гос-

подь дал нам ради нашей поддержки. Итак, необдуманно поступают те, кто полностью отказывается от брачного ложа, словно уже заключил с Богом договор о даре постоянного воздержания.

6. Впрочем это сказано мною как позволение, а не как повеление. 7. Ибо желаю, чтобы все люди были, как и я; но каждый имеет свое дарование от Бога, один так, другой иначе. 8. Безбрачным же и вдовам говорю: хорошо им оставаться, как я. 9. Но если не могут воздержаться, пусть вступают в брак; ибо лучше вступить в брак, нежели разжигаться.

(6. Впрочем это сказано мною как снисхождение, а не как повеление. 7. Ибо желал бы, чтобы все люди были, как и я; но каждый имеет свое дарование от Бога, один так, другой иначе. 8. Безбрачным же и вдовам говорю: хорошо им оставаться, как я. 9. Но если не воздерживаются, пусть вступают в брак; ибо лучше вступить в брак, нежели разжигаться.)

6) *Как позволение (снисхождение)*. Дабы верующие, ссылаясь на данную ранее заповедь, не ослабили узду на своей похоти, апостол добавляет оговорку: он написал это из-за их немощи. То есть, чтобы они помнили о том, что брак – врачевство от бесстыдства, чтобы не злоупотребляли этим благом для удовлетворения любым способом, без всяких ограничений и стыдливости, своей похоти. Одновременно апостол упреждает клевету нечестивых, дабы никто не смог сказать: что? Разве ты боишься, что супруги мало склонны к похоти, и поэтому их науськиваешь? Ведь и папистские святоши претыкаются об это учение. Они свободно спорят Павлом, поскольку он удерживает супругов во взаимном сожительстве и не позволяет им перейти к безбрачной жизни. Поэтому апостол обосновывает свое учение и свидетельствует: он не для того расхваливает перед супругами брачное ложе, чтобы подстегнуть их к похоти, и не потому, что он им его заповедует. Апостол принимает во внимание то, что вытекает из немощи своих адресатов.

Но и тем, и другим злоупотребляют глупые ревнители безбрачия. Поскольку Павел говорит, что речь идет о снисхождении, они выводят отсюда, что в супружеском соитии заключен порок. Ибо там, где есть нужда в снисхождении, наличествует грех. Из фразы же «не как повеление» они делают вывод, что более свято поступает тот, кто, оставив супружество, переходит к безбрачию.

Отвечаю на первый довод: я признаю, что во всех человеческих чувствах имеется порочное излишество. Поэтому не отрицаю, что здесь присутствует *ἀταξία*, которую я признаю порочной. Больше того, я согласен, что чувство, о котором идет речь, более неуправляемо, чем все прочие, и почти уравнивает нас со зверьми. Но со своей стороны я утверждаю: все порочное и постыдное в этом деле так покрывается досточтимостью брака, что перестает быть пороком или, по крайней мере, Бог перестает вменять его как порок. Подобным образом изящно рассуждал Августин в книге о благе брака и в других своих произведениях. Коротко говоря, дело в следующем: соитие мужа и жены чисто, благочестно и свято, поскольку установление Божие не имеет изъяна. Обуревающая же людей неумеренность есть порок, происходящий из испорченной природы. Однако для верующих брак является завесой, скрывающей этот порок, дабы он больше не представал перед взором Божиим.

На второй довод отвечаю так: поскольку заповеди в собственном смысле относятся к долгу праведности, к тому, что само по себе угодно Богу, Павел отрицает, что говорит здесь о повелении. Однако ранее он достаточно ясно показал, как важно и необходимо использовать предписанное Богом врачевство.

7) *Ибо желаю (желал бы), чтобы все*. Сказанное относится к истолкованию предыдущего положения. Апостол не умалчивает о том, что полезнее, но хочет лишь, чтобы каждый задумался о полученных им дарах. Итак, почему же до этого он не говорил о повелении? Потому что он не по своей воле призывает верующих к браку. Скорее он желал бы, чтобы

они были свободны от этой необходимости. Но немощь – причина того, что не все вольны воздерживаться от брака. Далее, если бы этот отрывок тщательно обдумали, в мире никогда бы не возобладало грубое суеверие, состоящее в стремлении к безбрачию и являющееся корнем и причиной великого зла. Павел прямо возвещает: не каждый может свободно выбирать в этом деле. Ведь девственность – особый дар, посылаемый не всем подряд. Именно этому и учит Христос, говоря (Мф.19:11): не все принимают слово сие. Значит, Павел, отрицая, что всем дана способность воздерживаться от брака, только истолковывает здесь слова Господни.

Что же происходило на деле? Каждый, не принимая во внимание свои возможности, по собственной прихоти давал обет пожизненного воздержания. Причем этот грех совершали не только простые и невежественные люди. Даже выдающиеся учителя, полностью отдавшись превознесению девства, забыли о человеческой немощи и пренебрегли увещанием не только Павла, но и Самого Иисуса Христа. Иероним же, ослепленный незнамо каким рвением, не только поскользнулся в этом вопросе, но и упал в глубокую пропасть. Признаю, что девственность – замечательный дар. Но подумай о том, что это – все же дар. Кроме того, услышь из уст Христа и Павла о том, что этот дар дан не всем, но лишь немногим. Значит, не давай необдуманной обет в том деле, которое не в твоей власти, и способность совершить которое ты не сможешь вымолить у Бога, если, забыв о своем призвании, будешь желать чего-то сверх положенного.

Хотя древние ошиблись также и в своей оценке девственности. Они превозносят ее так, словно она – вершина всех добродетелей, считая ее особой формой почитания Бога. Уже здесь кроется опаснейшее заблуждение. Но за ним последовало и другое: когда безбрачие стало цениться столь высоко, многие, как бы соревнуясь, необдуманно давали обет пожизненного воздержания, в то время как едва ли сотая их часть обладала этим даром и способностью. Отсюда возникло третье заблуждение: служителям Церкви был запрещен брак, как будто этот образ жизни недостоин святости клирикального сословия. И Бог наказал людей, презревших брак и давших необдуманной обет пожизненного воздержания, за их превозношение, во-первых, тайным огнем похоти, а во-вторых, позволив им впасть в ужасные мерзости. Оттого же, что церковным служителям запретили законное сожителство с женами, из этой тирании вышло так, что Церковь лишилась многих добрых и верных служителей. Ибо благочестивые и благоразумные мужи не захотели сами лезть в петлю. В конце концов, по истечении какого-то времени, ранее подавленные похоти стали открыто распространять свое зловоние. Мало того, что те, для кого смертным грехом было иметь жен, безнаказанно держали сожительниц, то есть, блудниц, – вдобавок к этому всякий дом оказался беззащитным перед похотью священников. Но и этого было мало: публично совершались чудовищные мерзости, которые лучше предать полному забвению, нежели упоминать в качестве примера.

8) *Безбрачным же и вдовам.* Это утверждение зависит от сказанного ранее, представляя собой как бы некий вывод. Ранее апостол говорил, что Божии дары распределяются по-разному, что воздержание принадлежит не всем, что лишенные этого дара должны прибегать к должному врачевству. Теперь же он обращает свою речь к девственникам, ко всем безбрачным, к вдовам, и соглашается с тем, что безбрачие желательно для них, если у них имеется соответствующее дарование. Но каждый в отдельности должен тщательно размыслить над тем, сколь велики его способности. Итог таков: у безбрачия множество преимуществ и ими не следует пренебрегать, лишь бы каждый правильно оценивал свои силы. Посему, даже если девство превозносят до третьего неба, всегда остается истинным то, что оно подходит не всем, но лишь имеющим от Бога этот особый дар.

Паписты возражают, что мы и во время крещения обещаем Богу чистоту жизни, выказать которую не в наших собственных силах. Но ответить на это довольно легко. В крещении мы обещаем Богу лишь то, что Он требует от всех Своих людей; воздержание же представляет собой особый дар, в котором Бог отказал многим. Итак, те, кто приносит обет

воздержания, поступают так же, как если бы какой-то невежественный глупец объявил себя пророком или учителем, или толкователем языков.

Следует отметить глагол «оставаться». Кто-то временно может свято жить в состоянии безбрачия, однако и в этом случае нельзя с уверенностью говорить о его завтрашнем дне. Исаак был безбрачным, пока ему не исполнилось тридцать лет, и в целомудрии провел те свои годы, когда в людях больше всего пылает огонь похоти. Но затем он все же был призван к браку. В лице же Иакова мы видим еще более яркий пример. Поэтому апостол желал бы, чтобы люди, проводившие в то время целомудренную жизнь, оставались и пребывали в этом состоянии. Но поскольку они не могут быть уверены в постоянстве этого дара, он всем предписывает размышлять о том, что именно им дано.

Впрочем, это место также показывает, что сам апостол в то время был безбрачным. Довод же Эразма в пользу того, что апостол был тогда женат, поскольку упоминает себя среди женатых, легковесен и глуп, коль скоро на том же основании можно заключить, что он был вдов, упомянув себя среди овдовевших. Слова же Павла дают понять, что тогда он женат не был. Ибо я не допускаю предположения, что он оставил где-то свою жену и добровольно отказался от использования брачного ложа. В таком случае, как быть с его наставлением, адресованным находящимся в браке: сразу же соединяйтесь? Действительно, глупо думать, будто апостол не слушался своих же собственных заповедей и сам не соблюдал закон, установленный им для других. Но замечательный пример его скромности в том, что он, будучи наделен даром воздержания, не навязывает это правило другим. Напротив, Павел позволяет всем использовать врачевство от немощи, которой сам был лишен. Пусть же и мы, по его примеру, если наделены каким-то особым даром, не требуем его настойчиво от тех, кто еще не достиг подобного совершенства.

9) *Но если не могут воздержаться (если не воздерживаются).* Советуя воздерживаться от брака, апостол всегда выражается условно: если можно, если имеется способность. Если же немощь плоти не допускает подобной свободы, он прямо повелевает об этом деле, как о совершенно очевидном. Ибо сказанное им сейчас имеет форму повеления, дабы никто не счел, что речь идет о совете. Апостол обуздывает здесь не только блудников, но и всех тех, кого оскверняет перед Богом внутренняя похоть. Действительно, не воздерживающийся будет искушать Бога, если пренебрежет врачевством брака. И подобный случай нуждается не в совете, а в суровом запрещении.

Ибо лучше. Это – несобственное сравнение, поскольку законный брак почетен для всех, а разжигание – худшая вещь на свете. Хотя апостол выразился здесь в несобственном смысле, он следовал принятой манере речи. Подобно тому, как мы говорим: лучше отречься от этого мира, дабы получить со Христом наследие Царства Небесного, нежели несчастным образом погибнуть в плотских удовольствиях. Я говорю об этом потому, что Иероним сконструировал из этого отрывка детский софизм: брак хорош, поскольку он – меньшее зло, чем разжигание. Я сказал бы, что он глупо забавляется, если бы речь шла о чем-то шуточном. Но в столь серьезном и важном вопросе его слова – нечестивая увертка, недостойная здравомыслящего человека. Значит, разумеи сказанное так: врачевство брака – благое и спасительное, поскольку разжигание – гнуснейшая мерзость в глазах Божиих.

Но следует определить, что означает слово «разжигаться». Ибо многие испытывают уколы плотских искушений, и все же у них нет необходимости тут же прибегать к браку. И чтобы сохранить метафору Павла, скажем так: одно дело разжигаться, а другое – чувствовать жар. Посему апостол называет разжиганием не просто уколы похоти, но то состояние, когда похоть пылает так, что ей невозможно противиться. Но поскольку некоторые напрасно себе льстят, думая, что полностью невиновны, если не соглашаются с похотью, отметь, что есть три степени искушений. Порой атака искушения сильна настолько, что полностью покоряет нашу волю. Это – наихудший вид разжигания, при котором похотью пылает само сердце. Иногда же жало плоти покалывает нас так, что мы отважно ему противо-

стоим, не позволяем удалиться от нас истинной любви к стыдливости, но, напротив, ужасаемся всяких постыдных и мерзких позывов. Посему всех, и особенно подростков, следует увещевать: всякий раз, как на них нападает плоть, противопоставлять искушению страх Божий, устранять повод для постыдных мыслей, просить у Господа силу сопротивляться, со всяким усердием угашать пламя похоти, и – если они одерживают победу в этом сражении – благодарить Господа. Ибо разве найдутся такие, кому бы плоть не причиняла никаких тягот? Однако если обуздать ее неумеренность прежде, чем она возобладает, все будет хорошо. Ибо в этом случае мы не разжигаемся, даже если чувствуем, как нас атакует жар. Не потому, что в ощущении жара нет никакого порока, но потому, что мы, со смирением и воздыханием осознавая нашу немощь перед Господом, все же пребываем в доброй совести. Итог таков: доколе по благодати Господней мы побеждаем в сражении с похотью, доколе стрелы сатаны не проникают внутрь, и мы мужественно их отражаем, – давайте не будем ослабевать в битве.

Средний же вид искушения состоит в том, что человек, даже не потворствуя похоти с полным сердечным согласием, все же пылает в слепом порыве и волнуется так, что не может призывать Господа с умиротворенной совестью. Итак, подобное искушение, мешающее невинному призыванию Бога и смущающее спокойствие совести, и есть то разжигание, которое можно угасить только посредством брака. Теперь мы видим, что в этом вопросе надо думать не только о том, может ли кто-то сохранить неоскверненным тело, но и о том, что происходит с душой. Подобно тому, что будет видно немного ниже.

10. А вступившим в брак не я повелеваю, а Господь: жене не разводиться с мужем, – 11. если же разведется, то должна оставаться безбрачной, или примириться с мужем своим, – и мужу не оставлять жены своей. 12. Прочим же я говорю, а не Господь: если какой брат имеет жену неверующую, и она согласна жить с ним, то он не должен оставлять ее; 13. и жена, которая имеет мужа неверующего, и он согласен жить с нею, не должна оставлять его. 14. Ибо неверующий муж освящается женою верующею, и жена неверующая освящается мужем верующим. Иначе дети ваши были бы нечисты, а теперь святы. 15. Если же неверующий хочет развестись, пусть разводится; брат или сестра в таких случаях не связаны; к миру призвал нас Господь. 16. Почему ты знаешь, жена, не спасешь ли мужа? Или ты, муж, почему знаешь, не спасешь ли жены? 17. Только каждый поступай так, как Бог ему определил, и каждый, как Господь призвал. Так я повелеваю по всем церквам.

(10. А вступившим в брак повелеваю не я, а Господь: жена пусть не разводится с мужем, – 11. если же разведется, то должна оставаться безбрачной, или примириться с мужем своим, – и мужу не оставлять жены своей. 12. Прочим же я говорю, а не Господь: если какой брат имеет жену неверующую, и она согласна жить с ним, то он не должен оставлять ее; 13. и жена, которая имеет мужа неверующего, и он согласен жить с нею, не должна оставлять его. 14. Ибо неверующий муж освящен женою, и жена неверующая освящена мужем. Иначе дети ваши были бы нечисты, а теперь святы. 15. Если же неверующий разводится, пусть разводится; брат или сестра в таких не подвержены рабству; в мире же призвал нас Господь. 16. Почему ты знаешь, жена, не спасешь ли мужа? Или ты, муж, почему знаешь, не спасешь ли жены? 17. Только каждый, как Господь уделил ему благодать и как призвал его, пусть так и поступает. Так я повелеваю по всем церквам.)

10) *А вступившим в брак не я повелеваю (повелеваю не я).* Здесь апостол рассматривает другой, связанный с супружеством, закон. А именно: то, что брачные узы нерасторжимы. Посему он осуждает все разводы, бывшие у язычников в ежедневном употреблении, и не запрещенные у иудеев законом Моисея. Пусть муж, – говорит апостол, – не оставляет жену, а жена не уходит от мужа. Почему? Потому что они связаны неразрывными узами. Но удивительно, что апостол не делает исключения, по крайней мере, для случая прелюбодеяния. Ведь невероятно, чтобы Павел хотел в чем-то ужесточить учение Христово. Дей-

ствительно, мне кажется, что апостол умолчал об этом потому, что, мимоходом обсуждая эти вопросы, предпочел отослать коринфянам к позволениям или запрещениям Господним, а не подробно рассказывать обо всем сам. Ведь тем, кого вы намереваетесь вкратце чему-то научить, достаточно и общего учения. Исключения же из него относятся к более тонкому, более точному и более подробному рассмотрению.

Впрочем, добавляя: «не я, а Господь», – апостол показывает, что преподаваемое им почерпнуто из закона Божия. Ибо и все остальное, о чем говорил апостол, он заимствовал из откровения Святого Духа. Бога же он делает автором тех положений, которые ясно изложены в самом законе Божиим. Если спросить, в каком конкретно месте они изложены, то дословно мы не найдем их нигде. Но, поскольку Моисей от начала засвидетельствовал: связь мужа и жены столь свята, что ради нее муж должен оставить отца и мать, – легко сделать вывод, что брак расторгим. Ибо по природному праву сын обязан отцу и матери, и не может сбросить с себя это ярмо. И узы брака нельзя расторгнуть тем более, что они предпочитают даже сыновним узам.

11) *Если же разведется.* То, что сказанное относится не к женам, отвергнутым из-за прелюбодеяния, ясно из следовавшего за ним наказания. Ибо даже по римским законам и по законам почти всех народов это преступление каралось смертной казнью. Но поскольку мужья часто разводились с женами или потому, что они не соответствовали им по нраву, или потому, что не нравились им внешне, или из-за какого-нибудь проступка, и также жены порой оставляли мужей из-за их суровости или чрезмерно жесткого и дурного обращения, апостол и говорит, что брак не расторгается подобного рода разводами. Ибо он – завет, освященный именем Господним, не зависящий от человеческого суждения в том смысле, что становится недействительным, когда нам заблагорассудится. Итог таков: другие соглашения, коль скоро они зависят от людской воли, так же разрываются по этой воле. Те же, кто связан узами брака, уже несвободны, если передумают, сломать (как говорится) эту печать, дабы каждая сторона искала для себя чего-то нового. Ведь, если нельзя нарушить природные права, тем более нельзя нарушить это право, предпочитаемое, как было сказано, природным узам между детьми и родителями.

Повелевая же разведшейся жене оставаться безбрачной, апостол не намекает этим на позволительность развода. Он даже не позволяет жене жить отдельно от мужа. И если жену выгнали из дома, если ее отвергли, даже тогда она не должна считать себя свободной от власти мужа. Ибо у мужа нет права сделать брак недействительным. Итак, апостол не позволяет женам по собственной воле уходить от мужей или оставаться вне семьи супруга, как бы в состоянии вдовства, но объявляет связанными – запрещая им уходить к другим – даже тех, кого не принимают сами мужья.

Но что, если женщина похотлива или несдержанна в каком-либо другом отношении? Разве не бесчеловечно отказывать ей во врачевстве, если она постоянно разжигается? Отвечаю: коль скоро нас беспокоит немощ нашей плоти, нам надо искать врачевство. Но когда мы его нашли, уже дело Господа – обуздывать и сдерживать наши чувства Своим Духом, даже если наши ожидания и не увенчались успехом. Ведь если жена надолго чем-то заболит, это не будет для мужа справедливым поводом искать себе другую. Подобным образом, если муж после брака начнет страдать от какой-то болезни, жене не позволительно по этой причине изменять свой статус. Итог таков: коль скоро Бог предписал законный брак как средство от невоздержания, будем же им пользоваться, чтобы не искушать Бога и не быть наказанными за собственную дерзость. Исполнив же свой долг, но, увидев, что обманулись в своем суждении, мы должны надеяться на подаваемую Им мощь.

12) *Прочим же я говорю.* Апостол называет прочими тех, в отношении которых имеет место исключение, изымающее их из общего закона, предписанного остальным. Ибо особое дело – неравный [с точки зрения веры. – прим. пер.] брак, когда супруги различаются ме-

жду собой в исповедании религии. И апостол разрешает этот вопрос двумя положениями. Первое: верующий не должен разводиться с неверующим или искать развода, если не отвернут сам. Второе: если неверующий отвергает верующего из-за религии, брат или сестра вследствие такого развода свободны от брачных уз. Но почему Павел делает себя автором этих повелений, коль скоро кажется, что они несколько противоречат тому, что апостол недавно изрек от лица Господа? Павел не имеет в виду, что повеления эти исходят от него в том смысле, что он не почерпнул их от Духа Божия. Но поскольку по этим вопросам в законе и пророческих писаниях ничего не сказано четко и определенно, апостол, приписывая себе то, что собирается сказать, упреждает таким образом клевету нечестивых. Однако дабы сказанным им не пренебрегали как порождением человеческого ума, впоследствии апостол будет отрицать, что его слова – измышления его же разума. И здесь нет никакого противоречия с вышесказанным. Коль скоро благочестие и святость супружеской верности зависят от Бога, какая необходимость связывает благочестивую жену с неверующим мужем, после того как ее отвергли из-за ненависти к Богу?

14) *Ибо неверующий муж освящается (освящен)*. Апостол упреждает сомнение, которое могло бы смутить верующих. Ведь узы брака имеют особый характер. И жена является частью мужа, дабы двое стали одной плотью: муж стал главой жены, а жена – его общницей во всех делах. Итак, кажется, что верующий муж не может жить с нечестивой женою без осквернения от общения с нею, и наоборот. Поэтому Павел возвещает: брак, несмотря на это, свят и чист. И не стоит бояться осквернения, будто неверующая жена может осквернить мужа. Далее, будем помнить: апостол говорит здесь не о заключении брака, а о сохранении уже заключенного. Ведь там, где думают над вопросом: надо ли жениться на неверующей или выходить замуж за неверующего, – полностью действительно увещание: не влачите одно ярмо с неверными, ибо нет согласия между Христом и Велиалом. Но тот, кто уже связан брачными узами, лишен свободного выбора. Поэтому к нему обращены другие слова.

Хотя слово «освящение» разные люди понимают по-разному, я бы просто отнес его к браку в следующем смысле: на первый взгляд может показаться, что верующая жена оскверняется неверующим мужем, и союз их незаконен. Но дело обстоит иначе. Ибо благочестие одного супруга больше освящает брак, нежели нечестие другого его оскверняет. Итак, верующая может жить с неверующим с чистой совестью. Ибо неверующий в отношении общности брачного ложа и всей жизни освящается так, что не может осквернить верующую своей нечистотой. Между тем, освящение это не приносит никакой пользы неверующему. Его хватает лишь на то, чтобы верующая не осквернялась от союза с безбожником, и сам брак не подвергался профанации.

Впрочем, здесь возникает вопрос: если вера мужа христианина или жены христианки освящает брак, отсюда следует, что все браки нечестивых сами по себе нечисты, ничем не отличаясь от блуда. Отвечаю: для нечестивых все нечисто, ибо своей нечистотой они оскверняют даже лучшие и отборнейшие творения Божии. Поэтому они оскверняют и сам брак, не признавая Бога его автором. Значит, нечестивые никак не способны воспринять истинное освящение и с недоброй совестью злоупотребляют браком. Однако отсюда неправильно делать вывод, что их брак ничем не отличается от блуда. Ведь каким бы нечистым он ни был для супругов, сам по себе брак чист, поскольку установлен Богом, служит сохранению благопристойности между людьми и обуздывает ненасытную похоть. Поэтому ради этих целей Бог и одобряет такой брак, как и все другие общественные установления. Итак, надо всегда проводить различие между природой вещи и злоупотреблением ею.

Иначе дети ваши. Довод, основанный на следствии: если ваш брак был бы нечистым, дети, рождающиеся от него, также были бы нечисты. Но они святы. Значит, и брак ваш свят. Итак, подобно тому, как нечестие одного из родителей не мешает детям рождаться святыми, так оно не мешает быть чистым и браку. Некоторые грамматика отнесают это место к

гражданской святости, то есть к тому, что дети считаются законнорожденными. Но в этой части положение неверующих супругов также ничуть не хуже. Поэтому толкование это не может быть правильным. Кроме того, очевидно, что Павел хотел избавить совесть верующих от сомнения, дабы никто из них не думал, будто брак с неверующим навлекает нечистоту. Итак, место это весьма примечательно и основано на самой глубокой теологии. Ибо апостол учит, что дети благочестивых отделены от остальных некоторой прерогативой и для Церкви считаются святыми.

Однако каким образом это положение согласуется с тем, чему апостол учит в другом месте: мы по природе чада гнева (Еф.2:3)? А также со словами Давида: вот, я зачат во грехах, и т.д. (Пс.51:7) [В Синодальном переводе Библии Пс.50:7. – прим. пер.]. Отвечаю: в семени Адама заключено вселенское распространение как греха, так и осуждения. Поэтому все до одного, происходят ли они от верующих или от нечестивых, находятся под этим проклятием. Ибо верующие рожают детей по плоти, а не по той причине, что возрождены Святым Духом. Итак, у всех людей одно и то же природное состояние, и все они подвержены как греху, так и вечной смерти. То же, что апостол приписывает здесь детям верующих особую привилегию, связано с благодеянием завета, с приходом которого разрушается природное проклятие. И по благодати Богу начинают посвящаться те, кто по природе осквернен. Так же Павел рассуждает и в Рим.11:16: все потомство Авраама свято, поскольку Бог заключил с ним завет жизни. Если свят корень, – говорит апостол, – значит, святы и ветви. И Бог называет Своими детьми всех, рожденных от Израиля. Теперь же по устранении преграды тот же самый завет спасения, ранее заключенный с семенем Авраама, сообщен и нам. И если дети верующих изымаются из общей участи человеческого рода, отделяясь для Господа, зачем же лишать их внешнего знака [то есть, крещения. – прим. пер.], если Господь Словом Своим допускает их в Свою Церковь? Почему в таком случае мы будем отказывать им во внешнем символе? Каким же образом потомство благочестивых свято и однако же многие из него становятся вырожденцами, можно прочесть в толковании на десятую и одиннадцатую главу Послания к Римлянам, где мы подробно обсудили эту тему.

15) *Если же неверующий*. Вторая часть предложения, в которой апостол освобождает от долга верующего мужа, готового жить с нечестивой женой и все же ею отвернутого. Подобным образом он освобождает и жену, без вины отвергнутую мужем. Ведь неверующий в таком случае в большей степени разводится с Богом, нежели со своим супругом. Итак, этот развод – особая причина, по которой первостепенные и наиважнейшие узы брака не только ослабляются, но и полностью разрываются. И хотя сегодня некоторые хотят применить то же правило к папистам, все же следует благоразумно размыслить над сутью вопроса и ничего не делать необдуманно.

К миру (в мире). Здесь толкователи также между собой разногласят. Некоторые понимают так: мы призваны в мире, поэтому будем избегать повода для смуты и ее сеяния. Я же понимаю проще: насколько возможно, будем хранить со всеми мир, к которому мы призваны. Поэтому не будем необдуманно разводиться с неверующими, если они первые не разводятся с нами. Итак, Бог призвал нас в мире для той цели, чтобы мы хранили со всеми мир, по-хорошему относясь ко всем. Значит, это слово относится к предыдущему положению: верующие должны оставаться с неверующими, если те на то согласны, и т.д., поскольку желание развода противоречит нашему исповеданию.

16) *Почему ты знаешь, жена*. Те, кто считает это предложение подтверждением второй части предыдущего, толкуют его так: неопределенная надежда не должна удерживать тебя, и т.д. Однако (на мой взгляд) это – увещание, основанное на пользе. Ибо если жена обратит мужа – это великое и замечательное благо. И не стоит отчаиваться в неверующих так, словно их уже не обратить, как нельзя обратить мертвых. Однако Бог может воскресить даже умерших. Итак, если остается какая-то надежда на успех, и благочестивая жена не знает, может ли вывести мужа на правильный путь своим святым житием, прежде чем

его оставить, ей надо опробовать все средства. Ведь, доколе спасение человека еще остается неясным, мы должны быть склонны надеяться в отношении него на лучшее.

Впрочем, сказанное апостолом, что жена может спасти мужа, следует понимать в несобственном смысле, ибо Павел здесь переносит на людей принадлежащее Богу. Однако в этом нет ничего абсурдного. Коль скоро Бог действительно работает через используемые Им орудия, Он сообщает им неким образом Свою силу или, по крайней мере, так пользуется их служением, что совершенное Им называет сделанным ими. Поэтому иногда Он приписывает им честь, положенную только Ему. Но будем помнить: в нас что-то имеется лишь постольку, поскольку Бог движет нами как Своими орудиями.

17) *Только каждый поступай так, как Бог ему определил (каждый, как Господь уделил ему благодать).* Именно так и сказано дословно, разве что я для лучшего согласования с контекстом перевел в именительном падеже. Смысл следующий: каждому из нас надлежит поступать по мере данной ему благодати и своего призвания; посему пусть каждый трудится и прилагает усилия к тому, чтобы приносить пользу своим ближним, особенно в том случае, если он призван к этому по долгу своего служения. Апостол говорит о двух вещах: призвании и мере благодати, на которые и велит обратить внимание в этом вопросе. Ведь стимул, состоящий в том, что Бог удостоил нас быть служителями Его благодати ради спасения братьев, должен немало побуждать нас к исполнению своих обязанностей. Призвание же должно удерживать нас под ярмом Божиим, даже если кому-то и не нравится его положение.

Так я повелеваю по всем церквам. Думаю, что это добавлено для упреждения клеветы некоторых, говоривших, будто апостол претендовал у коринфян на большие полномочия, нежели в других церквах. Хотя здесь можно усмотреть и иную цель: апостол, сообщая коринфянам, что учение его обнародовано по всем церквам, хотел сделать его для них более весомым. Ведь мы легче всего принимаем то, что считаем общим со всеми благочестивыми. И связывать коринфян более тесными узами, чем прочих, было бы веским поводом для неприязни.

18. *Призван ли кто обрезанным, не скрывайся; призван ли кто необрезанным, не обрезывайся.* 19. *Обрезание ничто и необрезание ничто, но все в соблюдении заповедей Божиих.* 20. *Каждый оставайся в том звании, в котором призван.* 21. *Рабом ли ты призван, не смущайся; но если и можешь сделаться свободным, то лучшим воспользуйся.* 22. *Ибо раб, призванный в Господе, есть свободный Господа; равно и призванный свободным есть раб Христов.* 23. *Вы куплены дорогою ценою; не делайтесь рабами человеков.* 24. *В каком звании кто призван, братия, в том каждый и оставайся пред Богом.*

(18. *Призван ли кто обрезанным, пусть не делает себя необрезанным; призван ли кто необрезанным, пусть не обрезывается.* 19. *Обрезание ничто и необрезание ничто, но соблюдение заповедей Божиих.* 20. *Каждый оставайся в том звании, в котором призван.* 21. *Рабом ли ты призван, не беспокойся; но если также можешь сделаться свободным, то лучше воспользуйся.* 22. *Ибо раб, призванный в Господе, есть вольноотпущенник Господа; равно и призванный свободным есть раб Христов.* 23. *Вы куплены за цену; не делайтесь рабами человеков.* 24. *В каком звании кто призван, братия, в том каждый и оставайся пред Богом.)*

18) *Призван ли кто обрезанным.* Ранее апостол упоминал о призвании, подвигнувшись на это рассмотрением определенного вопроса. Теперь же он переходит к общему увещанию, как обычно поступает и во многих других местах. Одновременно он подтверждает разными примерами то, что ранее говорил о браке. Итог же следующий: во внешних делах не следует необдуманно отходить от своего призвания, которым однажды ты был призван по воле Божией. Апостол начинает с обрезания, о котором спорили многие. Он говорит, что для Бога нет разницы, иудей ты или язычник. Посему апостол велит всем довольствоваться

ся своей участью. Всегда следует помнить о том, что здесь идет речь только о законном образе жизни, автором и распорядителем которого является Бог.

19) *Обрезание ничто.* Хотя подобный довод не вполне подходил настоящему случаю, все же кажется, что апостол намеренно воспользовался им, дабы попутно обуздать суеверие и превозношение иудеев. Коль скоро иудеи хвалились своим обрезанием, многие необрезанные из-за этого могли отчаяться в себе, словно положение их хуже вследствие необрезания. Итак, Павел уравнивает необрезание с обрезанием, дабы отвращение к первому не приводило к глупому желанию второго. Впрочем, апостол говорил это в то время, когда обрезание было уже отменено. Ведь, если бы Павел имел в виду завет Божий и Его заповедь, он без сомнения оценил бы обрезание выше. Телесное обрезание апостол уничижает и в другом месте (Рим.2:27), возвещая, что перед Богом оно – ничто. Но здесь он просто противопоставляет обрезание необрезанию и уравнивает их. Несомненно, что он говорит здесь об обрезании как о безразличном и совершенно неважном деле. Ведь отмена обрезания привела к тому, что таинство, ранее в нем содержащееся, перестало быть с ним связанным. Больше того, после своей отмены обрезание – уже не символ, а просто бесполезная вещь. И крещение заменило установленный законом символ с той целью, чтобы мы довольствовались обрезанием от Духа Христова, когда наш ветхий человек погребается вместе со Христом.

Но все в соблюдении заповедей (но соблюдение заповедей). Поскольку обрезание было одной из заповедей, доколе Церковь оставалась связанной обрядами закона, Павел, как видно, считает само собой разумеющимся, что с приходом Христа обрезание отменено. Так что употребление его для невежд и немощных отныне полностью произвольно, а польза от него – никакая. Ибо Павел говорит об обрезании, как о чем-то совершенно неважном. Он как бы дает понять: коль скоро все это – внешнее, они не должны тебя удерживать. Заботься о благочестии и об исполнении долга, что и требует от тебя Бог и что единственное Он ценит.

Паписты ссылаются на это место для опровержения праведности по вере. Но это – детская уловка. Ведь Павел рассуждает здесь не о причине праведности, не о том, каким образом мы ее достигаем, но лишь о том, на что должно быть направлено усердие верующих. Он как бы говорит: не занимайтесь понапрасну никчемными вещами, но упражняйте себя в служении, одобряемом Богом.

20) *Каждый оставайся в том звании.* Главное положение, из которого выводится все прочее. Каждый, довольствуясь своим призванием, должен следовать ему и не желать его изменить. Призванием в Писании называется законный образ жизни. Ибо он имеет отношение к призывающему Богу, дабы никто не злоупотреблял этим положением для защиты очевидно нечестивых и порочных родов жития.

Но спрашивается, хотел ли Павел установить здесь какую-то обязанность? Ибо так на первый взгляд звучат его слова: каждый привязан к своему призванию и не должен от него отходить. Однако это было бы слишком жестоко: портному нельзя было бы учиться другому ремеслу, торговцу нельзя было бы становиться земледельцем. Отвечаю: цель апостола заключалась в другом. Он хочет лишь обуздать необдуманное желание, заставляющее многих менять свое общественное положение без надлежащей причины, в силу ли суеверия или какого-либо другого мотива. Кроме того, каждого апостол отсылает к следующему правилу: мы должны помнить о том, что соответствует нашему призванию. Итак, апостол не обязывает кого-либо придерживаться однажды выбранного образа жизни, но скорее осуждает неумность, мешающую людям со спокойной душой довольствоваться своим положением. Он велит, как гласит древняя поговорка, чтобы каждый заботился о той Спарте, которой овладел.

21) *Рабом ли ты призван?* Отсюда видно, что цель Павла была в том, чтобы умиротворить совесть. Ведь он велит рабам быть благодушными и не смущаться, будто рабство мешает

им служить Господу. Итак, «не беспокойся», то есть не будь обеспокоен тем, как сбросить с себя ярмо, словно состояние рабства недостойно христианина, но будь спокоен душою. Отсюда мы делаем вывод, что провидение Божие не только разграничивает в обществе различные степени и чины, но и Словом Своим заповедует их сохранение.

Но если и (также) можешь сделаться свободным. Слово «также», на мой взгляд, несет в себе то же акцент, как если бы было сказано: если вместо рабства ты можешь достичь свободы, это будет тебе удобнее. Трудно сказать, направлена ли речь апостола все еще к рабам, или он теперь обращается к свободным. В последнем случае *γενέσθαι* означает здесь просто «быть». Оба смысла весьма подходят к контексту и сводятся к одному и тому же. Апостол учит, что свобода не только хороша, но и значительно удобнее рабства. Если он обращается к рабам, смысл таков: повелевая вам душевное спокойствие, я не запрещаю вам воспользоваться свободой, если вам она выпадет. Если же он обращается к свободным, то здесь наличествует разновидность уступки. Апостол как бы говорит: рабам я велю быть благодушными, хотя, если дается такой выбор, положение свободных лучше и желательнее.

22) *Ибо раб, призванный в Господе.* Быть рабом, призванным в Господе, означает быть избранным в рабском состоянии и стать причастником Христовой благодати. Далее, это положение предназначено для утешения рабов и обуздания гордыни свободных. Поскольку рабам стыдно быть рабами из-за того, что они отвергнуты и презираемы в мире, полезно было смягчить тяжесть их положения посредством некоего утешения. Свободные же нуждаются в узде, дабы не льстить себе из-за своей более почетной участи и не превозноситься в своей гордыне. Апостол делает и то, и другое. Ведь, коль скоро свобода духа много предпочтительнее свободы плотской, для рабов должна быть терпимой тяжесть их положения, если они считают бесценным обретенный ими дар. А свободные не должны превозноситься, поскольку в главном они – в таком же положении, что и рабы. Но отсюда нельзя заключить, что рабы предпочитают свободным и, таким образом, нарушается общественный порядок. Апостол знал, что было нужно и тем, и другим. Свободных надлежало сдерживать, дабы те не свирепствовали, восставая на рабов. А рабам надлежало дать какое-то утешение, дабы они не падали духом. И сказанное апостолом еще больше утверждает общественный порядок, коль скоро он учит, что плотское неудобство восполняется духовным благом.

23) *Вы куплены дорогою ценою (за цену).* Эти же слова мы читали в предыдущей главе, но там они имели другой смысл. Я уже говорил, что думаю о слове «цена». Итог в следующем: апостол запрещает рабам беспокоиться о своем положении. Он заботится о том, чтобы рабы не служили порочным вождениям своих господ. Для Господа мы святы, поскольку Он нас искупил. Поэтому не будем осквернять себя ради угождения людям. А именно это происходит, когда мы повинемся их превратным желаниям. Это увещание было весьма необходимым в то время, когда рабов принуждали исполнять любые приказы без разбора и исключения путем угроз и побоев, и даже под страхом смерти. Так что в обязанности рабов не меньше входило сводничество и иные подобного рода мерзости, чем благопристойные дела. Итак, Павел делает справедливое исключение: рабы не должны слушаться постыдных и преступных приказов. О, если бы эта мысль твердо укоренилась в душах всех! Тогда бы не столь многие отдавали себя на служение людской похоти, словно их выставили на продажу. Мы же будем помнить, что принадлежим Тому, Кто нас искупил.

24) *Оставайся пред Богом.* Ранее я говорил о том, что здесь на людей не налагается никакого закона, запрещающего им изменять общественное положение, даже если бы на это была надлежательная причина, но лишь укрощаются необдуманно пожелания, из-за которых многие влекутся в разные стороны и охвачены постоянным беспокойством. Итак, Павел говорит: перед Богом надо жить в согласии со своим житейским призванием, ибо различие в образе жизни не нарушает согласия в благочестии.

25. Относительно девства я не имею повеления Господня, а даю совет, как получивший от Господа милость быть Ему верным. 26. По настоящей нужде за лучшее признаю, что хорошо человеку оставаться так. 27. Соединен ли ты с женой? не ищи развода. Остался ли без жены? не ищи жены. 28. Впрочем, если и женишься, не согрешишь; и если девица выйдет замуж, не согрешит. Но таковые будут иметь скорби по плоти; а мне вас жаль.

(25. О девах же я не имею повеления Господня, а даю совет, как получивший от Господа милость быть верным. 26. По настоящей нужде за благо признаю, что хорошо человеку оставаться так. 27. Соединен ли ты с женой? Не ищи развода. Свободен ли от жены? Не ищи жены. 28. Впрочем, если и женишься, ты не согрешил; и если девица выйдет замуж, она не согрешила. Но таковые будут иметь скорбь по плоти; а я вас жалею.)

25) Относительно девства (о девах). Апостол возвращается к теме брака, о которой завел речь в начале этой главы. Ранее он уже упоминал о том, что собирается сказать сейчас, но делал это бегло и немного неясно. Итак, теперь он точнее излагает то, что думает о девстве. Но поскольку это тема весьма скользка и полна трудностей, апостол, как мы увидим, всегда выражается условно. Слово «девы» я разумею здесь как означающее само девство. Апостол утверждает, что не имеет относительно него *повеления Господня*, поскольку Бог нигде в Писании не говорит о тех, кто должен оставаться безбрачным. Больше того, коль скоро Писание утверждает, что мужчина и женщина были сотворены вместе, кажется, что все в одинаковой степени и без исключения призваны к супружеству. По крайней мере, никому никогда не заповедовали и не советовали оставаться безбрачным.

Апостол говорит, что дает *совет*, но не такой, который шаток и сомнителен, а твердый, которого следует придерживаться без всяких споров. И употребляемое им слово γνώμη означает не совет, а суждение. Далее, паписты неправильно выводят из данного отрывка, что позволительно выходить за пределы Слова Божия. Ведь Павел меньше всего думал о том, чтобы преступить установленные Словом границы. Если прочесть текст внимательнее, можно увидеть, что Павел преподает только то, что Христос изрек в Евангелии от Матфея (5:32 и 19:5, и далее). Однако, упреждая возражение, апостол признается, что в законе нет четкой заповеди Господней, определяющей, кто должен вступать в брак, а кто – от него воздерживаться.

Получивший от Господа милость быть верным. Апостол придает авторитет своему мнению, дабы никто не подумал, что может по собственному желанию его отбросить. Он утверждает, что говорит не как человек, а как добросовестный учитель Церкви и апостол Христов. По своему обыкновению Павел все это приписывает милосердию Божью, коль скоро достоинство его было незаурядным и, больше того, превосходило все прочие человеческие достоинства. Отсюда явствует: все, что люди от себя привнесли в Церковь, не имеет ничего общего с этим советом Павла. Далее, слово «верный» означает здесь «правдивый», то есть тот, кто действует не только по благочестивому рвению, но и наделен мудростью учить правильно и добросовестно. Ибо доброго расположения души не достаточно для учителя, если в нем нет благоразумия и знания истины.

26) *За лучшее признаю (за благо признаю).* Хотя я перевел это место не так, как Эразм или древний переводчик, смысл остается тем же. Они разделяют слова Павла так, что одна и та же мысль повторяется дважды. Я же делаю из слов апостола только одно предложение. Причем, не без основания, потому что следую древним и проверенным кодексам, соединяющим предложения в одно посредством запятой. Смысл таков: я думаю, что полезно из-за нужды, постоянно преследующей в этой жизни святых, чтобы все пользовались свободой и удобством безбрачия, поскольку это пошло бы им во благо. Далее, некоторые относят слово «нужда» к апостольскому веку, действительно весьма волнительному для благочестивых. Мне же кажется, что апостол скорее имел в виду беспокойство, постоянно тревожащее святых в настоящей жизни. Посему сказанное им я отношу ко всем временам. И понимаю так: на земле святых часто бросает в разные стороны, они подвержены много-

численным и разнообразным невзгодам. Поэтому положение их кажется весьма не подходящим для брака. Фраза «оставаться так» означает «пребывать в безбрачии» или «воздерживаться от брака».

27) *Соединен ли ты с женой?* Предлагая самый удобный вариант, апостол все же добавляет: удобства безбрачия не должны подвигать связанного с женою стряхнуть с себя ярмо брака. Итак, здесь несколько смягчается предыдущее утверждение, дабы похвала безбрачия не побудила никого оставить здравомыслие и, забыв о своем призвании, презирать брак. Далее, этими словами апостол не только запрещает разрывать брачные узы, но и порицает часто возникающую неприязнь к супруге, дабы каждый охотно и безмятежно прилеплялся к своей жене.

Остался ли без жены (Свободен ли от жены)? Из контекста явствует, что это второе положение надо понимать как условное. Апостол не всем разрешает избирать пожизненное безбрачие, но лишь тем, кому это дано. Значит, тот, кто не испытывает никакой нужды, не должен необдуманно лезть в петлю. Ибо свободой не следует легковесно жертвовать.

28) *Если и женишься.* Поскольку имелась опасность, что кто-то выведет из предыдущего положения следующее: я буду искушать Бога, если сознательно и добровольно соединюсь с женою (ведь это значит отречься от своей свободы), – апостол исключает подобную мысль. Он дает вдовствующим свободу жениться и говорит, что поступающие так не грешат. Союз «и» также, по-видимому, акцентируется. Апостол свидетельствует: хотя бы и не было никакой настоящей необходимости, безбрачным не запрещается вступать в брак, когда им это будет угодно.

А если девица выйдет замуж. Является ли эта фраза усилительной, или просто сравнительной, прежде всего, бесспорно одно: Павел распространяет на всех свободу вступать в брак. Считающие, что здесь присутствует усиление, руководствуются тем, что (как говорили древние) развязывать пояс девственности кажется ближе ко греху, больше достойным порицания и, по крайней мере, более постыдным, нежели заключать повторный брак после смерти супруга. Значит, довод апостола тогда звучал бы так: если вступать в брак подобает деве, тем более это позволительно вдове. Я же считаю, что здесь уравниваются оба состояния. То есть, брак позволителен как деве, так и вдове. Ибо повторный брак у древних вызывал некоторые нарекания. Они украшали венцом целомудрия матрон, всю жизнь довольствовавшихся одним браком. А эта честь равнозначна порицанию тех, кто выходил замуж более одного раза. Известны слова Валерия: признак позволительной невоздержанности присутствует тогда, когда желают повторного брака. Итак, апостол уравнивает дев и вдов в свободе выходить замуж.

Но таковые будут иметь скорбь. Апостол часто повторяет причину, по которой он в своих увещеваниях призывает к безбрачию, дабы не показалось, будто он предпочитает это состояние само по себе, а не ради вытекающих из него следствий. Он говорит, что с браком соединены многочисленные скорби. Поэтому апостол хочет, чтобы все желающие избавиться от скорбей также были свободны от брачных уз. Говоря о том, что таковые будут иметь плотскую скорбь или скорбь по плоти, апостол имеет в виду, что заботы и тяготы, выпадающие на долю супругов, проистекают из земных попечений. Итак, «плоть» означает здесь внешнего человека. «Жалеть» означает проявлять снисхождение и желать людям избавления от скорбей, связанных с браком. Апостол как бы говорит: желаю помочь вашей немощи, дабы вы не тяготились; брак же влечет за собой многочисленные скорби; вот причина, по которой я желал бы вам не нуждаться в браке: дабы вы были свободны от всяческих злоключений. Однако отсюда нельзя делать вывод, будто Павел считает брак необходимым злом. Ибо скорби, о которых он говорит, происходят не столько от природы брака, сколько от его порчи. Ведь они – плоды первородного греха.

29. *Я вам сказываю, братия: время уже коротко, так что имеющие жен должны быть, как не имеющие; 30. и плачущие, как не плачущие; и радующиеся, как не радующиеся; и*

покупающие, как не приобретающие; 31. и пользующиеся миром сим, как не пользующиеся; ибо проходит образ мира сего. 32. А я хочу, чтобы вы были без забот. Неженатый заботится о Господнем, как угодить Господу; 33. а женатый заботится о мирском, как угодить жене. Есть разность между замужнею и девицею: 34. незамужняя заботится о Господнем, как угодить Господу, чтобы быть святою и телом и духом; а замужняя заботится о мирском, как угодить мужу. 35. Говорю это для вашей же пользы, не с тем, чтобы наложить на вас узы, но чтобы вы благочинно и непрестанно служили Господу без развлечения.

(29. Сие и говорю, братия: поскольку время уже коротко, осталось, чтобы имеющие жен были, как не имеющие; 30. и плачущие, как не плачущие; и радующиеся, как не радующиеся; и покупающие, как не приобретающие; 31. и пользующиеся миром сим, как не пользующиеся; ибо проходит образ мира сего. 32. А я хочу, чтобы вы были без забот. Неженатый заботится о Господнем, как угодить Господу; 33. а женатый заботится о мирском, как угодить жене, и он разделен. 34. И незамужняя женщина и девица заботится о Господнем, как угодить Господу, чтобы быть святою и телом и духом; а замужняя заботится о мирском, как угодить мужу. 35. Говорю это для вашей же пользы, не с тем, чтобы уловить вас в сети, но к досточестности и благообразию, дабы вы прилеплялись к Господу без какого-либо отвлечения.)

29) *Время уже коротко.* Апостол снова проповедует о священном употреблении брака, дабы обуздать похотливость тех, кто, беря жену, думал только о плотских удовольствиях, совершенно не памятуя о Боге. Итак, апостол увещевает верующих не ослаблять узду на своей похоти, дабы брак не сделал их мирскими. Брак – это врачевство от невоздержания, однако лишь в том случае, если пользоваться им умеренно. Апостол велит супругам жить стыдливо и в страхе Господнем. А это возможно лишь в том случае, если они воспользуются браком так, как и другими земными вспомоществованиями, а сердцем своим вознесутся ввысь в размышлениях о небесной жизни.

Апостол основывает свой довод на краткости человеческой жизни. Наша нынешняя жизнь тленна и скоротечна. Поэтому мы не должны привязываться к ней. Значит, имеющие жен должны быть, как не имеющие. И хотя с подобной философией на словах согласны все, укоренилась она в душах весьма немногих. В первой версии перевода я следовал⁵ кодексу⁶, которому, как я позднее обратил внимание, не соответствовал никакой другой. Поэтому я решил вставить слово «поскольку», содержащееся в некоторых древних рукописях, дабы смысл стал несколько яснее. Коль скоро советы больше относятся к будущему времени, нежели к прошлому, апостол увещевает о краткости именно будущего времени.

Как не имеющие. Все, что касается использования брака в настоящей жизни, – святой Божий дар. Но мы оскверняем его собственным злоупотреблением. Если спросить о причине, она в том, что мы всегда грезим о вечности этого мира. Отсюда то, что должно быть вспомоществованием к прохождению земного жития, становится для нас оковами и путями. Поэтому апостол, дабы стряхнуть с нас сонливость, вполне справедливо призывает нас подумать о краткости этой жизни. Отсюда он делает вывод: мы должны пользоваться всеми мирскими вещами так, будто ими не пользуемся. Ибо тот, кто считает себя странником в этом мире, пользуется предметами мира сего как чужими. То есть, как теми, что даны нам в залог на один день. Итог таков: душу христианина не должны занимать помыслы о земном. Не в земном должна она находить успокоение. Нам надлежит жить так, словно в каждый следующий миг предстоит уход из настоящей жизни.

Под плачем и радостью апостол имеет в виду тяготящие и радующие нас события. Ибо вполне привычно обозначать причины через их следствия. Впрочем, апостол не заповеду-

⁵ парижскому.

⁶ Эразм фразу τὸ λοιπὸν соединяет с последующим. Но данное прочтение более подлинно.

ет здесь христианам отказываться от имущества; он требует лишь, чтобы души их не были к нему привязаны.

31) *И пользующиеся миром сим.* В первой части предложения присутствует причастие *χρώμενοι*, во второй – составное причастие *καταχρώμενοι*. Предлог *κατά* в составном слове обычно придает ему отрицательный оттенок или означает пламенный порыв. Посему Павел здесь имеет в виду трезвенное и плодоносное употребление брака, никак не мешающее нашему продвижению и не задерживающее наше поспешание к назначенной нам цели.

Ибо проходит образ. Этой фразой апостол изящно выразил суетность мира сего. По его словам, в нем нет ничего твердого и незыблемого. Этот мир, как говорится, – одна лишь личина или внешняя видимость. Впрочем, апостол, кажется, намекает на сценические представления, в которых после быстрого поднятия занавеса перед зрителями каждый раз представала новая картина. То же, что ранее привлекало их взор, быстро уносилось во свояси. Но я не понимаю, почему Эразм предпочел использовать в переводе слово «навык». На мой взгляд, оно несомненно затуманивает учение Павла. Ведь апостол косвенно противопоставляет образ самой сути.

32) *А я хочу.* Апостол возвращается к своему еще не полностью изложенному совету. Вначале, по своему обычаю, он расхваливает безбрачие. Затем каждому дает свободу избирать то, что, на его взгляд, ему подходит. Далее, апостол не без причины столько раз возвращается к похвале безбрачия. Ведь он видел, сколь тягостно ярмо брака. Поэтому тот, кто может его избежать, не должен лишать себя столь великого блага. А тех, кто предназначил себя к браку, полезно предупредить о связанных с ним неудобствах, дабы потом, нежданно их обнаружив, они не пали духом. А это, как мы видим, происходит весьма часто. Ибо, ранее обещав себе в браке одну лишь сладость, люди, лишившись этой надежды, легко отчаиваются от малейшей обиды. Итак, пусть они знают, что их ждет со временем, дабы быть готовыми претерпеть все. Смысл сказанного таков: брак влечет за собой отвлекающие обстоятельства, от которых я хотел бы видеть вас свободными.

Но поскольку выше апостол говорил о скорбях, а теперь он говорит о заботах, или беспокойствах, не вполне ясно, идет ли здесь речь о разных вещах. Думаю, что скорбь рождается от чего-то печального, как-то: утрата детей или родителей, вдовство, поношения и мелкие ссоры, как называют их юристы, отвращение, проступки детей, трудности в прокормлении своей семьи, и тому подобное. Заботы же я связываю с вещами радостными, как-то: свадебное гуляние, шутки, и прочее, чем заняты супруги.

Неженатый заботится о Господнем. Вот та свобода от забот, которую апостол желает христианам: дабы они посвящали Господу все свои помышления и старания. И это, по его словам, имеет место в состоянии безбрачия. Поэтому апостол и хочет, чтобы все пользовались данной свободой. Однако он не имеет в виду, что свобода эта неотъемлема от безбрачия. Опыт показывает, что она совсем не свойственна священникам, монахам и монашкам, ибо нельзя вообразить ничего более далекого от Бога, чем их целибат. Добавь сюда и многочисленных гнусных блудников, которые для того воздерживаются от брака, чтобы обрести большую свободу выказывать свою похоть. Но даже если порок и не проявляется открыто, все равно там, где присутствует разжигание, нет никакого усердия по Богу. Однако Павел имел в виду следующее: безбрачный свободен. Ему ничто не мешает размышлять о божественных предметах. И свободой этой пользуются все благочестивые; прочие же обращают ее к собственной гибели.

33) *А женатый заботится о мирском.* Под мирским разумей здесь то, что относится к настоящей жизни. Ибо мир означает в этом отрывке состояние земной жизни. Но отсюда кто-то сделает вывод, что все женатые чужды Царства Божия, поскольку думают только о земном. Отвечаю: апостол говорит лишь о некоторых помышлениях. Он имеет в виду следующее: женатые смотрят на Господа как бы одним глазом, а другой постоянно обращают

к своей жене. Поэтому брак подобен ноше, из-за которой развращенный человеческий разум в своем стремлении к Богу сталкивается с трудностями. Будем же всегда помнить о том, что подобное зло не свойственно браку самому по себе, но происходит из человеческой испорченности. Таким образом падет клевета Иеронима, который использовал все сказанное с целью обесславить брак. Ведь если кто-то станет осуждать на этом основании земледелие, торговлю и прочие житейские занятия из-за того, что среди стольких мирских пороков ни одно из них не свободно от того или иного зла, всякий посмеется над его глупостью. Итак, отметь: все присущее браку зло привходит в него из другого источника. Ибо муж от сожителства с женою не отвлекался бы сегодня от Господних дел, если бы оставался в состоянии неиспорченной природы и не искажал бы святого установления Божия. И жена была бы для него помощницей во всяком добром деле, с каковой целью и была создана.

Но кто-то спросит: если с браком всегда связаны порочные и достойные осуждения заботы, как же могут супруги с чистой совестью призывать Господа и Ему служить? Отвечаю: есть три вида забот. Одни заботы сами по себе злы и нечестивы, поскольку происходят из неверия. О них говорит Христос в Мф.6:25. Другие заботы необходимы и вполне угодны Богу. Так отцу семейства надлежит заботиться о жене и детях. И Бог не хочет, чтобы мы подобно пням не заботились даже о самих себе. Третий вид забот представляет собой смесь двух предыдущих. Когда мы заботимся о том, о чем следует заботиться по долгу, но при этом чрезмерно волнуемся по причине нашей врожденной неумности. Такие заботы сами по себе не зло, но порочны вследствие *ἀταξίαν*, то есть – непомерного излишества. И апостол имеет здесь в виду не только пороки, навлекающие на нас вину перед Богом. Он хочет, чтобы мы, избавившись от всех отвлекающих обстоятельств, полностью посвятили свое время Богу.

Есть разность (и он разделен). Удивительно, что по поводу этого отрывка возникли столь сильные расхождения. Обычное греческое чтение до такой степени не имеет ничего общего с древним латинским, что различие это нельзя приписать ошибке или небрежности переписчиков, которые часто ошибаются в одной букве или одном слове. Греческое чтение дословно звучит так: женатый думает о мирском, как угодить жене. Женщина и девица разделены. Незамужняя заботится о Господнем, и т.д. Слово «разделиться» истолковывается как «различаться», словно апостол говорит: между замужней женщиной и девицей большое различие; вторая заботится только о Божием, а первая занята множеством других дел. Однако, поскольку это толкование в чем-то чуждо простого значения апостольских слов, оно мне не нравится. Особенно, поскольку в другом чтении (встречающемся в некоторых греческих кодексах) заключается более подходящий и менее натянутый смысл. Поэтому надо понимать так: заключивший брак человек разделен, поскольку посвящает себя отчасти Богу, и отчасти супругу, не принадлежа при этом Богу полностью.

34) *Незамужняя (И незамужняя женщина и девица).* То, чему апостол ранее учил о мужах, теперь он переносит и на женщин, а именно: девицы и вдовы не отвлекаются земными вещами, поскольку все свое усердие и заботы посвящают Богу. Не потому, что так поступают все, но потому что, если душа настроена должным образом, всегда имеется соответствующая возможность. Говоря же «чтобы быть святой и телом и духом», апостол показывает, какова истинная и угодная Богу чистота: хранение души для Бога неоскверненной. О, если бы на это больше обращали внимания! Что же касается тела, то мы видим, как обычно освящают себя для Господа монахи, монашки и все отбросы папского клира. Нельзя вообразить себе ничего более развратного, чем их целибат. Но, не говоря уже о чистоте тела, сколько из них ради людского мнения претендуют на чудо воздержания, не разжигаясь при этом гнусной похотью? Из слов же Павла можно заключить, что Богу угодна лишь та стыдливость, которая относится не только к телу, но и к душе. О, если бы люди, надменно болтающие о воздержании, поняли, что имеют дело с Богом. Тогда они не боролись бы с нами столь самоуверенно. Хотя сегодня о воздержании величественно рас-

суждают лишь те, кто открыто и бесстыднейшим образом блудит, все же, веди они себя перед людьми в высшей степени благочестиво, это все равно не будет иметь никакого значения, если они не сохранят свои души чистыми от всякой грязи.

35) *Для вашей же пользы.* Обрати внимание на умеренность апостола. Хотя он уже знал, какие происходят от брака тяготы, трудности и неудобства, и какие преимущества, с другой стороны, исходят от безбрачия, он все же не дерзает заповедывать ничего определенного. Больше того, поскольку ранее апостол похвалил безбрачие, теперь он боится того, что читатели под впечатлением подобной похвалы тут же скажут себе то, что некогда ответили Христу апостолы (Мф.19:10): хорошо человеку так быть, – и не примут во внимание собственные возможности. Апостол выразительно свидетельствует: он показал то, что наиболее полезно, но никого не хочет к этому обязывать.

Здесь достойны внимания два момента. Первый: для какой цели надо желать безбрачия, а именно: не ради него самого, и не потому что это более совершенное состояние, но для того, чтобы без всяких отвлечений прилепиться к Богу. И только к этому должен стремиться всю свою жизнь христианин. Второй момент: не следует набрасывать на совесть петлю и удерживать от брака кого-либо, но каждый должен иметь в этом вопросе полную свободу. Ясно, что люди по обоим этим пунктам впали в заблуждение. Действительно, относительно второго пункта смелее Павла оказались те, кто не убоился принять закон о целибате, запретив всем клирикам вступать в брак. Они же одобрили обеты пожизненного воздержания. Посредством этих силков десятки тысяч человеческих душ были затянуты в вечную погибель. Посему, если устами Павла говорил Святой Дух, нельзя извинить папистов в их противлении Богу. Ведь они связывают совесть в том, в чем Он восхотел оставить ее свободной. Разве что мнение Его с тех пор изменились, и Он стал плести силки, которые ранее Сам не одобрял.

36. Если же кто почитает неприличным для своей девицы то, чтобы она, будучи в зрелом возрасте, оставалась так, тот пусть делает, как хочет: не согрешит; пусть таковые выходят замуж. 37. Но кто непоколебимо тверд в сердце своем и, не будучи стесняем нуждою, но будучи властен в своей воле, решился в сердце своем соблюдать свою деву, тот хорошо поступает. 38. Посему выдающий замуж свою девицу поступает хорошо, а не выдающий поступает лучше.

(36. Если же кто почитает неприличным для своей девицы, если она перерастет цветущий возраст, и такой должна остаться, тот пусть делает, как хочет: не согрешит; пусть выходят замуж. 37. Но кто тверд в сердце своем и, не имея нужды, но будучи властен в своей воле, решился в сердце своем соблюдать свою деву, тот хорошо поступает. 38. Посему выдающий замуж свою девицу поступает хорошо, а не выдающий поступает лучше.)

36) *Если же кто.* Теперь апостол обращает свою речь к родителям, властным над своими детьми. Выслушав похвалу безбрачию, услышав о неудобствах брака, они могли бы усомниться и спросить, человечно ли подвергать своих детей стольким скорбям. Не покажутся ли они тогда авторами всех их невзгод? Ведь, чем больше их благосклонность к детям, тем больше боятся они за них и остерегаются им навредить. И Павел, дабы избавить их от этого затруднения, учит: долг родителей в том, чтобы заботиться о детях так же, как каждый полноправный человек должен заботиться о себе. Апостол придерживается употребленного им ранее разграничения: он хвалит безбрачие и при этом оставляет право на брак. Брак для него не просто свободный выбор, но необходимое врачевство от невоздержания, с чем, безусловно, обязаны согласиться все.

В первой части апостол говорит о выдании замуж дочерей. Он объявляет, что родители, выдавая замуж дочерей, не грешат, если считают, что безбрачие им не подходит.

Слово *ἄσχημονεῖν* должно относиться к особому виду приличия, зависящему от природы каждого. Имеется общее понятие о приличии, которое философы считают частью умеренности. Имеется и другой частный вид приличия, поскольку одному подобает что-то такое, что не подходит другому. Итак, по словам Цицерона, каждый должен знать, какое достоинство ему придает его природа. Он не должен мерить всех собственной меркой. И другие не должны, забыв о собственных возможностях, пытаться ему подражать. Ибо это – подражание обезьян, противоречащее природе. Значит, если отец, приняв во внимание характер своей дочери, рассудит, что безбрачие ей не подходит, пусть соединит ее с мужем.

Цветущий возраст апостол понимает как возраст, подходящий для выданья замуж. Юристы считают, что он длится с двенадцати до двадцати лет. Попутно Павел хочет сказать, какую человечность и справедливость должны проявить родители, применяя врачевство к нежному и хрупкому возрасту, когда того требует тяжесть болезни.

Оставалась так (и такой должна остаться). Как я понимаю, эта фраза означает немощь девицы, то есть – случай, когда у нее нет дара воздержания. Ибо тогда к браку ее подталкивает сама необходимость. Из фразы «не согрешит» Иероним заимствовал предлог для порицания брака. Будто выдавать замуж дочь дело вовсе не похвальное. Но это звучит по-детски. Ведь Павел счел вполне достаточным просто объявить о невиновности отцов, дабы они не думали, что бесчеловечно подвергать дочерей тяготам брака.

37) *Но кто непоколебимо тверд в сердце своем*. Это – вторая часть увещевания, в которой апостол рассуждает о дочерях, которым дано воздержание от брака. Итак, он хвалит отцов, заботящихся об их спокойствии, но надо понять, что же именно для этого требуется. Вначале апостол говорит о непоколебимой воле: если кто твердо решил внутри себя. Однако здесь не надо подразумевать намерение монахов, то есть, добровольное предание себя в вечное рабство. Ибо именно таков принимаемый ими обет. Апостол же выразительно говорит о твердости воли. Ведь у людей довольно часто возникают суждения, в которых затем они раскаиваются. Здесь же идет речь о серьезном деле, требующем должного обдумывания.

Во-вторых, апостол устраняет всякую необходимость. Ибо многие, рассуждая на данную тему, проявляют больше упорства, нежели здравомыслия. Отказываясь в настоящее время от брака, они не думают о своих силах. Им достаточно сказать: я этого хочу. Павел же хочет, чтобы имелась и соответствующая возможность. Дабы люди ничего не решали необдуманно, но только по мере данной им благодати. В следующей фразе, где говорится о власти людей над своей волей, апостол подчеркнуто провозглашает свободу от всякой необходимости. Он как бы говорит: не хочу, чтобы люди думали о безбрачии раньше, чем будут знать о том, что им дана способность к его соблюдению. Ибо губительно и дерзко сражаться против того, что постановил Бог. Но кто-то скажет: на том же самом основании не следует отвергать и обеты, лишь бы все условия были соблюдены. Отвечаю: касательно дара воздержания, поскольку мы не уверены в будущей воле Божией, нельзя ничего решать на всю оставшуюся жизнь. Пусть мы пользуемся этим даром, покуда он нам дан, и, между тем, вверим свою жизнь Господу, будучи готовы последовать туда, куда Он нас позовет.

Решился в сердце своем. Кажется, что Павел добавляет эту фразу, дабы лучше выразить мысль: надо принять во внимание все обстоятельства, прежде чем отложить намерение и попечение о замужестве дочерей. Ибо последние часто отказываются от брака или из-за стыда, или по причине незнания самих себя. Между тем, они не становятся от этого менее похотливыми и менее склонными заблуждаться. Так вот, отцы должны обдумать, что именно получится из безбрачия дочерей, дабы своим благоразумием исправить их неопытность и неуместные пожелания.

Данный отрывок также утверждает за родителями власть, которая должна считаться священной, проистекая из общего естественного права. Если даже в других менее важных

делах детям ничего не позволено без согласия родителей, тем меньшую свободу подобает им давать при заключении брака. Этот принцип тщательно соблюдается даже в гражданском праве, но в особенности в законе Божиим. Тем большего порицания достойна наглость папы, который, забыв о божественном и человеческом праве, дерзнул освободить детей от подчинения родителям. Но полезно кое-что сказать и о приводимой им причине. Это делается, – говорит папа, – из-за досточтимости таинства. Не говоря уже о его невежестве, состоящем в том, что из брака он делает таинство, какая, заклинаю, досточтимость или какая честь в том, чтобы ослаблять подросткам узду для похоти вопреки общественному приличию всех народов и вечному установлению Божию? Дабы они без стыда распутствовались под предлогом какого-то таинства!

Итак, будем знать: во всем, что касается брака детей, основная власть принадлежит родителям, лишь бы они не злоупотребляли ею подобно тиранам; и в этом отношении ее ограничивают даже гражданские законы. Да и апостол, выступая против принуждения, выразил тем самым мысль, что намерения родителей должны сообразовываться с пользой детей. Итак, будем помнить, что это благоразумие – необходимое правило для того, чтобы дети позволяли родителям собою управлять. А последние не должны принуждать детей против их воли, но использовать свою власть лишь для того, чтобы способствовать пользе своих чад.

38) *Посему выдающий замуж.* Вывод из обоих положений, в котором апостол лаконично избавляет родителей от порицания, если они выдают замуж своих дочерей. Однако, по его свидетельству, они поступят лучше, если оставят их дома и избавят от брака. Не следует думать, что безбрачие здесь предпочитается браку, разве что со сделанной выше оговоркой. Ведь, если отсутствует способность к воздержанию, тот, кто постарается удержать от замужества собственную дочь, поступит наихудшим образом. Он будет уже не отцом, а жестоким тираном. Итог рассуждения апостола сводится к следующему: безбрачие лучше брака, поскольку связано с большей свободой, позволяя людям с меньшими помехами служить Богу. Однако не подобает никому навязывать необходимость безбрачия, и каждому позволено вступать в брак, когда заблагорассудится. Далее, брак – это врачевство, установленное Богом для нашей немощи, и им надлежит пользоваться всем, лишенным дара воздержания. И всякий здравомыслящий человек согласится со мною в том, что все учение Павла по этому вопросу заключается в этих трех положениях.

39. Жена связана законом, доколе жив муж ее; если же муж ее умрет, свободна выйти, за кого захочет, только в Господе. 40 Но она блаженнее, если останется так, по моему совету; а думаю, и я имею Духа Божия.

(39. Жена связана законом, доколе жив муж ее; если же муж ее уснет, свободна выйти, за кого захочет, только в Господе. 40 Но она блаженнее, если останется так, по моему мнению; а думаю, и я имею Духа Божия.)

39) *Жена связана законом.* До этого апостол говорил одновременно о мужчинах и о женщинах; но поскольку из-за слабости своего пола женщины могли показаться менее свободными, чем мужчины, он счел необходимым кое-что в их отношении заповедать особо. Поэтому теперь Павел учит, что у женщин нет больших помех по сравнению с мужчинами заключать повторный брак в состоянии вдовства. Выше мы уже говорили, что желавшие повторно выйти замуж были отмечены позором невоздержания, и что в поношение им довольствовавшиеся одним браком одаривались венцом целомудрия. Больше того, это первое мнение некогда возобладало среди христиан. Ибо повторные браки не благословлялись, и некоторые соборы запрещали клирикам на них присутствовать. И апостол осуждает подобного рода тиранию, отрицая, что вдовам надо мешать повторно выходить замуж, если они того захотят.

Не так уж важно, скажем ли мы, что жена «привязана к закону» (в дательном падеже) или «связана законом» (в аблативном падеже). Смысл от этого никак не меняется. Ибо именно

закон возвещает нерасторжимый союз мужа и жены. Если же прочесть в дательном падеже, то это будет означать право или привязанность. Свой довод апостол основывает на сравнении противоположностей. Ведь, если жена привязана к живому мужу, она становится свободной после его смерти. А, став свободной, может выйти за кого захочет.

Слово «засыпать», означая здесь смерть, относится не к душе, а к телу, что ясно из обычного словоупотребления Писания. Поэтому некоторые фанатики показывают свое невежество, когда пытаются доказать из этого слова, что души, отделенные от тел, лишаются чувств и разума, то есть, своей жизни.

Только в Господе. Думают, что апостол добавил эту фразу с целью научить: не следует идти под одно ярмо с нечестивыми. И не следует желать сообщества с ними. Но, признавая это истинным, я все же думаю, что смысл фразы более обширен, а именно: вдовы должны вступать в брак с благоговением и страхом Господним. Ибо так и заключаются счастливые браки.

40) *Но она блаженнее, если останется так.* Почему? Разве само по себе вдовство – добродетель? Нет, но оно сопряжено с меньшим количеством отвлекающих обстоятельств и свободнее от земных забот. Добавляя же «по моему мнению», апостол не имеет в виду мнение, в котором можно сомневаться. Он как бы говорит: таково мое суждение по этому вопросу. И тут же добавляет, что *имеет Духа Божия*, а этого вполне достаточно для твердого и незыблемого авторитета. Слово же «думаю» не лишено иронии. И коль скоро лже-апостолы, надув щеки, претендовали на то же самое для утверждения своего влияния и принижения Павлова, апостол говорит, что, как ему кажется, он не меньше их наделен Духом.

Глава 8

1. О идоложертвенных яствах мы знаем, потому что мы все имеем знание; но знание надмевает, а любовь назидает. 2. Кто думает, что он знает что-нибудь, тот ничего еще не знает так, как должно знать. 3. Но кто любит Бога, тому дано знание от Него. 4. Итак об употреблении в пищу идоложертвенного мы знаем, что идол в мире ничто, и что нет иного Бога, кроме Единого. 5. Ибо хотя и есть так называемые боги, или на небе, или на земле, так как есть много богов и господ много, – 6. но у нас один Бог Отец, из Которого все, и мы для Него, и один Господь Иисус Христос, Которым все, и мы Им. 7. Но не у всех такое знание: некоторые и донныне с совестью, признающею идолов, едят идоложертвенное как жертвы идольские, и совесть их, будучи немощна, оскверняется.

(1. О идоложертвенных мы знаем, что мы все имеем знание; знание надмевает, а любовь назидает. 2. Кто думает, что он знает что-нибудь, тот ничего еще не знает так, как должно знать. 3. Но кто любит Бога, тот и познан Им. 4. Итак об употреблении в пищу идоложертвенного мы знаем, что идол в мире ничто, и что нет иного Бога, кроме Единого. 5. Ибо хотя и есть те, которые зовутся богами, или на небе, или на земле, так как есть много богов и господ много, – 6. но у нас один Бог Отец, из Которого все, и мы в Нем, и один Господь Иисус Христос, Которым все, и мы через Него. 7. Но не у всех знание: некоторые и донныне с совестью идольскою едят как жертвы идольские, и совесть их, будучи немощна, оскверняется.)

Теперь апостол переходит к рассмотрению другого вопроса, только затронутого в шестой главе, но не изложенного полностью. Ибо, говоря об алчности коринфян, и заключив свою речь фразой, что ни алчные, ни хищники, ни блудники, и т.д. Царства Божия не наследуют, он, сказав: все мне позволено, – перешел к обсуждению христианской свободы. Пользуясь этим поводом, апостол упомянул про блуд, а от него перешел к рассмотрению брака. Теперь же он продолжает говорить о том, о чем упомянул ранее как о некоем безразличном предмете. О том, как надо использовать свободу в этих как бы промежуточных делах. Я называю промежуточными делами те, которые сами по себе не являются ни добрыми,

ни злыми, но совершенно безразличными, и которые Бог подчинил нашей власти. Однако в их употреблении мы должны соблюдать некие рамки, различая между свободой и вседозволенностью. Вначале апостол выбирает для рассмотрения одну разновидность подобных дел, примечательную более всех прочих, в отношении которой коринфяне тяжело грешили. Ибо они восседали на торжественных пирах, которые идолопоклонники устраивали в честь своих богов, и безо всякого разбора поедали идоложертвенные яства. И поскольку от этого рождались многочисленные соблазны, апостол учит, что коринфяне плохо пользовались дарованной Господом свободой.

1) *О идоложертвенных.* Апостол начинает с уступки. Он делает ее добровольно, соглашаясь со всеми возможными возражениями коринфян. Павел как бы говорит: я знаю, каким предлогом вы пользуетесь; вы ссылаетесь на христианскую свободу и говорите, что имеет знание, и что никто из вас не заблуждается настолько, чтобы не знать о существовании единого Бога. Признаю, что все это справедливо. Но какая польза от знания, погибельного для братьев? Итак, он уступает им то, на что они притязали, дабы показать, что оправдания их пусты и никчемны.

Знание надмевает. Ссылаясь на следствие, апостол показывает, сколь глупо претендовать на знание там, где нет любви. Он как бы говорит: что пользы от знания, которым мы надмеемся и гордимся, в то время как свойство любви – назидать? И этот отрывок, несколько неясный из-за своей краткости, можно легко понять в следующем смысле: все лишнее любви Бог считает за ничто, больше того, это Ему не угодно. Тем более Ему не угодно то, что открыто любви противоречит. Знание же, которым вы, коринфяне, хвалитесь, полностью противоположно любви. Ведь оно надмевает людей, вызывая в них презрение к братьям. Любовь же заботится о братьях и призывает нас их назидать. Итак, проклято знание, делающее людей надменными и не связанное с усердием к назиданию.

Впрочем, Павел не вменяет самому учению тот порок, что ученые люди часто себе льстят и восхищаются собой не без презрения к остальным. Он понимал, что учение рождает гордыню не по своей природе. Он просто учит тому, что производит в человеке знание, если в нем нет страха Господня и любви к братьям. Ведь нечестивые злоупотребляют всеми Божиими дарами для собственного превозношения. Так можно сказать, что надмевает богатство, почести, достоинство, благородство, красота и другие подобного рода вещи. Ведь люди превратно уповают на них и, как правило, от этого превозносятся. Однако так бывает не всегда: мы видим, что многие богачи, красавцы, пользующиеся почетом, наделенные достоинством и благородные, скромны в душе и не страдают никакой гордыней. Но даже когда это случается, не следует винить то, что с очевидностью представляет собой Божий дар. Ибо, во-первых, это было бы несправедливо и глупо. Во-вторых, перенося вину на ни в чем не повинные вещи, мы тем самым оправдываем людей, которым и следует только ее вменять. Я имею в виду следующее: если богатство по своей природе надмевает людей, значит, богатые, если они надменны, не достойны порицания. Ибо зло происходит в таком случае от богатства.

Поэтому следует считать так: знание само по себе благо, но поскольку единственным его основанием является благочестие, в нечестивых оно становится никчемным и тленным. Коль скоро его истинная приправа – любовь, по устранении любви оно становится безвкусным. Действительно, там, где нет искреннего познания Бога, смиряющего нас и научающего приносить пользу братьям, имеется не само знание, а скорее пустое на него притязание. Причем даже в людях, считающихся самыми учеными. Однако само знание из-за этого не более достойно порицания, чем меч, попадающий в руки безумца. Я говорю это, имея в виду кое-каких фанатиков, яростно выступающих против всех свободных искусств и наук, будто они способны только надмевать, не являясь при этом полезнейшими орудиями благочестия и общественной жизни. Но сами те, кто их бесславят, выказывают порой такую гордыню, что в отношении их истинно сбывается пословица: нет ничего надменнее невежества.

2) *Кто думает.* Думает, что он что-то знает, тот, кто льстит себе из-за кажущегося знания, свысока смотря при этом на других. Ибо Павел осуждает здесь не знание, а тщеславие и гордыню, возникающие из-за него у мирских людей. Иными словами, он не велит нам быть скептиками, всегда колеблющимися и сомневающимися. Он не одобряет ложную и притворную скромность, словно похвально думать, будто мы не знаем то, что знаем. Значит, лишь тот, кто думает, будто что-то знает, то есть тот, кто, надмеваясь кажущимся знанием, предпочитает себя другим и себе льстит, – еще не знает ничего, как знать должно. Ибо начало истинного знания – познание Бога, рождающее в нас смирение и покорность. Больше того, скорее повергающее нас ниц, нежели возносящее ввысь. Там же, где присутствует гордыня, нет познания Бога. Замечательное место! О, если бы все хорошенько изучили его, дабы придерживаться истинного правила познания!

3) *Но кто любит Бога.* Вывод, показывающий, что является в христианах самым похвальным, что делает достойными похвалы и знание, и все другие человеческие таланты. Они похвальны тогда, когда мы любим Бога. Ведь, если мы Его любим, то любим в Нем и наших ближних. Таким образом, все наши действия становятся упорядоченными и вследствие этого одобряются Богом. Итак, ссылаясь на следствие, апостол учит, что достохвально лишь то учение, которое смешано с любовью к Богу. Поскольку только Бог делает так, чтобы все наши таланты стали Ему угодны. Как и сказано во Втором Послании (5:17): если кто во Христе, он – новая тварь. Этим апостол указывает, что без возрождения от Духа все остальное, каким бы прекрасным ни было на вид, ровно ничего не стоит. «Быть познанным Богом» значит здесь цениться в Его глазах или числиться среди детей Божиих. Таким образом, апостол исключает всех гордецов из книги жизни, или списка, благочестивых.

4) *Итак об употреблении в пищу.* Апостол возвращается к тому положению, с которого начал свою речь, и подробнее обсуждает предлог, на который ссылались коринфяне. Коль скоро все зло произрастало из того корня, что коринфяне льстили себе и презирали остальных, ранее апостол в целом осудил надмевающее и лишенное любви знание. Теперь же он подробно говорит о том, в чем именно состояло знание, на которое претендовали коринфяне, а именно: идол – пустое измышление человеческого разума, поэтому его следует считать за ничто; следовательно, посвящение идолам – глупая и совершенно никчемная выдумка; итак, не оскверняется христианин, поедающий идоложертвенное без почтения к идолам. Такова суть оправдания коринфян. И Павел не отвергает его как ложное (ибо оно содержит превосходное учение), он лишь порицает то, что коринфяне злоупотребляли им вопреки любви.

Что касается конкретных слов, то Эразм перевел так: нет никакого идола. Я же вместе с древним толкователем предпочел перевести: идол – ничто. Ведь довод апостола состоит в следующем: идол – ничто, коль скоро существует только один Бог. Добротное заключение: если нет другого Бога, кроме Единого, значит, идол – пустое воображение и никчемная суета. Во фразе «нет иного Бога, кроме Единого» союз «и» я разумею в смысле причины. Ведь идол – ничто именно потому, что о нем надо думать, судя по изображаемой в нем вещи. Далее, идол предназначен к тому, чтобы представить нам Бога. Больше того, чтобы представить ложных богов, коль скоро Бог невидим и непостижим. Следует обратить особое внимание на приведенную апостолом причину: *идол – ничто*, поскольку существует только один Бог. Ведь этот Бог невидим и не может быть представлен видимым символом, дабы через него принимать поклонение. Итак, воздвигают ли идолов для почитания истинного Бога, или для почитания богов ложных, это всегда – порочное измышление. Посему Аввакум (2:18) называет идолов учебниками лжи. Ибо, неся в себе образ, или изображение, Бога, они тем самым лгут и обманывают людей своим лживым именовани-ем. Посему слово οὐδὲν⁷ относится не к сущности или качеству идола. Ведь он сделан из

⁷ Οὐδενεία

какого-то материала: серебра ли, дерева, или камня. Но, поскольку Бог не хочет, чтобы Его таким образом представляли, идол касательно его значения или пользы – суета и полное ничто.

5) *Ибо хотя и есть так называемые (те, которые зовутся).* У этих богов, по словам апостола, есть имя, но нет того, что оно обозначает. Слово «зваться» апостол понимает здесь в смысле «прославляться» людским мнением. Сказав «на небе или на земле», он воспользовался общей классификацией. Боги, именуемые на небе, суть небесные воинства, как их и называет Священное Писание: солнце, луна и другие звезды. Моисей же, доказывая, что они полностью чужды божественности, исходит из того, что эти светила – творения, созданные ради нашей пользы. Солнце – наш слуга, а луна – служанка. Итак, сколь же глупо выказывать им божественное почитание! Земными богами (на мой взгляд) в собственном смысле зовутся мужчины и женщины, для которых установлено почитание. Ведь память людей, отмеченных немалыми заслугами перед человеческим родом, по словам Плиния, была освящена религиозным почитанием, дабы в качестве божеств чтили Юпитера, Марса, Сатурна, Меркурия, Аполлона – людей смертных, но после смерти записанных в число богов. Затем таковыми провозгласили Геркулеса, Ромула и, наконец, Цезаря, словно боги возникают по суждению людей, не способных дать им ни жизни, ни бессмертия. Есть и другие земные боги, относящиеся или к скотам, или к диким животным. Например, у египтян богами были бык, змея, кошка, лук и чеснок. А у римлян: камень Термин и камень Веста. Итак, есть боги, являющиеся таковыми только по имени. И Павел говорит, что их «божественность» никак его не заботит.

б) *Но у нас один Бог Отец.* Хотя Павел говорит все это в качестве упреждения, он не только ссылается на то, что коринфяне приводили в свое оправдание, но одновременно и поучает. Ведь из того, что в наибольшей степени относится к Богу, он доказывает его единичность. Все, что происходит от чего либо другого, не вечно. Следовательно, это – не Бог. Все вещи происходят от чего-то одного. Следовательно, то, от чего они происходят, и является единственным Богом.

Добавляя же «и мы *ἐῖς αὐτὸν*», апостол подразумевает, что мы существуем в Боге так же, как однажды были Им сотворены. Ибо, хотя эта фраза, кажется, обозначает нечто другое (а именно: как мы ведем свое начало от Бога, так и должны направлять к Нему нашу жизнь, словно к конечной цели, и этот смысл подразумевается в Рим.11:36), здесь она помещена вместо фразы *ἐν αὐτῷ*, что вполне привычно для апостольских писаний. Итак, апостол хочет сказать, что мы не только были однажды сотворены Богом, но и поддерживаемся в существовании Его силой. И то, что смысл фразы именно таков, явствует из тут же следующих слов о Христе: мы существуем через Него. Апостол приписывает Отцу и Сыну общее действие, употребляя различия, относящиеся к разным Лицам. Итак, он говорит, что мы существуем в Отце, но существуем через Сына. Ибо Отец есть основание всякой сущности, но как мы прилепляемся к Нему через Сына, так через Него Он и передает нам силу существования.

Един Господь. Это сказано о Христе в относительном смысле, то есть – при сопоставлении Его с Отцом. Ведь Христу воистину подобает все принадлежащее Богу, если не упоминать при этом о различии между Божественными Лицами. Однако, поскольку Лицо Отца сравнивается здесь с Лицом Сына, апостол обоснованно различает их свойства. Сын Божий, будучи явлен во плоти, принял от Отца господство и власть над всем. Так что Он один царствует на небе и на земле, а Отец осуществляет Свою власть Его рукою. По этой причине Сын и зовется нашим единственным Господом. Впрочем, когда господство приписывается Ему одному, этим не упраздняются остальные мирские власти. Ведь Павел говорит здесь о духовном господстве, мирские же господства суть политические. Подобно тому, как апостол, незадолго перед этим сказав: многие зовутся господами, – имел в виду не царей или других, выделяющихся степенью и достоинством, а идолов или демонов, кото-

рым глупые люди приписывают превосходство и властвование. Итак, то, что наша вера признает только одного Господа, не мешает порядку в рамках государственного устройства иметь множество господ, которым полагается честь и уважение в этом единственном Господе.

7) *Но не у всех такое знание.* Одной фразой апостол опровергает все то, что ранее говорил от имени коринфян. Ибо для коринфян не достаточно осознавать правоту своих действий, если при этом они не принимают в расчет братьев. Сказав же до этого, что все мы имеем знание, апостол имел в виду тех, кого упрекал за злоупотребление свободой. Теперь же он учит: с такими людьми смешано множество немощных и невежд, к которым знающие должны приспособливаться. Он как бы говорит: вы судите правильно в глазах Божиих, и если бы вы были в этом мире одни, вам так же было бы позволено питаться идоложертвенным, как и остальными видами пищи; однако посмотрите на ваших братьев, вы – должники перед ними; вы знаете, а они не знают, и ваши действия должны соответствовать не только вашему знанию, но и их невежеству. Этот ответ заслуживает внимания, ибо каждый в наибольшей степени склонен к тому, чтобы стремиться к собственной пользе, не учитывая интересы остальных. Поэтому мы охотно довольствуемся нашим собственным мнением и не думаем о том, что суждение о действиях, совершаемых нами в присутствии других, зависит не только от нашей совести, но и от совести наших братьев.

Некоторые и доныне с совестью, признающею идолов (с совестью идольскою). Неведение, о котором говорит апостол, заключается в том, что людей держит в плену суеверное мнение о какой-то силе, присущей идолам или нечестивому идолопоклонническому посвящению. Павел говорит не о тех идолопоклонниках, которые полностью чужды истинной религии, но о невеждах, еще не достаточно обученных для того, чтобы понимать: идол – ничто, и посему посвящение, совершаемое имени идола, не имеет никакого значения. Люди, о которых идет речь, думали так: коль скоро идол что-то из себя представляет, посвящение его имени так же кое-что значит. Поэтому пища, однажды посвященная идолам, не чиста. Они думали, что навлекут на себя определенную скверну, если будут есть такую пищу, что неким образом станут причастниками идола. Таков вид соблазна, в котором упрекает коринфян Павел. Он состоит в том, что мы своим примером подталкиваем братьев поступать против их совести.

И совесть их. Бог хочет, чтобы мы принимались лишь за то, что по нашему разумению Ему угодно. Итак, все, что делается с неуверенной совестью, порочно перед Богом из-за этой неуверенности. Именно таков смысл сказанного в Рим.14:23: все, что не по вере, грех. Истинна поговорка: для геенны созидает тот, кто созидает против совести. Как благость дел происходит от страха Божия и правоты совести, так и, наоборот, всякое на вид доброе дело оскверняется порочным устремлением души. Ибо тот, кто решается на что-то против совести, выказывает некоторое презрение к Богу. Свидетельство же страха Божия в том, что мы во всех своих делах взираем на Божию волю. Даже шевеление пальцем не лишено презрения к Богу, если ты не убежден, нравится ли Ему это, или нет. В этом отношении можно привести и другую причину: все освящается для нас только через Слово. Если же у нас отсутствует Слово Божие, остается одно лишь осквернение. И не потому, что Божие творение порочно, а потому, что им пользуется нечестивый человек. Наконец, как верою мы очищаем свои сердца, так и вне веры перед Богом нет ничего чистого.

8. *Пища не приближает нас к Богу: ибо, едим ли мы, ничего не приобретаем; не едим ли, ничего не теряем.* 9. *Берегитесь однако же, чтобы эта свобода ваша не послужила соблазном для немощных.* 10. *Ибо если кто-нибудь увидит, что ты, имея знание, сидишь за столом в капище, то совесть его, как немощного, не расположит ли и его есть идоложертвенное?* 11. *И от знания твоего погибнет немощный брат, за которого умер Христос.* 12. *А согрешая таким образом против братьев и уязвляя немощную совесть их, вы согрешаете против Христа.* 13. *И потому, если пища соблазняет брата моего, не буду есть мяса вовек, чтобы не соблазнить брата моего.*

(8. Но пища не делает нас угодными Богу: едим ли мы, не изобилуем; не едим ли, ничего не теряем. 9. Смотрите однако же, чтобы эта возможность ваша не послужила соблазном для немощных. 10. Ибо если кто-нибудь увидит, что ты, каким бы знанием ни обладал, сидишь на идольском пиру, разве совесть его, поскольку он все же немощен, не расположится есть идоложертвенное? 11. И в знании твоём погибнет немощный брат, ради которого умер Христос. 12. А согрешая таким образом против братьев и раня немощную совесть их, вы согрешаете против Христа. 13. Поэтому, если пища соблазняет брата моего, не буду есть мяса вовек, чтобы не стать соблазном для брата моего.)

8) *Пища не приближает нас (не делает нас угодными) Богу.* У коринфян был или мог быть и другой предлог: что почитание Бога не заключается в пище. Как и сам Павел учит в Рим.14:17: Царство Божие не пища или питье. И апостол отвечает: следует все же остерегаться того, что это наше право повредит ближнему. В этих словах он косвенно соглашается с тем, что принимаемая нами пища ничего не значит в глазах Божиих, что в отношении к совести Бог позволяет нам питаться свободно. Однако эта свобода внешнего употребления подчинена любви. Поэтому довод коринфян, делавших из частной посылки общее заключение, был порочен. Ибо в употребление пищи также включается понятие любви. Итак, пища несомненно не делает нас угодными Богу. И Павел это признает. Но добавляет при этом, что Бог также заповедует нам любовь, которой никак не подобает пренебрегать.

Едим ли мы, ничего не приобретаем (не изобилуем). Апостол говорит здесь не о насыщении желудка. Ведь желудок поевшего наполнен более желудка голодного. Павел имеет в виду, что пища или воздержание от нее не увеличивает и не уменьшает нашу праведность. Кроме того, апостол говорит не о каком угодно воздержании и не каком угодно потреблении пищи. Неумеренность и роскошество в еде сами по себе неуютны Богу. Ему угодны трезвость и умеренность. Однако пойдем, что Царство Божие, будучи духовным, заключается не в этих внешних правилах. Поэтому все это – безразличные дела, ничуть не важные в глазах Божиих. И хотя апостол приводит эти слова от лица других, он все же соглашается с их истинностью. Ибо сказанное почерпнуто из его учения, о котором мы недавно упоминали.

9) *Берегитесь (смотрите), чтобы эта свобода (возможность) ваша.* Апостол ограничивает не свободу, но ее использование, и лишь до такой степени, чтобы она не соблазнила немощных. Он особо хочет помочь немощным, то есть тем, кто еще не утверджен в учении благочестия. Поскольку таковые обычно презираются, Господь желает и велит, чтобы на них обращали внимание. Между тем, Павел дает понять, что можно спокойно пренебрегать теми «сильными в вере гигантами», которые хотят подчинить нашу свободу своему тираническому суждению. Ибо не стоит бояться соблазнить тех, кого влечет ко греху не немощь, а страсть к порицанию других. Что же именно разумеет апостол под *соблазном*, мы вскоре увидим.

10) *Ибо если кто-нибудь увидит.* Отсюда становится более понятно, что именно позволяли себя коринфяне. Когда нечестивые устраивали для идолов какой-нибудь священный пир, коринфские верующие шли туда безо всяких сомнений и питались жертвою вместе с остальными. И Павел показывает, какое происходит от этого зло. Кроме того, в первой части предложения – «ты, который имеешь знание» – вместо относительного местоимения я применил оборот «каким бы ни обладал», а во второй – «будучи немощен» – добавил «все же». Все это было мне нужно для прояснения мысли апостола. Ибо он прибегает здесь к уступке и как бы говорит: хорошо, у тебя есть знание; но тот, кто тебя видит, даже если вовсе ничего не знает, твоим примером утверждается в том, чтобы делать то же самое, ибо без зачинщика он никогда бы на такое не решился; теперь же у него есть, кому подражать, и он думает, что подражание другому достаточно его извиняет; однако же он поступает против совести. Ибо «немощь» означает здесь невежество или колебание совести. И мне известно, как толкуют это место другие. Под соблазном они понимают то, что

невежды, руководствуясь этим примером, думают, будто таким образом выказывают Богу некое религиозное почитание. Но подобный вымысел далек от мысли апостола. Ибо он (как я уже говорил) порицает то, что неопытные становятся более дерзкими и вопреки совести решаются на дело, которое считают для себя непозволительным.

Слово «располагаться» означает здесь «утверждаться». И это – гибельное назидание, не основанное на здоровом учении.

11) *И погибнет брат.* Смотри, сколь тяжело то зло, которое люди обычно считают незначительным, а именно: решаться на что-либо с сомневающейся или противящейся совестью. Ибо цель, к которой нам надлежит стремиться всю жизнь, это – воля Божия. Значит, все наши действия порочны лишь тогда, когда мы претыкаемся⁸ об эту волю. А это происходит не только в результате внешних поступков, но и вследствие помышлений нашей души, когда мы позволяем себе что-либо против своей совести, даже если само по себе это – не зло. Итак, будем помнить: мы низвергаемся в погибель всякий раз, когда действуем против совести.

Впрочем, предложение «погибнет в твоём знании» я читаю в вопросительном смысле. Апостол как бы говорит: разумно ли, чтобы твоё знание дало повод для гибели твоего брата? Для того ли ты знаешь, как действовать правильно, чтобы погубить другого? Слово «брат» апостол употребил для того, чтобы осудить превозношение коринфян за его бесчеловечность. Смысл таков: презираемый тобою немощен, но он все же – брат. Ибо его усыновил Бог. Значит, ты весьма жесток, если не заботаешься о своём брате. Но ещё выразительнее смысл следующей фразы: Христос искупил Своей кровью даже немощных и невежд. Действительно, сколь недостойно не сомневаться в том, что Христос умер, чтобы немощные не погибли, и при этом никак не ценить спасение тех, кто искуплен такой ценою! Это – достопамятное изречение, которое учит нас тому, сколь серьёзно мы должны относиться к спасению братьев. И не только всех, но и каждого в отдельности, поскольку Христос пролил Свою кровь за каждого из них.

12) *А согрешая таким образом против братьев, и т.д.* Поскольку цена за душу любого немощного – кровь Христова, те, кто из-за какой-то ничтожной пищи снова ввергает в погибель уже искупленного Христом брата, показывают, сколь дешева для них Христова кровь. Итак, такого рода презрение – открытое оскорбление Иисуса Христа. Каким же образом ранится немощная совесть, уже было сказано. Она ранится тогда, когда её располагают⁹ ко злу.

13) *И потому (Поэтому), если пища соблазняет.* Дабы ещё суровее обуздать их горделивую вседозволенность, апостол говорит, что ради невредимости брата следует воздерживаться не только от единичного пиршества, но и на всю жизнь отказаться от поедания мяса. И он не только заповедует, что следует делать другим, но и говорит, что готов сделать это сам. Хотя в словах его содержится преувеличение. Ибо едва ли возможно, чтобы кто-то воздерживался от мяса всю жизнь, если живет так, как остальные. Но апостол хочет сказать, что скорее никогда не воспользуется своей свободой, нежели станет соблазном для немощных. Ибо употребление свободы дозволительно лишь тогда, когда сообразуется с правилом любви. О, если бы об этом хорошо подумали те, кто все обращает себе на пользу, не соглашаясь ради братьев даже на волос отступить от собственных прав! О, если бы они обратили внимание не только на то, чему учит Павел, но и на то, что он предписывает собственным примером! Насколько выше нас был этот апостол! Поэтому, если и он не отказывается до такой степени подчинить себя братьям, кому из нас не положено делать то же самое?

⁸ Когда от нее отходим (так написал Кальвин на полях рукописи)

⁹ Кальвин на полях добавляет: так что дерзко и необдуманно он решается на гораздо большее, чем считает для себя позволительным.

Впрочем, как бы ни сложно было следовать этому учению, все же оно просто по своему смыслу, если бы одни не исказили его глупыми толкованиями, а другие – нечестивой клеветой. И те, и другие заблуждаются по поводу глагола «соблазнять». «Соблазнять» они понимают как вызывать в людях ненависть или чувство обиды, или же, что почти то же самое, делать что-то для них неприятное или не сильно нравящееся. Однако из контекста совершенно ясно: соблазнять – не что иное, как дурным примером сбивать брата с правильного пути, как бы создавая ему помеху, или давать ему повод согрешить. Итак, Павел рассуждает здесь не о том, как сохранить благоволение людей, а о том, как помочь немощным избежать падения, и разумно управлять ими, дабы они не сбились с правильной дороги. Но первые упомянутые мною толкователи просто глупы, а вторые – также бесстыдны и нечестивы.

Глупы те, кто вообще не позволяет христианам использовать какие-либо безразличные вещи, дабы они тем самым не соблазнили суеверных. Павел, – говорят они, – запрещает здесь все, из чего рождается соблазн. Но поедание мяса по пятницам не лишено соблазна. Значит, от него следует воздерживаться не только когда присутствуют сами немощные, но и во всех без исключения случаях. Ибо немощные вполне могут об этом узнать. Не говорю о том, что такие толкователи превратно толкуют глагол «соблазнять» Но они бредят хотя бы потому, что не понимают: Павел обрушивается здесь на тех, кто несвоевременно пользуется своим знанием перед немощными, пренебрегая их научением. Значит, если употреблению предшествует научение, больше не будет повода для упреков. Кроме того, Павел не велит нам гадать о том, послужат ли наши поступки соблазном для братьев, – разве что тогда, когда существует непосредственная опасность.

Перехожу теперь к другим толкователям. По сути они – лженикодимы, под этим предложением приспособляющиеся к нечестивым в их идолопоклонническом общении. И, не довольствуясь оправданием себя в том, что сами делают зло, они хотят принудить к подобной необходимости и других. Для осуждения их дурного притворства лучше всего сказать то, чему учит здесь Павел: жуткое оскорбление Богу и людям наносят все те, кто своим примером склоняет немощных к идолопоклонству. Но они прибегают к уловке и утверждают, что надо лелеять суеверие в сердцах невежд и вести их к идолопоклонству, дабы их не соблазнило открытое его отвержение. Посему не буду долго опровергать их бесстыдство. Для них это слишком большая честь! Увещаваю лишь читателей к тому, чтобы сравнить времена Павла с нашим временем и заключить из этого, позволительно ли присутствовать на мессах и других подобных мерзостях со столь огромным соблазном для немощных?

Глава 9

1. Не Апостол ли я? Не свободен ли я? Не видел ли я Иисуса Христа, Господа нашего? Не мое ли дело вы в Господе? 2. Если для других я не Апостол, то для вас Апостол; ибо печать моего апостольства – вы в Господе. 3. Вот мое заступление против осуждающих меня. 4. Или мы не имеем власти есть и пить? 5. Или не имеем власти иметь спутницу сестру жену, как и прочие Апостолы, и братья Господни, и Кифа? 6. Или один я и Варнава не имеем власти не работать? 7. Какой воин служит когда-либо на своем содержании? Кто, насадив виноград, не ест плодов его? Кто, пася стадо, не ест молока от стада? 8. По человеческому ли только рассуждению я это говорю? Не то же ли говорит и закон? 9. Ибо в Моисеевом законе написано: не заграждай рта у вола молотящего. О волах ли печется Бог? 10. Или, конечно, для нас говорится? Так, для нас это написано; ибо, кто пашет, должен пахать с надеждою, и кто молотит, должен молотить с надеждою получить ожидаемое. 11. Если мы посеяли в вас духовное, велико ли то, если пожнем у вас телесное? 12. Если другие имеют у вас власть, не паче ли мы? Однако мы не пользовались сею властью, но все переносим, дабы не поставить какой преграды благовествованию Христову.

(1. Не свободен ли я? Не апостол ли я? Не видел ли я Иисуса Христа, Господа нашего? Не мое ли дело вы в Господе? 2. Если для других я не апостол, то для вас апостол; ибо печать моего апостольства – вы в Господе. 3. Вот мое защищение против исследующих меня. 4. Неужели мы не имеем власти есть и пить? 5. Неужели не имеем власти возить с собою сестру жену, как и прочие апостолы, и братья Господни, и Кифа? 6. Разве один я и Варнава не имеем власти так поступать? 7. Кто когда-либо нес воинскую службу на своем содержании? Кто, насадив виноград, не ест плодов его? Кто, пася стадо, не ест молока от стада? 8. Неужели по человеческому рассуждению я это говорю? Не то же ли говорит и закон? 9. Ибо в Моисеевом законе написано: не заграждай рта у вола молотящего. О волах ли печется Бог? 10. Или, конечно, для нас говорится? Действительно, для нас это написано; ибо должен с надеждою пахать пахущий, и молотящий – с надеждою получить долю. 11. Если мы посеяли в вас духовное, велико ли то, если пожнем ваше плотское? 12. Если другие имеют над вами эту власть, не паче ли мы? Однако мы не пользовались сею возможностью, но все переносим, дабы не создать какого преткновения для благовествования Христова.)

1) *Не свободен ли я?* Теперь апостол самим делом подтверждает сказанное им ранее: он скорее никогда не будет вкушать мяса всю свою жизнь, нежели соблазнит брата. Одновременно Павел показывает: он требует от коринфян не более того, что выказывает сам. Действительно, природная справедливость предписывает, чтобы каждый пользовался тем правом, которое имеет в отношении других. И особенный долг лежит на христианском учителе: он должен быть всегда готов подтвердить свое учение примером собственной жизни. Из опыта мы знаем, сколь тягостно для нас то, что Павел требует от коринфян. А именно: ради братьев воздерживаться от позволенной нам власти. И апостол едва ли потребовал бы это, если бы сам прежде не встал на эту стезю. Да, он обещал, что будет так поступать. Но поскольку, обещая на будущее, Павел не у всех вызвал бы доверие, он говорит о том, что уже сделал. И приводит замечательный пример: свободу, которой апостол мог в ином случае воспользоваться, он оставил без употребления только для того, чтобы не дать лжеапостолам повода для злоречия. Он поступил так, когда предпочел зарабатывать пропитание своими руками, а не жить за счет коринфян, которым проповедал Евангелие. Павел долго отстаивает за собой апостольское право принимать от других одежду и пропитание. Он делает это отчасти для того, чтобы сильнее побудить коринфян по его примеру воздерживаться от многого ради братьев (ибо коринфяне крайне хватко держались за собственные права), отчасти же для того, чтобы сделать очевиднее нечестие своих клеветников, черпавших повод для злоречия из того, что не заслуживает вовсе никак попреков. Апостол говорит вопросительно и тем самым еще настойчивее защищает свое дело.

Фраза «не свободен ли я?» применима ко всем. Добавляя же «не апостол ли я», Павел указывает на вполне конкретный вид свободы и как бы говорит: если я – апостол Христов, то почему мое положение хуже положения других? Значит, Павел доказывает свою свободу из собственного апостольства.

Не видел ли я Иисуса Христа? Павел подчеркнуто добавляет эту фразу, дабы его не сочли в каком-либо отношении ниже прочих апостолов. Ведь злоумышленники и завистники всегда предъявляли ему одно и то же: все, связанное с благочестием, Павел разузнал от людей, поскольку никогда не видел Иисуса Христа. Действительно, он не общался с Христом в этом мире. Христос явился ему после Своего воскресения. Однако видеть Христа в Его бессмертной славе ничуть не меньше, чем лицезреть Его в смирении смертной плоти. Об этом видении апостол упомянет и ниже, в главе 15:8, и дважды упоминает в Апостольских Деяниях. Итак, эта фраза помещена для доказательства его призвания. Ведь даже если Павел и не был избран как один из двенадцати, объявленное с небес постановление Христово имеет отнюдь не меньшую силу.

Не мое ли дело вы. Затем Павел доказывает свое апостольство, ссылаясь на его результат: своим благовестием он приобрел коринфян для Господа. И то, что Павел отстаивает здесь за собою, называя обращение коринфян своим делом, – весьма великая честь. Ибо обращение – в некотором смысле новое сотворение души. И как же эта фраза согласуется с прочитанным нами прежде: насаждающий – ничто, и поливающий – ничто? Отвечаю: поскольку Бог является здесь производящей причиной, а человек со своей проповедью – орудие, само по себе ни на что не способное, о действительности служения всегда надо говорить так, чтобы слава за совершенное воссылалась одному Богу. В некоторых случаях, когда речь заходит о служении, человек сравнивается с Богом. И тогда справедливо высказывание: насаждающий – ничто, и поливающий – ничто. Ибо что останется от человека, если сравнить его с Богом? Посему Писание по отношению к Богу называет служителей ничем. Но когда о служении говорится просто, без сравнения его с Богом, тогда оно, как и в этом отрывке, украшается прекрасной похвалою. Ибо в этом случае не спрашивается, что может человек сам по себе без помощи Божией, а скорее говорится о том, что может сделать Бог со Своим орудием, и сила Духа соединяется здесь с человеческим трудом. То есть, говорится не о том, что человек делает своими силами, но о том, что его рукою делает Сам Бог.

2) *Если для других я не Апостол (апостол).* Итог таков: Павел ставит свое апостольство среди коринфян вне всяких подозрений. Если, – говорит он, – кто-то сомневается в моем апостольстве, то для вас оно должно быть совершенно несомненным; поскольку я насадил вашу церковь собственным служением, то либо вы – неверующие, либо с необходимостью признаете меня апостолом. И чтобы не показалось, будто Павел основывается на одних словах, он упоминает об очевидном факте: Бог запечатлел его апостольство верою коринфян. Если же кто-то возразит, что все сказанное подходит и лжеапостолам, также собирающим себе учеников, отвечаю: чистое учение в первую очередь требует от каждого подтверждать свое служение Богу его результатом. Итак, эти слова ничуть не помогают мошенникам, если им и удастся обмануть какую-то кучку людей и даже целые народы и царства. Хотя время от времени и как бы случайно неискренние проповедники и распространяют Царство Христово (как сказано в Фил.1:15), Павел вполне обоснованно выводит свое божественное посольство из его плодов. Ибо созидание коринфской церкви было таким, что в нем легко узревалося благословение Божие, запечатлевающее подлинность служения Павла.

3) *Вот мое защищение.* Помимо отстаивания главного дела, о котором сейчас идет речь, апостол, кажется, попутно опровергает клевету тех, кто возражал против его призвания, говоря, будто Павел был каким-то обычным рядовым служителем. Если кто-то, – говорит апостол, – умаляет честь моего апостольства, в качестве щита я обычно выставляю вас. Отсюда следует, что коринфяне нанесут оскорбление и вред самим себе, если не признают его апостолом. Ведь, если их вера была торжественным свидетельством апостольства Павла, его защищением от клеветников, коль скоро поколеблется его апостольство, рухнет и их вера.

Там, где другие переводят «вопрошающих меня», я перевел «исследующих меня». Ибо апостол имеет в виду тех, кто поднимал споры о его служении. Признаю, что многие латинские авторы употребляют выражение «обвиняемый вопрошается законом», но мне показалось, что использованный Павлом глагол *ἀνακρίειν* лучше перевести так, как сделал я.

4) *Неужели не имеем власти.* Из всего сказанного апостол выводит: у него есть право принимать от коринфян пропитание и одежду. Ибо Павел действительно ел и пил, но не за счет коринфской церкви. Итак, это – одна из тех свобод, от пользования которыми он воздержался. Другая же свобода – это право иметь жену, которая также кормилась бы от общественных сборов, и которой Павел не имел. Евсевий вывел из этих слов, что Павел на

самом деле был женат, но где-то оставил жену, дабы она не была в тягость церквям. Подобное заключение неправомерно. Ибо даже безбрачный мог бы сказать такие слова.

Называя же жену-христианку сестрой, апостол, во-первых, хочет этим сказать, сколь твердой и прекрасной должна быть связь между благочестивыми супругами, связанными двойными узами, а во-вторых, намекает, сколь скромно и благопристойно должны они вести себя по отношению друг к другу. Отсюда можно вывести, что брак вовсе не чужд церковным служителям. Не говорю о том, что женаты были даже апостолы, о примере которых вскоре пойдет речь, и скажу лишь, что Павел, обобщая, учит здесь тому, что позволено всем без исключения.

5) *Как и прочие апостолы.* К Господнему позволению Павел добавляет повсеместное использование брака прочими людьми. И дабы еще больше подчеркнуть свое воздержание от законного права, апостол последовательно приводит несколько примеров. Вначале – пример Апостолов, а затем добавляет, что даже братья Господни беспрепятственно используют эту возможность. Больше того, даже сам Петр, которому общее согласие отдало первенство, позволил себе иметь жену.

Под братьями Господними апостол понимает Иоанна и Иакова, считавшихся столпами, как он пишет в другом месте (Гал.2:9). По обычаю Писания он называет братьями тех, кто находится в родственных связях. Если же кто-то захочет вывести из этих слов папство, то будет весьма смешон.

Мы признаем, что среди апостолов первым признавали Петра. Ведь всегда в любом собрании с необходимостью должен быть кто-то председательствующий. Кроме того, Петра почитали за его выдающиеся дарования, поскольку всех выделяющихся благодатными дарами Божиими подобает ценить и почитать. Но это первенство не было господством, больше того, оно не имело с ним ничего общего. Подобно тому, как Петр выделялся среди прочих, он также и подчинялся своим соратникам. Далее, одно дело – пользоваться первенством в одной церкви, и совсем другое – отстаивать за собой главенство над всем миром. Но пусть мы припишем Петру все вышеперечисленное, какое отношение имеет к этому первосвященник [римский – прим. пер.]? Ведь подобно тому, как на место Иуды встал Матфий, и Петру мог преемствовать какой-нибудь Иуда. Больше того, уже больше девятисот лет мы видим, что никто из его преемников (по крайней мере, называющих себя таковыми) ни на волос не лучше Иуды. Но здесь не место рассматривать эти вопросы. Желаящие знать больше пусть прочтут наши «Наставления».

Кроме того, следует отметить одно обстоятельство: апостолы не чурались брака, хотя папский клир и проклинает его как недостойный святости своего сословия. Но после возникла эта замечательная «мудрость», гласящая, что священники Господни оскверняются от совокупления с законными женами. Дошло даже до того, что понтифик Сириций не усомнился назвать брак плотской нечистотою, находясь в которой никто не может угождать Богу. Итак, что же будет с несчастными апостолами, остававшимися в подобной нечистоте до конца своей жизни? Но для избежания этих сложностей паписты изобрели изящную увертку. Они говорят, что апостолы отказались от брачного ложа и водили с собой жен затем, чтобы те получали плоды благовестия, то есть, пропитание за общественный счет. Словно то же самое не могли делать и другие посланцы церквей, если бы повсюду путешествовали. Словно можно поверить в то, что эти жены добровольно, без какой-либо необходимости, везде разъезжали и жили за счет других, рискуя вызвать к себе неприязнь. Толкование же Амвросия, отнесшего сказанное к чужим женам, которые следовали за апостолами из усердия к научению, чрезмерно натянуто.

7) *Какой воин служит когда-либо (кто когда либо нес воинскую службу) на своем содержании?* Хотя время глагола здесь настоящее: «несет», чтобы смягчить грубость речи, я перевел в прошедшем: «нес». Далее, тремя сравнениями, заимствованными из обычной жизни, апостол подтверждает, что ему позволено, если бы он захотел, жить за счет обще-

ственного церковного подаяния. Он показывает, что претендует лишь на то, что требует сама человечность. Первый пример основан на праве воинов. Разве о них заботятся не за общественный счет? Второй ссылается на виноградарей. Земледелец насаждает виноградник, но не для того, чтобы напрасно трудиться, а для того, что пожать плоды. Третий пример относится к скотоводам, ибо пастух трудится не задаром, но питается молоком от стада, то есть, его плодами. И если все это справедливо, как предписанное природным правом, кто будет столь несправедлив, что откажет в пропитании церковным пастырям? То же, что некоторые несли воинскую службу за свой счет, как некогда римляне, когда еще не было ни податей, ни налогов, никак противоречит словам Павла. Ибо он основывается на общем, повсюду принятом обычае.

8) *По человеческому ли только (неужели по человеческому).* Дабы никто не стал клеветать, что дела Господни – нечто совсем другое, и поэтому апостол напрасно приводит столько примеров, Павел добавляет, что и Господь заповедует то же самое. «Говорить по человеческому рассуждению» иногда означает: «говорить по превратному разумению плоти», и в этом смысле это выражение употребляется в Рим.3:5. Здесь же оно означает «приводить лишь то, что обычно среди людей, что имеет силу только по их суждению». И то, что не только люди, но и Бог хочет вознаграждения людского труда, апостол доказывает из следующего: Бог запрещает заграждать рот волу молотящему. И приспособившая это изречение к своему случаю, Павел говорит, что Бог заботится не о волах, а о людях.

Здесь, во-первых, можно спросить, почему апостол выбрал именно этот отрывок, хотя в законе есть и более выразительные изречения. Например, во Втор.24:15: да не уснет у тебя плата наемника. Но если кто-то тщательнее рассмотрит этот вопрос, то признает, что в выбранном свидетельстве, где Господь говорит о скотах, содержится больше силы. Ведь отсюда, как бы от меньшего к большему, делается вывод, какой справедливости требует Бог по отношению к людям, если хочет, чтобы ее соблюдали даже по отношению к скотам.

Сказанное же о том, что Бог не печется о волах, разумей не так, словно апостол исключает волов из провидения Божия, не пренебрегающего даже самым малым воробьем; или словно он желает истолковать эту заповедь аллегорически, подобно некоторым изворотливым людям, черпающим отсюда повод все превращать в аллегории. Так из собак они делают людей, из деревьев – ангелов, и играючи извращают все Писание. Напротив, смысл Павловых слов прост: Господь, заповедав проявлять человечность к волам, сделал это не ради самих волов, но скорее имел в виду людей, ради которых были созданы и волы. Итак, это милосердие к волам должно быть для нас упражнением, пробуждающим человечность. Как говорит и Соломон в Прит.12:10: муж праведный заботится о скоте своем; утроба же неправых – жестока.

Поэтому разумей сказанное следующим образом: Бог не настолько заботится о волах, чтобы давать закон только ради них. Прежде всего Он имел в виду людей и хотел приучить их к справедливости, дабы они не лишали работников положенной награды. Ибо первая роль в пахоте и молотье принадлежит не волу, а человеку, труд которого приспособливает к делу самого вола. Значит, тут же добавленная фраза «пахущий должен пахать с надеждою, и т.д.» есть объяснение уже изложенной заповеди. Апостол как бы говорит: сказанное им применимо в целом к какому угодно труду.

10) *Ибо должен с надеждою.* Здесь¹⁰ наличествует двоякое чтение, причем даже в греческих рукописях. И одно из них более принято: молотящий с надеждою поиметь долю в своей надежде. Хотя более простым и подлинным кажется чтение, не повторяющее в последней части слово «надежда» дважды. Поэтому, если бы я мог выбирать, то прочел бы так: пахущий должен пахать с надеждою, и молотящий – с надеждою получить долю. Но,

¹⁰ Но то, которому я следовал, таково

поскольку в первой части согласны почти все греческие кодексы, и смысл остается тем же самым, я не посмел отступить от общепринятого текста. Апостол изъясняет здесь¹¹ приведенную выше заповедь. Он говорит, что несправедливо, если земледелец, вспахивая и молотя, трудится задаром. Ведь цель его труда – надежда на получение плода. И коль скоро это так, можно заключить, что сказанное им ранее относится и к быкам. Однако замысел апостола заключался в том, чтобы сделать смысл более широким и приспособить его к людям. О земледельце же говорится, что он имеет долю в своей надежде, если он пользуется теми пожатыми при жатве плодами, которые ранее надеялся получить при пахоте.

11) *Если мы посеяли в вас духовное.* Но у противников оставалась еще одна увертка. Они могли бы возразить: нет сомнения, что труд, относящийся к земной жизни, должен вознаграждаться пропитанием и одеждою. Ведь пахота и молотьба приносят плод, причастниками которого становятся сами труженики. Но благовестие – совсем другое дело, ибо плод его духовен. Посему, если служитель Слова хочет получить тот плод своего труда, который бы ему соответствовал, он не должен просить ничего плотского. Итак, дабы никто не прибегал к подобной увертке, апостол аргументирует от меньшего к большему и как бы говорит: хотя пропитание и одежда не того же рода, что и труд служителя Слова, разве для вас несправедливо платить за бесценное мелким и дешевым? Ибо насколько душа превосходит тело, настолько Слово Божие превосходит внешнее пропитание, будучи пищею для души.

12) *Если другие имеют у вас (над вами).* Апостол снова подтверждает свое право, на этот раз ссылаясь на пример других. Почему ему одному не позволено то, что другие получают как должное? Коль скоро никто другой не трудился у коринфян столь усердно, никто другой настолько и не заслуживает награды. Впрочем, апостол говорит здесь не о том, что он действительно сделал, а о том, что мог бы по праву сделать, если бы добровольно не отказался от этой возможности.

Однако мы не пользовались сею властью (возможностью). Теперь апостол возвращается к главному положению своей защиты: он добровольно отказался от использования права, в котором ему никто не мог бы отказать. Он предпочел перенести все, нежели позволить своему праву помешать продвижению благовестия. Итак, Павел своим примером ставит перед коринфянами цель: никогда не мешать Евангелию и не задерживать его распространение. Ибо то, что Павел говорит о самом себе, относится также и к долгу коринфян. Кроме того, здесь апостол подтверждает сказанное ранее: всегда надо понимать, что полезно делать именно сейчас.

13. Разве не знаете, что священнодействующие питаются от святилища? что служащие жертвеннику берут долю от жертвенника? 14. Так и Господь повелел проповедующим Евангелие жить от благовествования. 15. Но я не пользовался ничем таковым. И написал это не для того, чтобы так было для меня. Ибо для меня лучше умереть, нежели чтобы кто уничтожил похвалу мою. 16. Ибо если я благовествую, то нечем мне хвалиться, потому что это необходимая обязанность моя, и горе мне, если не благовествую! 17. Ибо если делаю это добровольно, то буду иметь награду; а если недобровольно, то исполняю только вверенное мне служение. 18. За что же мне награда? За то, что, проповедуя Евангелие, благовествую о Христе безмездно, не пользуясь моею властью в благовествовании. 19. Ибо, будучи свободен от всех, я всем поработил себя, дабы больше приобрести: 20. для Иудеев я был как Иудей, чтобы приобрести Иудеев; для подзаконных был как подзаконный, чтобы приобрести подзаконных; 21. для чуждых закона – как чуждый закона, – не будучи чужд закона пред Богом, но подзаконен Христу, – чтобы приобрести чуждых закона; 22. для немощных был как немощный, чтобы приобрести немощных. Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых.

¹¹ Ибо

(13. Не знаете, что священнодействующие питаются от святилища? Что служащие жертвеннику берут долю от жертвенника? 14. Так и Господь повелел, чтобы проповедующие Евангелие жили от благовествования. 15. Но я не пользовался ничем таковым. И написал это не для того, чтобы так было для меня. Ибо для меня лучше умереть, нежели чтобы кто уничтожил славу мою. 16. Ибо если я благовествую, то нечем мне хвалиться, потому что мне прилежит необходимость, и горе мне, если не благовествую! 17. Ибо если делаю это добровольно, то буду иметь награду; а если недобровольно, то мне вверено устройство. 18. Какая же мне награда? Чтобы, проповедуя Евангелие, благовествовал о Христе безмездно, чтобы не злоупотреблял моею властью в благовествовании. 19. Ибо, будучи свободен от всех, я всем поработил себя, дабы больше приобрести: 20. для иудеев я был как иудей, чтобы приобрести иудеев; для подзаконных был как подзаконный, чтобы приобрести подзаконных; 21. для тех, кто был без закона – как чуждый закона (хотя не без закона пред Богом, но подзаконен Христу), чтобы приобрести тех, кто был без закона; 22. для немощных был как немощный, чтобы приобрести немощных. Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых.)

13) *Разве не знаете.* Помимо рассмотрения предложенного вопроса, вполне очевидно, что апостол, долго задержавшись на данной теме, ставил перед собою и другую цель: косвенно упрекнуть коринфян в несправедливости за то, что они позволяли порицать служителей Христовых во вполне законном деле. Ведь, если бы Павел не воздержался добровольно от использования свободы, была бы опасность закрыть путь для Евангелия. Но лжеапостолы никогда бы этого не достигли, если бы неблагодарность, к которой были склонны коринфяне, не открыла в этом городе дорогу их клевете. Ибо коринфяне, обязанные жестко ее отвергнуть, проявили чрезмерную доверчивость и были готовы отвергнуть само Евангелие, если бы Павел воспользовался своим правом. Это презрение к Евангелию, эта бесчеловечность к апостолу заслуживали весьма жестких упреков. Но Павел, воспользовавшись поводом, по своей скромности порицает косвенно и мягко, вразумляя коринфян без каких-либо ругательств.

Он пользуется похожим доводом, дабы доказать, что действительно не употреблял данную ему от Господа власть. Апостол больше не заимствует примеры извне, но показывает: Сам Господь установил так, чтобы церкви давали пропитание служителям. Некоторые думают, будто в этом отрывке присутствует два сравнения. Первое относится к священникам Господним, а второе – к жрецам языческих божеств. Я же скорее думаю, что Павел по своему обыкновению в разных словах говорил об одном и том же. Действительно, его довод оказался бы слабым, если бы основывался на обычае язычников, у которых доходы священников предназначались не для пропитания и одежды, а для величественных облачений, для царской помпезности и расточительной роскоши. Итак, основанные на них примеры были бы весьма отдаленными. Однако я не возражаю против того, что апостол упомянул о разных категориях служителей. Сначала шли священники, относящиеся к высшему чину; затем, как известно, – подчиненные им левиты. Но это мало касается сути.

Итог таков: левитские священники были служителями израильской церкви. И Господь установил для них пропитание от их служения. Значит, и сегодня то же правило должно соблюдаться по отношению к служителям Церкви Христианской. Служители же этой Церкви суть проповедники Евангелия. Канонисты цитируют данный отрывок, желая доказать, будто надо насыщать праздные брюха папских священников, дабы они продолжали приносить свои жертвы. Но сколь глупо они при этом поступают, я предоставляю судить детям. Все, что сказано в Писании о подаянии пропитания служителям или о положенной им чести, они тут же выхватывают из контекста и искажают для своих удобств. Поэтому призываю читателей лишь к тому, чтобы обдумать слова Павла. Он рассуждает так: пастырей, трудящихся в деле проповеди Евангелия, надо кормить, поскольку некогда Господь установил для священников пропитание за то, что они служили церкви. Поэтому надо иметь в виду различие между сегодняшним и ветхим священством. Во времена закона священни-

ки ставились для принесения жертв, служения алтарю, попечения о скинии и храме. Сегодня же поставляются возвестители Слова и распределители таинств. Господь не установил больше никаких жертв, которыми занимались бы священнослужители. Нет больше алтарей для принесения жертв, за которыми бы они стояли.

Итак, ясно, сколь смешны те, кто относит аналогию жертв к чему-то еще, кроме проповеди Евангелия. Скорее из данного отрывка можно заключить, что все папистские священники – святотатцы, начиная с главы их сословия и до самого последнего его представителя. Они присваивают доходы, предназначенные для истинных служителей, но при этом меньше всех других исполняют свой долг. Ибо каких именно служителей заповедует кормить апостол? Тех, кто занят евангельской проповедью. Тогда, по какому же праву эти люди претендуют на доходы священников? Только потому, что они поют и приносят жертвы? Но Бог не заповедовал ничего такого. Поэтому ясно, что эти люди похищают чужую награду.

Впрочем, сказав, что левитские священники имели долю от алтаря и питались от святилища, апостол *μετῶν ἱερῶν* имеет в виду дары, приносимые Богу. Ибо священные жертвы служители присваивали себе целиком, от меньших же жертв брали лишь правое плечо, почки и хвост, и, кроме того, десятины, приношения и начатки. Поэтому слово *ἱερὸν* во второй раз означает у Павла святилище.

15) *И написал это.* Поскольку могло показаться, что Павел пользуется этим поводом, дабы в будущем получать от коринфян плату, он устраняет это подозрение. Он свидетельствует, что далек от подобного желания и скорее захочет умереть, нежели позволить погибнуть своей похвале, а именно, той, что он работал у коринфян задаром. И не удивительно, что Павел столь высоко ценил свою славу. Он видел, что от нее в некоторой степени зависит авторитет Евангелия. В противном случае он предоставил бы лжеапостолам повод для нападок, и от этого возникла бы опасность, что коринфяне, презрев Павла, приняли бы их с одобрением. Но возможность продвинуть дело благовестия апостол ценил больше собственной жизни.

16) *Ибо если я благовествую.* Дабы показать, сколь важно ничем не вредить подобной похвале, апостол дает понять, что произошло бы, если бы он исполнял только свое служение, а именно: он делал бы только то, что Господь вверил ему как нечто совершенно необходимое. И апостол отрицает, что, исполнив только свой долг, имел бы повод для похвалы, поскольку исполнения долга никак нельзя избежать.

Но спрашивается: о какой славе он теперь говорит? Ведь в другом месте Павел хвалится тем, что исполнял долг учительства с чистой совестью. Отвечаю: он говорит о той славе, которую мог бы противопоставить лжеапостолам, искавшим повод для своего злоречия. И это будет ясно из последующих слов.

Далее, предложение это весьма примечательно. Из него мы узнаем, как следует ценить призвание, и сколь прочными узами связывает оно служителей. Кроме того, мы узнаем, что несет с собой и включает в себя пастырское служение. Итак, единожды призванный не должен думать, что остается свободным и может идти, куда ему захочется, если на него обрушатся тяготы и неудобства. Ибо он посвящен Господу и Церкви, повязан священными узами, кои не подобает разрывать.

Что же касается второго, то апостол говорит, что ему уготовано проклятие, если он не проповедует. Но почему? Потому, что Павел был к этому призван, и, значит, к этому его вынуждала необходимость. И как избежит подобной необходимости всякий, преемствующий Павлу в служении? Итак, каково же апостольское преемство у папы и его рогатых епископов, если более всего чуждым для себя они считают учительское служение?

17) *Ибо если делаю это добровольно.* Наградой называется здесь то, что латиняне называют платой за труд, и что апостол ранее назвал славой. Хотя другие толкуют иначе, а

именно: награда предложена всем тем, кто добросовестно и от души исполняет свой долг. Я же под добровольным делателем разумею того, кто действует пылко и окрыленно, кто занят одним лишь назиданием, не упуская ничего из того, что по его мнению полезно для Церкви. Как и наоборот, недобровольным делателем зовется тот, кто действует, подчиняясь необходимости, но при этом работает со злобой и неохотно. Ибо неизменно правило: тот, кто усердно берется за какое-либо дело, добровольно исполняет все необходимое для достижения результата. Поэтому и Павел, будучи добровольным делателем, не только поверхностно чему-то учил. Он не упускал ничего из того, что, как он знал, было пригодно для продвижения учения и вспоможения ему. Плата за труд и слава заключались для него в том, что он с готовностью отказывался от использования своего права, поскольку охотно и с искренним рвением исполнял свой долг.

А если недобровольно, то исполняю только вверенное мне служение (мне вверено устроение). Как бы ни толковали это место другие, подлинный смысл (на мой взгляд) заключается в следующем: Богу не угоден тот, кто исполняет служение скупое и как бы против воли. Посему, как только Бог заповедует нам нечто¹², мы ошибемся, подумав, что правильно исполнили заповедь, если сделали это против воли. Ибо Господь требует от служителей окрыленности. Он желает таких служителей, которые радуются от послушания Ему и проявляют свою радость в готовности действовать. В итоге, Павел хочет сказать, что служитель лишь тогда удовлетворяет своему призванию, если исполняет свой долг добровольно и с усердием.

18) *За что же (какая же) мне награда.* Из вышесказанного апостол заключает, что похвала его происходит от безвозмездного служения коринфянам. И то, что он охотно занимался учительским служением, явствует из следующего: Павел тщательно устранял все помехи на пути Евангелия. Он не довольствовался только тем, что учил, но и всеми способами старался продвигать учение. Поэтому итог таков: мне, – говорит апостол, – необходимо проповедовать Евангелие; если я этого не делаю, то горе мне, потому что тогда я противлюсь призванию Божию; но проповедовать также недостаточно, если делать это недобровольно, ибо тот, кто против воли исполняет заповедь Божию, не соответствует должным образом своему служению; если же я охотно повинуюсь Богу, мне будет позволено хвалиться; посему безвозмездная проповедь Евангелия была необходима мне для того, чтобы я мог по праву хвалиться.

Паписты хватаются за этот отрывок, защищая свое измышление о сверхдолжных делах. Павел, – говорят они, – исполнил долг проповеди Евангелия, но затем он добавил нечто еще для полного совершенства исполненного; значит апостол сделал нечто такое, чего не был обязан делать, ведь он проводит различие между добровольным и вынужденным. Отвечаю: Павел пошел дальше того, что требует обычное пастырское призвание. Он воздержался от платы, которую Господь разрешил получать пастырям. Впрочем, Павел, будучи обязан устранять все предвиденные помехи, понимал, что ход Евангелия замедлится, если он воспользуется своим правом. И хотя его поступок был необычным, я все же утверждаю, что он не дал Богу ничего, кроме должного. Позволю себе спросить: разве доброму пастырю не подобает устранять препятствия по мере своих сил? Спрошу снова: не это ли именно и сделал Павел? Поэтому не будем воображать себе, будто он принес Богу что-то сверхдолжное. Ведь он сделал лишь то, что требовала необходимость его служения, пусть даже и экстраординарная. Итак, пусть исчезнет нечестивое измышление о том, что мы изглаживаем свои проступки перед Богом сверхдолжными делами. Больше того, пусть исчезнет само это слово, отдающее дьявольским превозношением. Действительно, этому отрывку весьма превратно придавать означенный смысл.

В целом же заблуждение папистов опровергается так: все дела, содержащиеся в законе, ложно называть сверхдолжными. И это явствует из слов Христа: когда сделаете все, запо-

¹² Итак, если нечто

веданное вам, скажите: мы рабы бесполезные, мы сделали то, что должны были сделать. Но мы признаем, что нет доброго дела, угодного Богу, кроме того, которое содержится в законе Божиим. И второе положение я доказываю так: есть два чина добрых дел. Все они относятся либо к богопочитанию, либо к любви. Но все относящееся к богопочитанию можно свести к заповеди: возлюби Господа от всего сердца, от всей души и всеми силами. А все обязанности любви сводятся к заповеди: возлюби ближнего, как самого себя. Однако паписты возражают и говорят, что кто-то может стать угодным Богу, отдавая десятую часть своего дохода. Отсюда они выводят, что если он отдаст пятую, то сделает нечто сверхдолжное. Ответить на эту увертку весьма просто. Одобрение дел благочестивых со стороны Бога связано не с их совершенством, а с тем, что им не вменяются их несовершенства и пороки. Посему, даже если люди сделают в сто раз больше, они и в этом случае не превысят меру своего долга.

Не пользуясь моею властью (чтобы не злоупотреблял моею властью). Отсюда явствует, что использование свободы, ведущее к соблазну, по сути представляет собой вседозволенность и злоупотребление. Поэтому надо придерживаться правила: не давать другим повод для преткновения. И этот отрывок еще лучше подтверждает сказанное мною ранее: Павел сделал лишь то, что требовало от него его служение, ибо свободой, дарованной Богом, злоупотреблять никак нельзя.

19) *Ибо, будучи свободен от всех.* Ἐκ πάντων, то есть – «от всех», что можно понять как в среднем, так и в мужском роде. В среднем слово «все» будет относиться к вещам, а в мужском – к людям. Я предпочел бы второй смысл.

Ранее на одном частном примере Павел доказал, сколь старательно и прилежно приспособлялся к немощным. Теперь же он приводит общее положение, а затем перечисляет многочисленные разновидности подтверждающих его свидетельств. Общее положение в том, что, не будучи под чьей-либо властью, Павел, однако, жил так, словно находился под властью всех. Он добровольно подчинил себя немощным, от которых, тем не менее, был свободен. Конкретные же случаи таковы: среди язычников он жил как язычник, среди иудеев вел себя как иудей. То есть, тщательно исполняя среди иудеев все обряды, Павел с не меньшим усердием избегал того, чтобы оскорбить ими язычников.

Павел использует слово «как», давая понять, что ни в чем из-за этого не повредил своей свободе. Ведь как бы апостол ни приспособлялся к людям, перед Богом, внутренне, он всегда оставался самим собой. «Становиться всем» означает здесь выказывать разное отношение в зависимости от ситуации или играть разные роли перед разными людьми. Слова же «подзаконный» и «без закона» относи только к обрядовой части. Ведь часть закона, относящаяся к нравственности, была общей для иудеев и язычников. И Павлу не было позволено угождать людям до такой степени, чтобы ее преступить. Ведь учение это, как было сказано выше, справедливо только для безразличных дел.

21) *Не будучи чужд закона пред Богом (Хотя не без закона пред Богом).* Этой фразой, поставленной в скобки, Павел хотел смягчить жесткость сказанного ранее. Ведь, на первый взгляд, грубо звучит фраза о том, что апостол стал чуждым закона. Посему, дабы этого не поняли в превратном смысле, он в качестве уточнения добавляет, что всегда придерживался закона, будучи подчиненным Христу. Этим он также хочет сказать, сколь лживо и недостойно клеветают на него, говоря, будто он, уча избавлению от рабства Моисееву закону, призывает людей к разнузданной вседозволенности. Апостол весьма выразительно называет закон Христовым, дабы опровергнуть клевету, возводимую на Евангелие лже-апостолами. Он хочет сказать, что в законе Христовом не упущено ничего из совершенного предписания о правильном образе жизни.

22) *Для немощных был как немощный.* Апостол снова пользуется общим положением, показывая, к какого сорта людям и с какой целью он приспособлялся. Перед иудеями он вел себя как иудей, но не перед всеми. Среди них было множество упорных, которые с

фарисейской гордыней и злобой хотели бы полностью уничтожить христианскую свободу. Им Павел никогда не оказывал подобной чести, ибо Христос не хочет, чтобы мы о таковых заботились. Оставьте их, – говорит Христос, – они слепые и вожди слепых. Итак, покладистость надо проявлять к немощным, а не к упорствующим. Далее, цель апостола заключалась в том, чтобы привести их ко Христу, а не в том, чтобы способствовать их удобству или сохранить их расположение к себе. К сказанному надо добавить и третье: Павел уступал немощным лишь в вопросах безразличных, в отношении которых мы полностью свободны.

А теперь, если подумать о том, что Павел, будучи столь великим мужем, все же до такой степени смирился, неужели мы, по сравнению с ним полное ничто, не постыдимся угодить себе, гнушаясь немощными, неужели не соизволим в чем-то им уступить? Впрочем, подобно тому, как по заповеди апостола нам следует приспособляться к немощным, причем в безразличных вопросах и ради их назидания, так же дурно поступают те, кто, заботясь о своей безопасности, остерегаются оскорблять не слабых, а нечестивых. Те же, кто не проводит различия между запрещенными и безразличными поступками, грешат дважды, поскольку без колебаний ради угождения людям делают то, что запретил Господь. Но самое большое зло в том, что они злоупотребляют этими словами Павла для оправдания своего порочного притворства. Однако можно с легкостью их опровергнуть, если помнить о трех перечисленных мною ограничениях.

Кроме того, отметим слово, употребленное апостолом в конце. Он показывает, с какой целью стремился приобрести всех, а именно: ради их спасения. Хотя апостол ограничивает здесь общность своего утверждения. Разве что кому-то больше понравится чтение древнего переводчика, еще сегодня встречающегося в некоторых греческих кодексах. Ведь Павел тут же добавляет: «чтобы спасти, по крайней мере, некоторых». И это ограничение вполне уместно, поскольку упомянутое Павлом снисхождение не всегда приводило к успеху. Но хотя апостол и не пользовался успехом у всех, он не переставал способствовать спасению, по крайней мере, некоторых.

23. Сие же делаю для Евангелия, чтобы быть соучастником его. 24. Не знаете ли, что бегущие на ристалище бегут все, но один получает награду? Так бегите, чтобы получить. 25. Все подвижники воздерживаются от всего: те для получения венца тленного, а мы – нетленного. 26. И потому я бегу не так, как на неверное, бьюсь не так, чтобы бить воздух; 27. но усмиряю и порабощаю тело мое, дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным.

(23. Сие же делаю для Евангелия, чтобы стать соучастником его. 24. Не знаете ли, что бегущие на ристалище бегут все, но один получает награду? Так бегите, чтобы получить. 25. Далее, всякий состязающийся умерен во всем. Итак, они – для получения венца тленного, а мы – вечного. 26. И потому я бегу не так, как к неопределенному, бью кулаком не так, чтобы бить воздух; 27. но подчиняю и порабощаю тело мое, дабы не вышло так, что, проповедуя другим, я сам оказался отверженным.)

23) *Чтобы быть (стать) соучастником его.* Поскольку коринфяне могли подумать, что сказанное относится только к Павлу по причине его особого служения, апостол, ссылаясь на конечную цель, доказывает, что учение его адресовано всем христианам. Ведь, свидетельствуя, что стремится стать соучастником Евангелия, апостол, говоря об этом соучастии, дает понять: все поступающие отлично от него недостойны благовестия. Фраза же «стать соучастником Евангелия» означает здесь – получить от него плод.

24. *Не знаете ли, что бегущие на ристалище.* Ранее апостол изложил учение. Теперь, чтобы укоренить его в душах коринфян, он переходит к увещаниям. В конечном итоге смысл его слов таков: достигнутое коринфянами ранее – ничто, если они не будут постоянно в нем пребывать. Ибо не достаточно однажды вступить на ристалище Господне, если

не бежать при этом до конца. Как говорит Христос (Мф.10:22): претерпевший до конца, и т.д.

Но апостол заимствует подобие от состязаний на ристалище по следующей причине: как там многие становятся на беговую дорожку, но увенчивается лишь один, первый достигший финиша, так и у того, кто однажды вступил на ристалище благовестия, нет оснований для самодовольства, если он не будет бежать до самой своей смерти. Однако между их и нашим состязанием разница в том, что у бегунов победитель один, и пальму первенства получает тот, кто опередил остальных; у нас же положение лучше, потому что победителями могут быть многие. Ведь Бог требует от нас лишь мужественно продолжать свой бег до самого финиша. Таким образом, один не будет мешать другому. Скорее напротив, бегущие на христианском ристалище взаимно друг другу помогают. И ту же мысль апостол по-иному выражает в 2Тим.2:5: состязающийся не увенчивается, если состязается незаконно.

Так бегите. Использование приведенного сравнения: не достаточно начать, если не бежать всю жизнь. Ибо жизнь наша подобна ристалищу. Итак, нам не следует уставать на середине пути, поскольку бег наш должен окончиться лишь со смертью.

Слово **οὐτως** можно понимать двояко. Златоуст соединяет его с вышесказанным следующим образом: подобно тому, как бегущие не перестают бежать, доколе не достигнут финиша, так и вы проявите стойкость и – покуда живы – не останавливайте свой бег. Но с последующей фразой вполне согласуется и такой смысл: бежать надо не так, чтобы ослабеть на середине пути, но так, чтобы увенчаться. О слове же «ристалище» и о разных беговых состязаниях не буду ничего говорить, поскольку все это можно прочесть у грамматиков. Хорошо известно, что одно дело – конный бег, а другое – бег пеший. Но знать про это не столь необходимо для понимания мысли Павла.

25) *Все подвижники (всякий состязающийся).* Поскольку ранее апостол увещевал коринфян к стойкости, ему оставалось сказать о ее причине. И эту причину он излагает, используя сравнение с кулачными бойцами. Причем сравнение это применимо лишь настолько, насколько требует обсуждаемый апостолом вопрос. Вопрос о том, сколь сильно надо уступать немощи братьев. Апостол аргументирует от меньшего к большему и доказывает, сколь это постыдно, если мы тяготимся воздерживаться от использования собственного права, в то время как кулачные бойцы, питаясь скромно и не досыта, добровольно отказываются от всяческих деликатесов, дабы выказывать большую проворность в бою. Причем они делают это ради тленного венца. И если они так высоко ценят тут же увядающий венок из листьев, сколь ценным для нас должен быть венец бессмертия! Поэтому пусть нам не будет тяжело уступать в чем-то для нас позволительном. Известно, что атлеты всегда довольствовались весьма скудной едой, так что питание их стало предметом поговорок.

26) *И потому я бегу не так.* Апостол возвращается к самому себе, дабы, предложив себя в качестве примера, сделать еще весомее свое учение. Сказанное им некоторые относят к убежденной надежде, как если бы Павел сказал: я бегу не напрасно, подвергаюсь опасности не ради шутки; у меня есть обетование Господне, которое никогда не обманывает. Однако мне кажется, что апостол скорее хотел направить бег верующих к положенной цели, дабы они бежали прямо, а не петляли по сторонам. Смысл таков: Господь упражняет нас бегом и борьбой. Но Он также предлагает нам цель, к которой мы должны стремиться, и предписывает для сражения четкий закон, дабы мы утруждались не напрасно. Апостол использует здесь оба приведенных ранее сравнения. Знаю, – говорит он, – куда я бегу, и подобно опытному атлету забочусь о том, чтобы не пропустить удар. Сказанное должно воспламенять сердца христиан, дабы они еще окрыленнее исполняли все обязанности благочестия. Ибо не блуждать в сомнениях от собственного неведения – великое дело.

27) *Но усмирю (подчиняю) тело.* Будей перевел «соблюдаю». Но на мой взгляд, апостол использовал глагол **ὑποτάσσειν** в значении «рабски упражнять». Он свидетельствует, что не

щадит себя и подавляет свои чувства. А это происходит лишь тогда, когда тело укрощают, и оно, обузданное в своих похотях, привыкает к послушанию подобно резвому брыкающемуся коню. Древние монахи, желая повиноваться этой заповеди, изобрели множество упражнений по укрощению плоти. Они спали на жестких скамьях, принуждали себя к продолжительному бдению, избегали всякой роскоши. Но у них отсутствовало самое главное. Ведь они не поняли, почему апостол все это предписывает, хотя и помнили о другой заповеди: попечение о плоти не обращайтесь в похоть (Рим.13:14). Всегда истинно сказанное Павлом в другом месте (1Тим.4:8) о небольшой пользе от телесных упражнений. Однако будем же поработать свое тело настолько, чтобы оно не распутствовало и не мешало исполнять обязанности благочестия. И, кроме того, мы не должны потакать ему с неудобством и преткновением для других.

Дабы, проповедуя другим (Дабы не вышло так, что, проповедуя другим). Некоторые толкуют так: дабы я, хорошо и добросовестно обучая других, но сам живя дурно, не выказывал этим свою отверженность перед Богом. Но лучше эту фразу отнести к людям в следующем смысле: моя жизнь должна быть неким правилом для других. Поэтому я заявляю, что веду себя так, чтобы учению моему не противоречили мои нравы и дела. Значит, пренебрежение тем, чего я требую от других, опозорило бы меня и соблазнило моих братьев. Эту фразу можно также соединить с предыдущей следующим образом: дабы я не лишился Евангелия, соучастниками которого являются и другие мои дела.

Глава 10

1. Не хочу оставить вас, братия, в неведении, что отцы наши все были под облаком, и все прошли сквозь море; 2. и все крестились в Моисея в облаке и в море; 3. и все ели одну и ту же духовную пищу; 4. и все пили одно и то же духовное питие: ибо пили из духовного последующего камня; камень же был Христос. 5. Но не о многих из них благоволил Бог, ибо они поражены были в пустыне.

(1. Не хочу оставить вас, братия, в неведении, что отцы наши все были под облаком, и все прошли сквозь море; 2. и все крестились в Моисея в облаке и в море; 3. и все ели одну и ту же духовную пищу; 4. и все пили одно и то же духовное питие: ибо пили из духовной последующей скалы; скала же был Христос. 5. Но многие из них не были угодны Богу, ибо они повергнуты были в пустыне.)

То, чему ранее апостол учил, используя два сравнения, он подтверждает теперь примерами. Коринфяне вели себя разнузданно и хвалились так, словно уже заслужили пенсию или, по крайней мере, завершили свое поприще, хотя, на деле, едва лишь вышли из теницы. И апостол описывает это пустое превозношение и самоупование следующим образом: видя вас спокойно почивающих в самых первых начатках, я не хочу, чтобы вы пребывали в неведении о том, что произошло от этого с израильским народом, дабы их несчастный пример пробудил вас ото сна. Но поскольку в примерах различий всегда больше, чем сходства, Павел вначале говорит: мы ни в чем не отличаемся от израильтян, нет ничего, в чем бы наше положение отличалось от положения их. Поэтому, желая предупредить коринфян о том же самом возмездии, которое ранее постигло израильтян, апостол начинает так: не хвалитесь каким-либо преимуществом, словно занимаете лучшее, чем они, место в глазах Божиих. Ибо они получили те же благодеяния, коими сегодня обладаем мы. Там была такая же Церковь Божия, какая сегодня имеется среди нас, были те же самые таинства, служившие им свидетельством благодати Божией. Но, злоупотребив этими благами, они не избежали суда Божия. Поэтому бойтесь, ибо то же самое угрожает и вам. Таким же доводом пользуется и апостол Иуда в своем послании.

1) *Все были под облаком.* Цель апостола – показать, что израильтяне не меньше, чем мы, были народом Божиим. Из этого мы должны уяснить, что не избежим безнаказанно десницы Божией, столь сурово обрушившейся на них. Ведь итог сказанного в следующем: если Бог не пощадил их, то не пощадит и нас. И эту схожесть апостол доказывает тем, что

израильтян украшали те же самые знаки отличия благодати Божией. Ибо таинства служат как бы знаками отличия, коими распознается Церковь Божия. Во-первых, апостол говорит о крещении. Он учит, что облако, защищавшее израильтян в пустыне от солнечного зноя и направлявшее их в пути, вместе с переходом через море было прообразом крещения. В манне же и воде, хлынувшей из скалы, по его словам, заключалось таинство, отвечавшее священной вечере.

Они, – говорит Павел, – *крестились в Моисея*, то есть, находились под его управлением и водительством. Ибо думаю, что предлог *εἰς* по обычаю Писания помещен здесь вместо предлога *ἐν*. Ведь несомненно¹³, что мы крестимся во имя Христово, а не какого-то человека, как говорит апостол в 1 главе, стих 13. Причем, по двум причинам. Первая: через крещение мы принимаем учение Христово. Вторая: поскольку крещение основано лишь на Христовой силе, во время крещения призывают только Его имя. Итак, израильтяне были крещены в Моисея, поскольку, как было сказано, находились под его надзором и управлением. Но каким образом? *В облаке и в море*. Значит, – скажет кто-то, – они были крещены дважды. Отвечаю: здесь указаны два символа, составляющие одно крещение, соответствующее нашему.

Но возникает более сложный вопрос. Не подлежит сомнению, что у всех перечисленных Павлом даров Божиих имелся временный плод. Облако защищало от солнечного зноя и указывало путь. Но все это – внешние удобства настоящей жизни. Так же и переход через море помог тому, что израильтяне избежали свирепости фараона и спаслись от угрожавшей им смерти. Польза же от нашего крещения духовна. Итак, почему Павел из земных благодеяний делает таинства и ищет в них какую-то духовную тайну? Отвечаю: Павел не напрасно искал в этих чудесах нечто большее внешнего плотского удобства. Хотя Бог и желал помочь Своему народу в земной жизни, главное было в другом: засвидетельствовать и представить Себя для них Богом, в Котором заключается вечное спасение. Облако повсеместно зовется символом Его присутствия.

Итак, поскольку через облако Бог свидетельствовал о Своем присутствии с израильтянами, как с особым и избранным народом, нет сомнения, что помимо земных удобств израильтяне получали от облака свидетельство духовной жизни. Таким образом, у него было двойное употребление. И то же самое можно сказать о переходе через море. Ведь дорога посредине моря была проложена для них, чтобы избежать руки фараона. Но от чего, если не оттого что Господь постановил принять их под Свою опеку и защиту, и уберечь всеми способами? Значит, из перехода через море израильтяне могли вывести, что Бог о них заботится, и их спасение Ему угодно. Отсюда и пасха, установленная для празднования избавления, одновременно была таинством Христовым. Почему? Потому что через временное благодеяние Бог выказывал Себя их спасителем. И если кто-то над этим поразмыслит, то не найдет ничего глупого в словах Павла. Напротив, он обратит внимание, что и по духовной сущности, и по видимому знаку наше крещение сходно с крещением иудеев.

Но можно опять возразить: все эти знаки не сопровождались Словом. Согласен, но не подлежит сомнению и то, что Бог Духом Своим восполнял недостаток внешней проповеди. Пример чего можно усмотреть и в медном змее. То, что он представлял собой духовное таинство, свидетельствует и Сам Христос (Ин.3:14). Однако до нас не дошла никакая-либо проповедь о змее. И все же Господь открывал тайны верующим той эпохи тем способом, который был Ему угоден.

3) *Ели одну и ту же духовную пищу*. Апостол упоминает и о другом таинстве, отвечающем священной вечере Господней. Манна и вода, истекшая из скалы, по его словам, служили не только поддержанию тела, но и духовному окормлению души. Истинно, что и то, и другое представляло собой помощь в телесном пропитании. Но это не мешает данным

¹³ Ибо иначе

вещам служить и другой цели. Итак, Господь, помогая в насущной телесной нужде, одновременно способствовал и вечной пользе души. И эти два положения очень легко примирить. Разве что сложность возникает от Христовых слов (Ин.6:31), где Он называет манну тленной пищею для чрева и противопоставляет ее пище для души. Эта фраза, кажется, сильно разногласит с тем, что здесь говорит Павел. Но и на этот вопрос ответ уже готов. У Писания есть следующий обычай: рассуждая о таинствах или других вещах, оно порою приспособляется к восприятию слушателей. В таком случае оно говорит не о природе вещи, а о том, что превратно о ней думают люди. Так и Павел говорит об обрезании не всегда одинаково. Рассматривая в нем установление Божие, он говорит, что обрезание – печать праведности по вере. Выступая же против тех, кто хвалился внешним и голым символом и превратно помещал в нем спасительной упование, он называет обрезание символом проклятия, поскольку через него человек обязывает себя соблюдать весь закон. В этом случае он говорит о том, что думали лжеапостолы, поскольку выступает не против чистого установления Божия, а против их заблуждения. Таким образом, поскольку плотские люди предпочитали Христу Моисея за то, что он кормил народ в пустыне на протяжении 40 дней, и думали только о насыщении желудка, не ища ничего другого, Христос в Своем ответе не объясняет значение манны, но, пропустив все остальное, приспособливает речь к восприятию слушателей. Он как бы говорит: Моисей находится у вас в большом почете; вы даже восхищаетесь им как самым выдающимся пророком потому, что он насытил в пустыне чрево ваших отцов, ибо вы выдвигаете против Меня лишь одно возражение: Я для вас ничто, поскольку не даю пищу для желудка; но если вы столь цените тленную пищу, что же надо думать о животворящем хлебе, питающим души в вечную жизнь? Итак, мы видим, что Господь говорит не о природе вещи, а о том, что думают о ней слушатели. Павел же рассматривает здесь не злоупотребление нечестивых, а само Божие установление.

Далее, говоря, что отцы ели ту же самую духовную пищу, он, во-первых, указывает на то, какова сила и действенность таинств, а, во-вторых, показывает, что сила у древних таинств закона была такая же, какая сегодня имеется у наших. Ведь если манна была духовной пищей, отсюда следует, что в таинствах нам показывают не голые знаки, но одновременно дают и означаемую знаками вещь. Ибо не лжив Бог, чтобы вскармливать нас пустыми выдумками. Знак остается знаком и сохраняет свою сущность, но подобно тому, как смешны паписты, бредящие о незнамо каких пресуществлениях, так и не наше дело отделять друг от друга истину и образ, соединенные Богом вместе. Паписты смешивают друг с другом вещь и ее знак. А мирские люди, вместе со Швенкфельдом и ему подобными, отделяют знаки от вещей. Мы же придерживаемся середины, то есть, исповедуем установленное Господом соединение, но соединение раздельное, и то, что свойственно одному, не переносим на другое.

Остается сказать и о втором положении относительно сходства древних символов с нашими. Известна догма схоластов: таинства ветхого закона изображали благодать, а наши дают ее непосредственно. И этот отрывок весьма уместен для опровержения этого заблуждения. Он свидетельствует: древнему народу вещь, изображаемая таинством, подавалась не меньше, чем нам. Поэтому сорбоннцы нечестиво думают, будто святые отцы, жившие под законом, были лишены изображаемой знаками истины. Согласен с тем, что от явления Христа во плоти действенность знаков для нас и яснее и обильнее, чем была для отцов. Таким образом, разница между ими и нами состоит лишь в степени, или (как говорится) в отношении большего и меньшего. Ибо мы полнее получаем то же самое, что в меньшей степени получали они. Но не в том, что у них были лишь пустые образы, а у нас – сама означаемая ими вещь.

Некоторые толкуют так: отцы по отношению друг к другу ели одну и ту же пищу. Таким образом, они сравниваются не с нами, а между собой. Но такие толкователи не обращают внимания на замысел Павла. О чем еще он говорит, если не о том, что древний народ по-

лучал одинаковые с нами благодеяния и участвовал в одинаковых с нами таинствах? Дабы мы, уповая на какое-либо преимущество, не думали, будто нам не угрожает постигшая их кара. Хотя я не хотел бы спорить с кем-то по этому вопросу, но говорю лишь о том, что кажется мне правильным.

Известен мне также и довод тех, кто следует этому толкованию, а именно: оно наилучшим образом согласуется с предыдущим уподоблением. Всем израильтянам было предложено одно и то же ристалище, и все они вышли из одной и той же темницы. Все приняли участие в одном забеге. Все надеялись на одно и то же. Но многие из них так и не получили награды.

Однако я, подробно все рассмотрев, заявляю: эти соображения не вынуждают меня отойти от собственного мнения. Ибо апостол не напрасно упоминает только о двух таинствах, и особенно о крещении. Зачем еще он делает это, если не для того, что противопоставить их нашим? Действительно, если бы он сравнивал между разными представителями этого народа, то скорее сказал бы об обрезании и других более известных и значительных таинствах. Но он выбрал менее известные таинства, больше подходящие к противопоставлению их и нас. Иначе не был бы уместен сделанный апостолом вывод: все, случившееся с ними, служит для нас образом, поскольку на их примере мы видим суд Божий, угрожающий и нам, если мы совершим те же самые преступления.

4) *Камень (скала) же был Христос.* Некоторые невежественно искажают эти слова Павла, словно он говорил, что Христос был духовной скалой, и вел речь не о той скале, что являлась видимым символом. Но мы видим, что апостол намеренно рассуждает здесь о внешних знаках. Возражение, основанное на том, что скала зовется духовной, довольно глупо. Ибо сей эпитет только дает нам понять, что речь идет о символе духовной тайны. Между тем, не подлежит сомнению, что апостол сравнивает здесь наши таинства с таинствами ветхими.

Второе же приводимое возражение – еще глупее и звучит совершенно по-детски: каким образом, – говорят эти люди, – скала, неподвижно стоящая на одном месте, могла сопровождать израильтян? Как будто не ясно, что под скалою здесь означает струя воды, никогда не иссыхавшая у народа Божия. Ведь Павел восхваляет благодать Божию за то, что Бог повелел воде, изведенной из скалы, течь туда, куда бы ни пошел народ, так, словно его сопровождала сама скала. Но если смысл Павловых слов в том, что Христос есть духовный фундамент Церкви, то по какой причине глагол стоит здесь в прошедшем времени? Действительно, совершенно ясно, что сказанное апостолом относилось именно к отцам. Итак, пусть исчезнет глупое измышление, коим склонные к любопытству люди предпочитают скорее выдать свое бесстыдство, нежели допустить, что речь идет о таинствах.

Впрочем, уже было сказано, что древние таинства сопровождало предьявление означаемых ими вещей. Итак, коль скоро они были образами Христа, отсюда следует, что Христос был соединен с ними не по месту, не природным или сущностным единством, но сакраментальным способом. По этой причине апостол и говорит, что скала эта была Христом. Ибо, когда говорится о таинствах, нет ничего привычнее метонимии. Итак, здесь имя самой вещи переносится на ее знак, не потому, что оно подходит ему в собственном смысле, а фигурально, из-за упомянутой связи между знаком и вещью. Но эти вопросы я обсуждаю здесь лишь мимоходом, поскольку подробнее рассмотрю их в толковании на 11-ю главу.

И все же остается еще один вопрос: поскольку ныне во время вечери мы едим тело Христово и пьем Его кровь, каким же образом иудеи были причастниками той же самой духовной пищи и того же самого питания, коль скоро еще не было плоти Христовой, которую можно было бы есть? Отвечаю, что плоть, которой еще не было, тем не менее подавалась им в пищу. И это – не пустая или софистическая увертка. Ибо спасение иудеев зависело от благодеяния смерти и воскресения Христова, и поэтому – от Его плоти и крови. Значит,

им для того было нужно принимать плоть и кровь Христовы, чтобы участвовать в благодеянии искупления. И это принятие было таинственным делом Святого Духа, делавшего так, что еще не созданная плоть Христова была для них действенной. Но апостол имеет в виду, что иудеи поедали эту плоть своим способом, отличным от нашего. Именно об этом я и говорил ранее: то есть теперь Христос явлен нам полнее в силу более полного откровения. Ибо сегодня поедание является субстанциальным, а тогда оно еще не могло таким быть. То есть, Христос окормляет нас Своей плотью, принесенной за нас в жертву и предназначенной нам в пищу, и от нее мы черпаем свою жизнь.

5) *Но не о многих из них (но многие из них).* Теперь мы видим, к чему были направлены предыдущие слова апостола: дабы мы не приписывали себе больше достоинства и превосходства по сравнению с иудеями, но ходили в смирении и страхе Божиим. Ведь в этом случае мы не напрасно одарены светом истины и таким изобилием благодати. Всех их, – говорит апостол, – Бог избрал быть Его народом. Но многие из них отпали от благодати. Итак, наученные подобными свидетельствами, будем остерегаться, чтобы то же самое не произошло и с нами. Ибо мы не избежим наказания за то, за что Бог столь сурово покарал иудеев.

Но здесь можно снова возразить: если является правдой то, что лицемеры и нечестивые ели тогда духовную пищу, неужели и сегодня неверующие принимают в таинствах саму означаемую ими вещь? Некоторые, боясь, как бы людское неверие не показалось ущемляющим истину Божию, учат, что нечестивые вместе со знаком принимают и саму вещь. Но страх этот совершенно излишен. Ведь Господь предлагает и достойным, и недостойным то, что обозначает знак, но не все способны этим пользоваться. Между тем и знак не изменяет своей природы, и действенность его никуда не уходит. Посему со стороны Бога манна даже для неверующих была духовной пищей; но поскольку уста неверующих были только плотскими, они не поедали то, что им подавалось. Более подробное рассмотрение этого вопроса я отлагаю до главы 11-й.

Ибо они поражены (повергнуты) были. Признак, доказывающий то, что эти люди не были угодны Богу. Ибо Он сурово явил на них Свой гнев и покарал их за неблагодарность. Некоторые относят сказанное ко всему народу, погибшему в пустыне, за исключением лишь Халева и Иисуса Навина. Я же считаю, что здесь говорится только о людях, отдельные разновидности которых апостол вскоре перечислит.

6. А это были образы для нас, чтобы мы не были похотливы на злое, как они были похотливы. 7. Не будьте также идолопоклонниками, как некоторые из них, о которых написано: народ сел есть и пить, и встал играть. 8. Не станем блудодействовать, как некоторые из них блудодействовали, и в один день погибло их двадцать три тысячи. 9. Не станем искушать Христа, как некоторые из них искушали и погибли от змей. 10. Не ропщите, как некоторые из них роптали и погибли от истребителя. 11. Все это происходило с ними, как образы; а описано в наставление нам, достигшим последних веков. 12. Посему, кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть.

(6. А это были образы для нас, чтобы мы не были похотливы на злое, как они были похотливы. 7. Не будьте также идолопоклонниками, как некоторые из них, как написано: народ сел есть и пить, и встал играть. 8. Не станем блудодействовать, как некоторые из них блудодействовали, и в один день погибло их двадцать три тысячи. 9. Не станем искушать Христа, как некоторые из них искушали и погибли от змей. 10. Не ропщите, как некоторые из них роптали и погибли от истребителя. 11. Все эти образы происходили с ними; а написаны в наставление нам, на которых выпали окончания веков. 12. Посему, кто думает, что он стоит, пусть следит за тем, чтобы не упасть.)

б) *А это были образы для нас.* Апостол еще выразительнее учит тому, что к нам также относятся выпавшие на их долю наказания, дабы служить для нас свидетельством, и дабы мы, подобно им, не вызывали к себе гнев Божий. Бог, – говорит апостол, – наказывая их,

словно на картине изобразил для нас Свою суровость, дабы мы чрез это научились Его бояться. О слове «образ» мы вскоре скажем. Теперь же я только хочу предупредить читателей о том, что вполне обдуманно отошел как от древнего переводчика, так и от версии Эразма. Ибо и тот, и другой затемняют слова Павла или, по крайней мере, неясно выражают мысль о том, что Бог в иудейском народе предызобразил нечто, способное научить нас.

Чтобы мы не были похотливы на злое. Теперь апостол перечисляет некоторые разновидности их преступлений или отдельные их примеры, дабы, пользуясь этим поводом, обличить определенные пороки, о которых было полезно напомнить коринфянам.

Думаю, что здесь имеется в виду история, изложенная в Числ.11:4, хотя другие относят сказанное к тому, что содержится в главе 26:64. Народ, определенное время питавшийся манной, наконец, стал испытывать к ней отвращение и требовать другую пищу, которой обычно питался в Египте. Он согрешил двояко: в том, что презрел особое благодеяние Божие, и в том, что желал разнообразия пищи и удовольствий против воли Божией. Господь, оскорбленный подобной невоздержанностью, наслал на народ тяжкую язву. Отсюда это место было названо «гробами прихоти», поскольку там похоронили пораженных Господом людей. Этим примером Господь засвидетельствовал, сколь сильно ненавидит похоть, рождающуюся от нашей неумеренности и отвращения к Его дарам. Ибо злым и непозволительным заслуженно считается все, преступающее установленные Богом границы.

7) *Не будьте также идолопоклонниками.* Здесь упоминается история, изложенная в Исх.32:7. Ибо, когда Моисей провел на горе больше времени, чем могла вытерпеть легковесность народа, Аарон был принужден извять тельца и предложить его для поклонения. Не потому, что народ захотел заменить своего Бога, но потому что желал по своему плотскому разумению иметь видимый знак присутствия Божия. И Бог, суровейшим образом покаравший тогда за идолопоклонство, показал на этом примере, сколь сильно гнушается всякого служения идолам.

Написано: народ сел. Немногие правильно толкуют этот отрывок. Большинство считает, что причиной распутства для народа послужила его невоздержанность. Как говорится в народной пословице: за наполненным чревом следует пляска. Но Моисей говорит здесь о священном пире, то есть, о пире, посвященном почитанию идола. Поэтому пиршество и игра суть дополнения к идолопоклонству. Ведь как народу Божию, так и суеверным людям было привычно присоединять к жертвоприношению пир, как часть богопоклонения. И присутствовать на нем не позволялось никому из оскверненных или нечистых. Язычники также установили для своих идолов священные игры, по обряду которых израильтяне тогда, без сомнения, почтили сделанного ими тельца. Ибо такова наглость человеческого разума – все, что нравится людям, они приписывают Богу. Посему безумие язычников довело их до того, что они вообразили, что боги их услаждаются гнуснейшими зрелищами, такими как: бесстыдные скаканья, сквернословия и всякого рода мерзости. Посему, подражая им, израильский народ, по окончании торжественного пира, встал на праздничные игры, дабы ничего не упустить в почитании своего идола. Таков подлинный и простой смысл.

Но спрашивается: почему апостол упомянул здесь о еде и игре, а не о поклонении? Ибо поклонение – основное в идолопоклонстве, все же предыдущее – лишь дополнения к нему. Отвечаю: он выбрал то, что в наибольшей степени подходило коринфянам. Не похоже на правду, что они посещали собрания нечестивых, чтобы простираться перед идолами. Однако они участвовали в пиршествах, посвященных почитанию демонов, и не избегали нечестивых обрядов, служивших символами идолопоклонства. Итак, апостол обоснованно говорит: то, в чем согрешили коринфяне, особо осуждается Богом. В итоге, он хочет сказать, что прикосновение к любой части идолопоклонства вызывает осквернение. И те, кто осквернил себя внешними символами идолослужения, не избегнут наказания Божия.

8) *Не станем блудодействовать.* Теперь он говорит о блуде, вполне дозволенном, как явствует из истории, среди коринфян. Из вышесказанного легко заключить, что от этого порока не были совсем свободны даже те из них, кто стал христианином. И кара за этот порок должна испугать нас и наставить в понимании того, сколь ненавистны Богу нечистые вожделения. Ведь в один день погибло двадцать три тысячи или, по словам Моисея, двадцать четыре тысячи израильтян. Хотя апостол и не согласен с Моисеем в числе, примирить их весьма легко, ибо вовсе не ново там, где нет намерения точно и детально пересчитывать людей, приводить только их приблизительное число. Подобно тому, как у римлян говорилось о центумвирах, хотя имелось в виду сто два человека. Итак, поскольку десница Господня повергла приблизительно двадцать четыре тысячи человек, то есть, больше двадцати трех тысяч, Моисей приводит максимальное, а Павел – минимальное возможное число. Таким образом, в сути дела нет никакого расхождения. Эта история изложена в Числ.25:9.

Но здесь возникает одна трудность: почему Павел вменяет эту язву блудодействию, в то время как, по словам Моисея, гнев Божий возгорелся оттого, что народ вовлекся в священнодействия Ваалфеору. Но, коль скоро начало отпадения состояло в блудодеянии, и сыны Израиля впали в нечестие не столько по религиозным соображениям, сколько обольщенные блудницами, следовало приписать блуду все произошедшее от этого зло. Ибо по совету Валаама мадианитяне отдали для блуда дочерей своих израильтянам, дабы сделать их чуждыми истинного богопочитания. Больше того, слепота, состоящая в том, что израильтяне позволили себе из-за прелестей блудниц впасть в нечестие, была наказанием за похоть. Посему усвоим, что блуд – вовсе не незначительный грех. Ведь Бог покарал за него столь сурово и столь многими способами.

9) *Не станем искушать Христа.* Эта фраза относится к истории, изложенной в Числ.21:6. Поскольку народу надоело долго ожидание, он стал жаловаться на свою судьбу и требовать у Бога отчета: почему издевается над нами Бог, и т.д.? Павел называет этот народный ропот искушением, и вполне обоснованно. Ибо искушение противоположно терпению. Что же было тогда причиной того, что народ восстал на Бога, если не то, что, подталкиваемый своим дурным вождением, он не мог потерпеть до наступления установленного Богом времени? Итак, заметим, что источник зла, от которого нас здесь предостерегает Павел, – это нетерпение, когда мы хотим опередить Бога и не покоряемся Ему, дабы Он нами правил, но скорее желаем подчинить Его нашей воле и нашим законам. И Бог сурово покарал это зло в случае с израильским народом. Однако же Он всегда остается Тем же – справедливым Судьей. Поэтому, если мы не хотим испытать на себе то же самое наказание, не будем Его искушать.

Это место замечательно в отношении вечности Христа. Неубедительна уловка Эразма, толкующего так: не станем искушать Христа, как некоторые из них искушали Бога, – поскольку весьма натянуто подразумевать здесь слово «Бог». Не удивительно также, что Христос зовется здесь вождем израильского народа. Ибо как Бог был милостив к Своим только через этого Посредника, так и благодеяния Свои Он посылает только через Него. Кроме того, Ангел, вначале явившийся Моисею и всегда сопровождавший народ в пустыне, часто зовется словом **יהוה**. Итак, уверимся в том, что Ангел этот был Сыном Божиим и уже тогда руководил Церковью, Главою которой являлся.

Что же касается имени «Христос», то оно, по смыслу обозначая человеческую природу, тогда еще не подходило Сыну Божию, но приписывается Ему через общение в свойствах. Как и в другом месте, где сказано, что Сын Человеческий сошел с неба.

10) *Не ропщите.* Некоторые думают, что речь идет о ропоте, возникшем, когда посланные осмотреть землю соглядатаи, вернувшись, охладили народный пыл. Но поскольку этот ропот не был тут же поражен бичом Божиим, и наказание заключалось лишь в том, что всех отлучили от владения землею, необходимо по-другому толковать данное место. Ли-

шение права войти в обетованную землю было тягчайшим наказанием, но Павел, говоря о поражении народа истребителем, подразумевают совсем иной вид кары.

Поэтому я отношу сказанное к истории, изложенной в 16-й главе книги Чисел. Когда Бог покарал гордыню Корея и Авирона, народ возроптал на Моисея и Аарона, словно это они были зачинщиками насланной Богом язвы. И Бог покарал народ за это негодование, послал с неба огонь, истребивший многих, а именно: более четырнадцати тысяч. Итак, здесь мы видим яркий и запоминающийся образчик гнева Божия на бунтарей и ропщущих на Него смутьянов. Они роптали на Моисея, но коль скоро у них не было причины для нападок, и вспыхнули они только лишь потому, что Моисей добросовестно исполнил служение, вверенное Ему от Бога, ропот этот был направлен против Самого Создателя. Поэтому будем помнить: восставая на добросовестных служителей Божиих, мы имеем дело с Богом, а не с ними. Будем также знать, что подобная дерзость не останется безнаказанной.

Под *истребителем* же я понимаю ангела, исполнившего Божий приговор. Ведь, как явствует из разных мест Писания, для наказания людей Бог порою пользуется служением злых, а порою – и добрых ангелов. И коль скоро Павел не уточняет, о каком именно ангеле идет речь, можно выбрать любой вариант.

11) *Все это происходило с нами, как образы (Все эти образы происходили с нами)*. Апостол снова повторяет, что все сказанное случилось с израильтянами, дабы служить нам образом, то есть примерами, в которых Бог явил нам Свой праведный суд. Мне известно, что другие философствуют об этих словах утонченнее, но думаю, что полностью выражу мысль апостола, сказав, что на этих примерах, как на картинах, мы лицезреем суд, ожидающий идолопоклонников, блудников и прочих презрителей Бога. Ибо эти примеры – живые образы, представляющие нам Бога гневающимся за подобные прегрешения. И толкование это, будучи простым и истинным, является также и полезным. Оно преграждает путь отдельным безумцам, искажающим этот отрывок с целью доказать, что все происшедшее с древним народом имело прообразовательное значение. Начальным положением они выбирают следующее: этот народ был образом Церкви. Отсюда они заключают: все обещанные и данные ему от Бога благоденствия, все кары лишь предызображали то, что должно исполниться после пришествия Христова. Это – самый губительный бред, наносящий тяжкое оскорбление святым отцам и еще более тяжкое Самому Богу. Ибо израильский народ был образом Христианской Церкви в том смысле, что и сам был истинной Церковью. Его состояние так изображало состояние наше, что и само было в собственном смысле церковным. Обетования, данные израильтянам, так оттеняли Евангелие, что одновременно и заключали его внутри. Тайнства их так служили для изображения наших, что в то время сами были истинными таинствами с присущей им действительностью. Наконец, те, кто тогда правильно пользовался учением и символами, были наделены одинаковым с нами Духом веры. Поэтому слова Павла ничем не помогают вышеназванным безумцам. Апостол не имел в виду, что происшедшее в то время являлось образом в том смысле, словно было не истиной, а одним лишь пустым спектаклем; скорее (как мы уже говорили) он просто учит: тогда словно на картине изображалось то, что служит теперь нашему назиданию.

Написаны в наставление нам. Вторая часть предложения истолковывает первую. Ведь помнить о случившемся тогда важно не израильтянам, но нам. Отсюда не следует, что вышеназванные кары не были истинными посещениями Божиими, способными исправить израильтян. Но подобно тому, как в то время Бог осуществлял Свой суд, так Он восхотел для нашего назидания оставить о нем вечную память. Ибо какую пользу принес бы этот рассказ мертвым? И какую – для живых, если бы последних не вразумили печальные примеры других? И общепризнанным принципом, в котором должны сойтись все благочестивые, апостол считает следующее: все изложенное в Писании полезно для нашего знания.

Достигшим последних веков (на которых выпали окончания веков). Слово *τέλη* иногда означает «тайны». И это его значение, возможно, вполне соответствует контексту. Но я следую общепринятому чтению, поскольку оно проще. Итак, апостол говорит, что на нас выпали окончания всех веков, поскольку настоящему веку соответствует полнота всего и поскольку настали новейшие времена. Ибо Царство Христово – главная цель закона и всех пророчеств.

Далее, сказанное Павлом противоречит распространенному мнению о том, что Бог был суровее во времена ветхого завета и всегда готов к наказанию за проступки, теперь же Он стал более склонным к милости и прощающим с большей легкостью. Думающие так толкуют слова о том, что мы находимся под законом благодати, в следующем смысле: мы со значительно большей легкостью можем умилостивить Бога, чем это могли древние. Но что говорит Павел? Если Бог покарал их, то тем более не пощадит и нас. Итак, пусть исчезнет заблуждение о том, что Бог теперь с меньшей настойчивостью карает за преступления.

Действительно, следует признать, что с пришествием Христовым благодать Божия излилась на людей обильнее и заметнее. Но как это связано с безнаказанностью тех, кто злоупотребляет Его благодатью? Надо лишь иметь в виду одно: сегодня вид наказания иной. Некогда Бог больше посылал благочестивым внешние благословения, нежели свидетельствовал им Свою отеческую любовь, и так же больше выказывал Свой гнев телесными карами. Теперь же, при более полном откровении, которым обладаем мы, Бог не столь часто насылает видимые кары и не карает столь внезапно злых телесными наказаниями. Но об этом можно больше прочесть в наших «Наставлениях».

12) *Посему, кто думает, что он стоит.* Из вышесказанного апостол делает вывод: не стоит настолько хвалиться нашим началом или продвижением, чтобы спокойно почивать на лаврах. Ибо коринфяне хвалились своим положением так, что, забыв о собственной немощи, совершали многочисленные проступки. Таким было и то извращенное самоупование, которое повсеместно обличали пророки в израильском народе.

Однако, поскольку паписты искажают данный отрывок для утверждения своей нечестивой догмы о постоянно колеблющейся вере, отметим, что есть два вида спокойствия. Один опирается на обетование Божие, коль скоро благочестивая совесть убеждается, что Бог никогда ее не покинет. Основываясь на этом непоколебимом убеждении, она отважно и бестрепетно ведет войну с грехом и сатаной. И, тем не менее, помня о собственной немощи, она со страхом и смирением приступает к Богу, с усердием и озабоченностью Ему вверяясь. Такого рода спокойствие свято и неотделимо от веры, как явствует из многих мест Писания, особенно из Рим.8:33.

Другое спокойствие рождается из беспечности, когда люди гордятся уже полученными дарами и, словно будучи неуязвимыми, ни о чем больше не заботятся, но довольствуются настоящим состоянием. Таким образом, они подставляют себя всем нападкам сатаны. Именно от такого спокойствия отваживает Павел коринфян, видя, что они довольны собою из-за собственной глупости. Однако он не велит им с тревогой в душе сомневаться относительно воли Божией или трепетать в неуверенности о собственном спасении, как о том бредят паписты.

В итоге, будем помнить: Павел говорит здесь о людях, превозносящихся плотским самоупованием, и отвергает ту уверенность, которая основана на людях, а не на Боге. Ибо, еще прежде¹⁴ похвалив твердость веры колоссян (Кол.2:5), он велит им, укоренившись во Христе, пребывать непоколебимыми, назидаясь и укрепляясь в вере.

¹⁴ Ведя же речь о благочестивой уверенности, он говорит: стойте непоколебимо и утвержденно

13. Вас постигло искушение не иное, как человеческое; и верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил, но при искушении даст и облегчение, так чтобы вы могли перенести. 14. Итак, возлюбленные мои, убегайте идолослужения. 15. Я говорю вам как рассудительным; сами рассудите о том, что говорю. 16. Чаша благословения, которую благословляем, не есть ли приобщение Крови Христовой? Хлеб, который преломляем, не есть ли приобщение тела Христова? 17. Один хлеб, и мы многие одно тело; ибо все причащаемся от одного хлеба. 18. Посмотрите на Израиля по плоти: те, которые едят жертвы, не участники ли жертвенника?

(13. Вас постигло искушение не иное, как человеческое; и верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх того, как можете, но при искушении даст и выход, так чтобы вы могли перенести. 14. Итак, возлюбленные мои, убегайте идолослужения. 15. Я говорю вам как рассудительным; сами рассудите о том, что говорю. 16. Чаша благословения, которую благословляем, не есть ли приобщение Крови Христовой? Хлеб, который преломляем, не есть ли приобщение тела Христова? 17. Ведь мы многие – один хлеб и одно тело; ибо все причащаемся от одного хлеба. 18. Посмотрите на Израиля по плоти: те, которые едят жертвы, не участники ли жертвенника?)

13) *Вас постигло искушение.* Пусть другие толкуют так, как хотят. Я же думаю, что это сказано к утешению коринфян, дабы, услышав о столь устрашающих примерах гнева Божия, которые до этого приводил апостол, они не пали духом и не смутились в своем страхе. Посему, чтобы увещание его оказалось полезным, апостол дает им возможность вразумиться и как бы говорит: у вас нет причин падать духом; я не хотел дать вам повод для отчаяния, ибо с вами произошло то же, что обычно происходит с людьми. Другие же, напротив, думают, что здесь осуждается малодушие тех, кто уступает после легкого искушения. Действительно, «человеческое» иногда означает «умеренное». Поэтому согласно этим толкователям смысл следующий: прилично ли поддаваться столь легкому искушению? Но поскольку контексту здесь больше соответствует утешение, я больше склонен к первому варианту.

Верен Бог. Ранее апостол велел коринфянам быть довольными своим прошлым, побуждая их к покаянию. Теперь же на будущее он утешает их твердой надеждой, поскольку Бог не позволит им искушаться сверх сил. Он велит коринфянам взирать на Господа. Ибо искушение, каким бы незначительным оно ни было, тут же победит нас и погубит, если мы станем опираться на собственные силы. Апостол называет Господа верным не только потому, что Он верен Своим обетованиям. Павел как бы говорит: Господь – надежный страж Своих людей, под Его защитой вы в безопасности, ибо Он никогда не оставляет Своих; поэтому, коль скоро Он взял вас под Свою опеку, у вас нет причин для страха, лишь бы вы полностью полагались на Него; ведь, если бы Бог лишал нас помощи в нужде или продлевал искушение, видя, как немощные прогибаются под его тяжестью, Он бы в некотором смысле обманывал нашу надежду.

Не поддаваться же искушению Бог помогает нам двояко: давая нам силу и умеряя само искушение. О последнем способе апостол и ведет главным образом речь. Но он не исключает и первый способ помощи, а именно: Бог смягчает искушение, дабы оно не задавило нас своей тяжестью. Слово «искушение» я понимаю в обобщенном смысле, как все причиняющее нам волнение.

14) *Итак, возлюбленные мои, убегайте.* Теперь апостол возвращается к частному вопросу, от которого ранее несколько отошел. Чтобы одно лишь голое учение не стало для коринфян бесплодным, он вставил в текст послания уже прочитанные нами общие увещания. Однако теперь апостол продолжает начатую ранее тему: не подобает христианину принимать участие в суевериях нечестивых. Убегайте *идолослужения*, – говорит Павел.

Посмотрим сначала, в каком смысле он использует это слово. Павел, несомненно, не подозревал коринфян в столь явном невежестве и нерадивости, чтобы думать, будто они по-

читают идолов от сердца. Но поскольку коринфяне без страха и зазора посещали собрания нечестивых и вместе с ними участвовали в некоторых обрядах, установленных для поклонения идолам, апостол осуждает здесь эту вседозволенность. Ибо она дает другим самый дурной пример. Итак, ясно, что, говоря об идолослужении, апостол имеет в виду лишь внешнюю его разновидность. Или, если угодно, он говорит об исповедании идолопоклонства. Подобно тому, как Бога почитают коленопреклонением и другими знаками почтения, хотя главное и истинное почитание является внутренним, то же самое можно сказать и об идолах. Ведь у противоположностей одна и та же основа. Сегодня многие напрасно стараются оправдать свои внешние поступки под предлогом того, что они совершаются не от сердца. Но Павел вполне заслуженно осуждает таких в идолопоклонстве. Поскольку мы должны выказывать Богу не только тайное сердечное чувство, но и внешнее поклонение, тот, кто внешним образом почитает идолов, настолько же лишает поклонения Бога. Пусть он оправдывается, как хочет, его поступки говорят сами за себя. Ибо он присваивает идолу честь, законно принадлежащую одному лишь Богу.

15) *Я говорю вам как рассудительным.* Поскольку апостол собирался обосновать свой довод таинством вечери, этим небольшим вступлением он призывает коринфян тщательнее размыслить над величиим данного предмета, и как бы говорит: я обращаюсь не к новичкам; вы уже знаете о силе священной вечери – посредством нее мы прививаемся к телу Господню; итак, сколь недостойно для вас входить в общение с нечестивыми, сливаясь с ними в единое тело! Косвенно Павел упрекает коринфян в невежестве, ибо они, хорошо обученные в школе Христовой, потакали себе в пороке, тяжесть которого было весьма легко осознать.

16) *Чаша благословения.* Хотя священная вечеря Христова заключается в двух символах: хлебе и вине, – апостол начинает здесь со второго. Чашей благословения он называет ту, что предназначена для таинственной евлогии. Я не согласен с теми, кто под благословением понимает здесь благодарение, а слово «благословлять» толкует, как «благодарить». Признаю, что порой это слово употребляется в данном смысле, но никогда в таком обороте речи, которым воспользовался здесь Павел. И предположение Эразма о том, что здесь по умолчанию подразумевается предлог, весьма натянуто. Смысл же, которому следую я, прост и не содержит ничего сокрытого.

Итак, согласно апостолу, «благословлять» чашу означает освящать ее для такого использования, чтобы она была для нас символом крови Господней. А это происходит по слову обетования, когда верующие согласно Христову установлению собираются, чтобы помянуть в этом таинстве Его смерть. У папистов же освящение – это какая-то заимствованная от язычников магия, не имеющая ничего общего с чистым христианским культом. Как свидетельствует в другом месте тот же Павел, словом Господним освящается и любая другая наша пища. Но благословение преследует в этом случае иную цель, а именно: чтобы использование даров Божиих было у нас правильным и способствовало как славе Дарителя, так и нашему благу. Цель же таинственного благословения во время вечери в том, чтобы вино больше не было обычным питием, но посвящалось духовному окормлению души, будучи символом Христовой крови.

Павел называет благословленную таким образом чашу – *κοινωνία* крови Господней. Но спрашивается, в каком смысле? Пусть прекратятся споры, и все разом прояснится! Истинно, что через кровь Христову верующие входят в общение, дабы составить единое тело. И такого рода единство истинно зовется *κοινωνία*. То же самое я утверждаю и о хлебе. Кроме того, я слышу, что Павел тут же, как бы с целью истолкования, добавляет, что все мы станем одним телом, поскольку вместе причащаемся одного хлеба. Но откуда, спрашиваю, между нами возникает эта *κοινωνία*, если не оттого что мы соединены со Христом таким способом, чтобы быть плотью от Его плоти и костью от Его костей? Ведь, чтобы соединиться между собой, нам (так сказать) надлежит сначала привиться к Христову телу.

Добавь, что Павел говорит здесь не только о взаимном общении¹⁵ между людьми, но и о духовном союзе Христа с верующими, дабы вывести отсюда, что для них оскверняться от общения с идолами – невыносимое святотатство. Итак, из контекста можно заключить, что *κοινωνία* крови – это общение, которое мы имеем с Христовой кровью, когда Христос прививает всех нас к Своему телу, дабы мы жили в Нем, а Он – в нас.

Признаю, что именование чаши приобщением является образным, лишь бы только не устранялась истина этого образа; то есть, лишь бы здесь присутствовала сама обозначаемая образом вещь, состоящая в том, что наша душа так же приобщается крови Христовой, как и мы своими устами пьем вино. Впрочем, паписты не могли бы сказать, что чаша благословения есть приобщение крови Христовой, ибо вечеря у них изуродована и искажена. Но если мы будем называть вечерей инородную церемонию, сотканную из разных человеческих измышлений, она едва сохранит даже след Господнего установления. Но, как бы там ни было в отношении прочего, одно все же несомненно противоречит правильному совершению вечера – лишение народа чаши, составляющей добрую половину таинства.

Хлеб, который преломляем. Отсюда явствует, что в древней Церкви имелся обычай каждому отламывать от хлеба свою долю, дабы сделать более наглядным соединение благочестивых в едином Христовом теле. И то, что обычай этот удерживался долго, видно из свидетельства выдающихся церковных авторов первых трех столетий после смерти апостолов. Но затем победило суеверие, и священник стал класть в уста верующим хлеб, до которого больше никто не смел дотронуться.

17) *Один хлеб.* Выше я говорил о том, что Павел не прямо увещевает нас здесь к любви. Он упоминает о ней мимоходом, дабы коринфяне осознали: наш союз со Христом должен поддерживаться и внешним исповеданием. Ибо все мы участвуем в священном символе этого союза. При этом во второй части предложения апостол упоминает лишь о второй части таинства. Для Писания вполне привычно преломлением хлеба обозначать всю вечерю Господню. И читателям стоит попутно напомнить об этом, дабы никого из малоопытных не смущала гнилая увертка некоторых клеветников: будто Павел, говоря об одном хлебе, хотел лишить народ половины священного таинства.

18) *Посмотрите на Израиля по плоти.* Еще один пример, подтверждающий, что природа всех священнодействий – соединять нас с Богом определенного рода союзом. Ибо Моисей допускал до вкушения жертвы лишь тех, кто правильно себя подготовил. Я говорю не об одних только священниках, но обо всем народе, поедавшем остатки от жертвы. Отсюда следует, что все, питавшиеся плотью закланных животных, были причастниками жертвенника. То есть, того освящения, которым Бог удостоил храм и все проводимые в нем священнодействия.

Фраза «по плоти», кажется, добавлена для того, чтобы коринфяне посредством сравнения больше ценили действенность вечера. Апостол как бы говорит: если в древних образах и в детоводительных начатках присутствовала такая сила, то какая же тогда заключается в наших таинствах, где Бог сияет для нас много ярче! Хотя проще (на мой взгляд) думать, что Павел этим признаком хотел лишь провести различие между подзаконными иудеями и теми, кто обратился ко Христу.

Но противопоставление остается тем же самым, а именно: если священнодействия Божии освящают Его почитателей, то священнодействия идольские, напротив, оскверняют. Освящает один лишь Бог, поэтому все чуждые боги только оскверняют. И наоборот, как таинства соединяют верующих с Богом и вводят в общение с Ним, так и суеверные обряды нечестивых вводят их в общение с идолами. Однако прежде, чем перейти к этой теме, апостол предварительно отвечает на вопрос, который могли бы задать возражающие.

¹⁵ Которое имеют между собой люди

19. *Что же я говорю? То ли, что идол есть что-нибудь, или идоложертвенное значит что-нибудь?* 20. *Нет, но что язычники, принося жертвы, приносят бесам, а не Богу. Но я не хочу, чтобы вы были в общении с бесами.* 21. *Не можете пить чашу Господню и чашу бесовскую; не можете быть участниками в трапезе Господней и в трапезе бесовской.* 22. *Неужели мы решимся раздражать Господа? Разве мы сильнее Его?* 23. *Все мне позволительно, но не все полезно; все мне позволительно, но не все назидает.* 24. *Никто не ищи своего, но каждый пользы другого.*

(19. Что же я говорю? Идол есть что-нибудь? Или идоложертвенное есть что-нибудь? 20. Но то, что приносят в жертву язычники, они приносят демонам, а не Богу. Но я не хочу, чтобы вы были причастниками демонов. 21. Не можете пить чашу Господню и чашу демонскую; не можете быть участниками в трапезе Господней и в трапезе демонской. 22. Неужели мы решимся раздражать Господа? Разве мы сильнее Его? 23. Все мне позволительно, но не все полезно; все мне позволительно, но не все назидает. 24. Никто не ищи своего, но каждый относящегося к другому.)

19) *Что же я говорю?* На первый взгляд, могло показаться, что апостол либо рассуждает неубедительно, либо приписывает идолам сущность и какую-то способность. И ему было легко возразить: как можно сравнивать живого Бога с идолами? Бог через таинства соединяет нас с Собой; пусть так, но откуда подобная сила у идолов, которые – ничто, и не могут того же самого; или ты думаешь, что идолы – нечто, и что-то могут делать?

И апостол отвечает, что имеет в виду не самих идолов, но намерение тех, кто приносит им жертвы. Ибо из намерения этого и происходит осквернение, на которое ранее намекал апостол. Итак, он признает, что идол – ничто, признает, что язычники впустую проводят обряды торжественного посвящения. Не потому, что творения Божии оскверняются подобными нелепостями, но потому что цель их суеверна и достойна осуждения, потому что нечестиво само дело, – апостол и делает вывод об осквернении всех, приобщающихся идолам.

20) *Язычники, принося жертвы (То, что приносят в жертву язычники).* Дабы ответ оказался полным, в словах апостола надо подразумевать скрытое отрицание, то есть: я не говорю, будто идол есть нечто, не воображаю, что он наделен какой-то силой; я утверждаю, что язычники приносят свои жертвы бесам, а не богам, и поэтому оцениваю их действия из их порочного и нечестивого суеверия; ибо всегда следует обращать внимание на то, с каким намерением делается что-либо; итак, присоединяющийся к ним признается в участии в одинаковом с ними нечестии. Апостол продолжает развивать начатую тему: если бы дело было только в Боге, то идолослужение – ничто, но по отношению к людям оно весьма порочно, ибо всякий возлежащий на идольском пиршестве объявляет себя почитателем идолов.

Впрочем, слово «демоны» некоторые относят к вымышленным богам язычников, согласно их обычной манере выражения. Ибо, говоря о демонах, они имели в виду менее значимых богов – таких, как герои. Таким образом, слово «демоны» понималось в хорошем смысле. И у Платона также много написано о гениях или ангелах. Но подобный смысл был бы полностью чужд мысли апостола. Ибо он хотел научить, сколь тяжкий грех – участвовать в мероприятиях, связанных с почитанием идолов. Итак, его интересам отвечало не смягчать, но скорее усиливать присутствующее здесь нечестие. Как было бы глупо использовать почтенное имя для обозначения величайшего зла! Из пророческих слов (Втор.32:17) определенно явствует, что приносящие жертву идолам приносят бесам. В греческом же общераспространенном переводе этого места использовано слово «демоны», и именно в этом смысле данное слово повсеместно употребляется в Писании. Насколько же вероятнее то что Павел заимствовал сказанное из пророков, желая обозначить тяжесть этого зла, нежели, что он, выражаясь по обыкновению язычников, превозносил то, что хотел в наивысшей степени проклясть!

Однако этому, кажется, несколько противоречит сказанное мною ранее о том, что Павел имел в виду намерение идолопоклонников. Ведь оно заключалось в том, чтобы почитать вымышленных и придуманных богов, а не бесов. Отвечаю: и то, и другое вполне согласуется друг с другом. Поскольку люди настолько осуетились в своих помышлениях, что воздают божеское почитание творениям, а не единому Богу, они на самом деле в качестве кары служат сатане. Они не находят искомую ими середину между Богом и сатаной, и сатана по праву предлагает им себя для поклонения, когда они отходят от истинного Бога.

Но я не хочу. Если бы слово «демон» имело промежуточное значение, сколь невыразительным было бы это речение Павла, в котором, тем не менее, содержится наивысшая суровость к идолопоклонникам! И апостол приводит причину: никто не может одновременно приобщаться и Богу, и идолам. Но во всех священнодействиях провозглашается это приобщение. Итак, будем знать: Христос допустит нас к священному пиршеству Своего тела и крови лишь в том случае, если прежде мы распрощаемся со всяким святотатством. Ведь тому, кто хочет получить первое, надлежит отречься от второго. О, трижды несчастна судьба тех, кто, дабы угодить людям, без колебаний оскверняет себя запрещенными суевериями. Ибо, поступая так, они добровольно отрекаются от приобщения Христу и закрывают для себя доступ к Его спасительной трапезе.

22) *Неужели мы решимся раздражать Господа.* Изложив учение, апостол еще яростнее восстает на то обстоятельство, что, как он ранее увидел, тягчайшее оскорбление Бога считалось ничем или, по крайней мере, легким заблуждением. Коринфяне желали, чтобы их вседозволенность считалась извинительной. Подобно тому, как никто из нас не захочет по своей воле быть обвиненным, но ищет те или другие увертки, чтобы себя оправдать. Таким образом, Павел вполне обоснованно утверждает, что Богу здесь объявляется война. Ведь Бог больше всего требует от нас твердо придерживаться того, что Он провозглашает в Своем Слове. И разве не восстают открыто на Бога те, кто прибегает к уверткам, дабы безнаказанно преступать заповедь Божию? Отсюда и проклятие, которое пророк возвещает всем (Ис.5:20), называющим зло добром, а тьму – светом.

Разве мы сильнее. Апостол увещевает, сколь опасно раздражать Бога. Ведь никто не сможет так поступать, кроме как к собственной гибели. Как гласит поговорка: жребий Марса людям неизвестен. Но ведь спорить с Богом есть не что иное, как добровольно навлекать на себя гибель. Значит, если мы страшимся иметь Бога в качестве врага, будем же бояться извинять свои грехи, то есть, все противоречащее Его слову. Будем также бояться ставить под сомнение Им возвещенное. Ведь это будет, подобно древним гигантам, восстание на само небо.

23) *Все мне позволительно.* Апостол снова возвращается к праву на христианскую свободу, которым коринфяне себя оправдывали, и отклоняет их возражение еще ранее данным ответом. Есть идоложертвенное мясо и присутствовать на подобных пиршествах – внешний поступок, и, значит, сам по себе он позволителен. Павел же свидетельствует, что ничуть об этом не спорит. Он утверждает лишь, что в этом деле надо иметь в виду назидание. Все мне позволительно, – говорит апостол – но не все полезно, то есть, полезно ближним. Ибо каждый должен искать не собственной пользы. И апостол вскоре добавляет: если что-то не полезно для братьев, от этого следует воздержаться.

Затем он говорит о конкретном виде этой пользы, а именно: о назидании. Ведь в этом деле надо принять во внимание не только пользу от мяса. Итак, что же? Неужели разрешенное Богом перестало быть позволительным из-за того, что оно не полезно ближнему? Ведь в этом случае свобода оказалась бы подвластна людям. Размысли над словами Павла и ты поймешь, что, когда ты приспособливаешься к ближним, свобода твоя остается неповрежденной. Ограничивается только ее употребление. Павел признает, что это позволено, но отрицает, что надо пользоваться свободой, если последняя не назидает.

24) *Никто не ищи своего.* В Рим.14, где апостол рассматривает тот же довод, сказано: никто не должен угождать себе, но должен стараться угождать братьям ради их назидания. Весьма необходимая заповедь. Ибо мы настолько порочны по своей природе, что каждый, презирая братьев, заботится о себе самом. Закон же любви, требуя от нас любить ближних, как самих себя, одновременно призывает нас заботиться об их спасении. Впрочем, апостол не запрещает настрого, чтобы каждый думал о своей пользе, он лишь не желает такой приверженности себе, при которой люди не готовы отказаться от части своих прав, когда этого требует дело спасения братьев.

25. Все, что продается на торгу, ешьте без всякого исследования, для спокойствия совести; 26. ибо Господня земля, и что наполняет ее. 27. Если кто из неверных позовет вас, и вы захотите пойти, то все, предлагаемое вам, ешьте без всякого исследования, для спокойствия совести. 28. Но если кто скажет вам: это идоложертвенное, – то не ешьте ради того, кто объявил вам, и ради совести. Ибо Господня земля, и что наполняет ее. 29. Совесть же разумею не свою, а другого: ибо для чего моей свободе быть судимой чужою совестью? 30. Если я с благодарением принимаю пищу, то для чего порицать меня за то, за что я благодарю? 31. Итак, едите ли, пьете ли, или иное что делаете, все делайте в славу Божию. 32. Не подавайте соблазна ни Иудеям, ни Еллинам, ни церкви Божией, 33. так, как и я угождаю всем во всем, ища не своей пользы, но пользы многих, чтобы они спаслись.

(25. Все, что продается на торгу, ешьте без всякого исследования, ради совести; 26. ибо Господня земля, и полнота ее. 27. Если кто из неверных позовет вас, и вы захотите пойти, то все, предлагаемое вам, ешьте без всякого исследования ради совести. 28. Но если кто скажет вам: это идоложертвенное, – то не ешьте ради того, кто объявил вам, и ради совести. 29. Совесть же разумею не твою, а другого: ибо для чего моей свободе быть судимой чужою совестью? 30. Если я с благодарением приобщаюсь, то для чего порицать меня за то, за что я благодарю? 31. Итак, едите ли, пьете ли, или иное что делаете, все делайте в славу Божию. 32. Никому не подавайте соблазна: ни Иудеям, ни Еллинам, ни церкви Божией, 33. так, как и я угождаю всем во всем, ища не своей пользы, но многих, чтобы они спаслись.)

25) *Все, что продается на торгу.* Выше апостол говорил о подражании идолопоклонству или, по крайней мере, о тех действиях, которые коринфяне не могли совершать, не объявляя себя сообщниками нечестивых в их суевериях. Теперь же он не только требует от коринфян воздерживаться от всякого открытого идолопоклонства, но и тщательно остерегаться любых соблазнов, обычно рождающихся от неразборчивого использования безразличных вещей. Ведь хотя грехи коринфян и относились к одной разновидности, по степени они все же различались. Касательно же употребления пищи, апостол сначала формулирует общее положение: всем, чем угодно, позволено питаться с доброй совестью, поскольку это разрешил Господь. Затем он ограничивает эту свободу относительно ее употребления, дабы немощная совесть не понесла ущерба. Таким образом, вывод апостола состоит из двух утверждений. Первое касается свободы и власти использования безразличных вещей, второе – ограничения этой свободы, дабы использование ее соответствовало правилу любви.

Без всякого исследования. Ἐπιεικέσθαι, глагол, которым пользуется Павел, означает приводить доводы «за» и «против», когда разум человека колеблется, склоняясь то в ту, то в другую сторону. Поэтому, касательно различия видов пищи, апостол избавляет совесть от всяких сомнений и колебаний. Ибо там, где Слово Господне ясно одобряет наши поступки, душе надлежит быть спокойной и уверенной.

Ради совести, то есть, перед судилищем Божиим. Апостол как бы говорит: постольку, поскольку ты имеешь дело с Богом, у тебя нет причин рассуждать о том, позволено ли это,

или нет; я согласен с тем, чтобы ты спокойно ел все что угодно, ибо Господь позволил тебе есть все без исключения.

26) *Господня земля.* Апостол подтверждает установленную им свободу свидетельством Давида. Но кто-то скажет: какое отношение к делу имеют эти слова? Отвечаю: если полнота земли принадлежит Господу, все находящееся в мире свято и чисто. Всегда следует иметь в виду, каким вопросом озабочен апостол. Можно было бы подумать, что жертвоприношения нечестивых оскверняют Божии творения. И Павел отрицает эту мысль, ибо у Бога всегда остается господство над всей землею и обладание ею. То же, что Господь содержит в Своей деснице, Он сохраняет Собственной силой и в силу этого освящает. Итак, все вещи чисты для детей Божиих, коль скоро они принимают их не откуда-то еще, а из длани Божией.

Полнотой земли пророк называет изобилия благ, коими Господь снабдил и украсил землю. Ибо, если бы земля была лишена деревьев, трав, животных и прочего, она была бы подобна жилищу, в котором отсутствует утварь и другие необходимые для жизни орудия. Больше того, она была бы ущербной и безвидной. Если же кто возразит и скажет, что земля проклята из-за человеческого греха, ответ готов: здесь имеется в виду чистая и целостная природа, поскольку Павел говорит о верующих, для которых все освящается через Христа.

27) *Если кто из неверных.* Затем следует оговорка, а именно: если верующий предупрежден о том, что предлагаемое ему является идоложертвенным, и видит опасность соблазна, он согрешит против братьев, если не воздержится от употребления. Итак, апостол учит, что надо в наивысшей степени щадить немощную совесть. Говоря же, и «захотите пойти», он косвенно намекает на то, что не вполне одобряет такое решение, и было бы лучше, если бы верующие отказались. Однако, поскольку подобное дело относится к безразличным, апостол не хочет строго его запрещать. Действительно, лучше всего было бы избегать подобных сетей. И не потому, что следует просто осудить тех, кто приспособливается к людям (но лишь, как говорится, до жертвенника), а потому, что надлежит осторожно действовать там, где видна опасность впасть в грех.

29) *Совесть же разумею не свою (твою).* Апостол всегда старательно остерегается приуменьшить свободу или показаться отрицающим ее в какой-либо части: ты должен уступить немощной совести твоего брата и не соблазнять его, злоупотребляя своим правом; но, между тем, твоя совесть остается несвязанной, поскольку свободна от подобного подчинения; итак, узда, которую я набрасываю на тебя в деле внешнего использования, ни в коем случае не означает петлю, наброшенную на твою совесть.

Здесь следует отметить, что слово «совесть» понимается в самом строгом смысле, в то время как в Рим.13:5 и 1Тим.1:5 оно разумеется шире. Мы должны, – говорит там Павел, – повиноваться князьям не только из-за их гнева, но и ради совести. То есть, не только из-за страха перед наказанием, но и ради исполнения долга потому, что так повелевает Господь. Но неужели по той же самой причине нам не надлежит приспособливаться к немощным братьям? То есть, из-за того, что мы в такой же степени подчинены им перед Богом? И снова, цель заповеди – это любовь, проистекающая из доброй совести. Но разве в самой доброй совести уже не заключено чувство любви? Посему здесь (как я уже говорил) слово это употребляется в более ограниченном смысле, а именно: постольку, поскольку благочестивая душа взирает только на судилище Божие, а не на людей, и успокаивается в обретенном через Христа благоденствии свободы. Постольку, поскольку она не привязана ни к каким лицам или обстоятельствам места или времени.

Другие кодексы повторяют здесь слова: «Господня земля», но вероятно, что они были написаны на полях читателем, и уже затем проникли в библейский текст. Хотя это и не столь уж важный вопрос.

Для чего моей свободе. Не ясно, от своего ли лица говорит здесь Павел, или приводит возражение от лица коринфян. Если понять эти слова, как сказанные от лица апостола, они будут подтверждением предыдущего положения. Павел как бы говорит: твоя свобода не становится подчиненной другому из-за того, что ты ограничиваешь ее ради его совести. Если же считать, что Павел говорит от лица коринфян, смысл будет следующим: ты связываешь нас законом, потому что хочешь, чтобы свобода наша стояла или падала в зависимости от суждения других. Однако я думаю, что Павел учит здесь от своего лица, и толкую иначе. Ибо до этого я говорил о том, что думают об этом отрывке другие. Итак, «быть судимой» я толкую согласно общему словоупотреблению Писания, как «быть осужденной». Павел увещевает, какие последуют неудобства, если мы станем неразборчиво пользоваться нашей свободой, невзирая на соблазн ближних. А именно: в этом случае они осудят ее. Так по нашей вине и неосмотрительности окажется осужденным особое благоденствие Божие. И если мы не будем остерегаться этой опасности, то своим злоупотреблением опорочим свободу. Итак, этот довод весьма силен и подтверждает увещевание Павла.

30) *Если я с благодарением.* Этот довод похож на предыдущий и почти тот же самый. Коль скоро благоденствие Божие состоит в том, что все мне позволено, как же я допущу, чтобы оно приводило к пороку? Мы не можем мешать нечестивым нас злословить, и даже немощные братья порою нас порицают, но Павел осуждает здесь разнузданность тех, кто добровольно дает повод для соблазна и расшатывает немощную совесть, хотя это не необходимо и не полезно. Итак, апостол хочет, чтобы мы правильно пользовались своими благами, дабы из-за нашей необдуманной вседозволенности немощные не получили повод для злоречия.

31) *Итак, едите ли.* Дабы коринфяне не подумали, будто в столь незначительном вопросе не стоит так уж сильно избегать упреков других, апостол учит, что нет такой части нашей жизни, нет таких незначительных поступков, чтобы их не следовало относить к славе Божией. И мы должны заботиться о том, чтобы усердствовать в ее продвижении даже во время еды и питья. Предложение это согласуется с предыдущими. Ведь если мы будем радеть о славе Божией подобающим образом, мы никогда не потерпим, насколько это в наших силах, чтобы благоденствия Его подверглись поношению. Правильно сказала когда-то народная пословица: надо не жить, чтобы есть, а есть, чтобы жить. И если мы одновременно помним и о цели нашей жизни, наше жизненное пропитание станет для Бога в каком-то смысле священным, поскольку будет предназначено для Его почитания.

32) *Не подавайте соблазна (никому не подавайте соблазна).* Это – вторая цель, на которую нам следует обратить внимание, а именно: правило любви. Посему усердие к славе Божией занимает первое место, а второе принадлежит попечению о ближних. Апостол называет иудеев и язычников не только потому, что Церковь Божия состояла тогда из этих двух людских категорий, но и желая научить, что мы – должники перед всеми, даже чужими, дабы, если возможно, приобрести и их.

33) *Так, как и я угождаю.* Поскольку апостол говорит обобщенно и без исключений, некоторые неуместно распространяют сказанное на непозволительные и противоречащие Слову Господню поступки. Словно позволительно ради угождения ближним покушаться на большее, чем нам позволяет Господь. Но яснее ясного, что Павел приспособлялся к людям только в безразличных вещах, позволительных по своей природе. Кроме того, следует отметить цель приспособления: «чтобы они спаслись». Итак, не подобает уступать им в том, что противоречит их спасению. Здесь надо проявлять благоразумие, и благоразумие духовное.